

ISSN 3033-6430 (print)
ISSN 3033-6414 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSIHOLOGICHESKIE NAUKI

PSYCHOLOGICAL
SCIENCES

ДРУЖБА ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

ПСИХОРЕГУЛЯТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ
РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ
КО ВРЕМЕНИ У ОСУЖДЁННЫХ ЗА КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

2025 / № 4

ISSN 3033-6430 (print)

2025 / № 4

ISSN 3033-6414 (online)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2025 г.:

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки); 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal "Psychological Sciences" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" on the following scientific specialities: 5.3.1. General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology (psychological sciences); 5.3.3. Labor psychology, human engineering, cognitive ergonomics (psychological sciences); 5.3.4. Pedagogical Psychology, Psychodiagnostics of Digital Educational Environment (psychological sciences); 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 3033-6430 (print)

2025 / № 4

ISSN 3033-6414 (online)

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Учредитель журнала «Психологические науки»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. – д-р психол. наук, проф., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Заместитель главного редактора:

Несторова А. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Ответственный секретарь:

Цветкова Н. А. – д-р психол. наук, доц., Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Боязитова И. В. – д-р психол. наук, проф., Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова (г. Симферополь)

Иванников В. А. – академик Российской академии образования, д-р психол. наук, проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Карабанова О. А. – д-р психол. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

Крамаренко Н. С. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Овсяник О. А. – д-р психол. наук, доц., Государственный университет просвещения (г. Москва)

Митина Л. М. – д-р психол. наук, проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Мухамедова Д. Г. – д-р психол. наук, проф., Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

Фирсов М. В. – д-р ист. наук, проф., Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (г. Москва)

Шнейдер Л. Б. – д-р психол. наук, проф., Московский педагогический государственный университет (г. Москва)

ISSN 3033-6430 (print)

ISSN 3033-6414 (online)

Рецензируемый научный журнал «Психологические науки» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс журнала «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российской индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.psymgou.ru

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции серии. Рукописи не возвращаются.

Психологические науки. – 2025. – № 4. – 136 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

е-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.psymgou.ru

Founder of journal “Psychological Sciences”
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year ———

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Federal State University of Education (Moscow)

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education (Moscow)

Executive secretary:

N. A. Tsvetkova – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow)

Members of Editorial Board:

I. V. Boyazitova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Crimean Engineering and Pedagogical University the name of Fevzi Yakubov (Simferopol)

V. A. Ivannikov – Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psychology), Prof., Honoured Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

O. A. Karabanova – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow)

N. S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Federal State University of Education (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education; Russian State University for the Humanities (Moscow)

O. A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Federal State University of Education (Moscow)

L. M. Mitina – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

D. G. Muhamedova – Dr. Sci. (Psychology), National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent)

M. V. Firsov – Dr. Sci. (History), Prof., I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow)

L. B. Shneider – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow)

ISSN 3033-6430 (print)

ISSN 3033-6414 (online)

The reviewed scientific journal “Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The journal “Psychological Sciences” is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73333).

Index of journal “Psychology sciences” according to the Union catalog “Press of Russia” 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries “eLibrary” (www.elibrary.ru) and “CyberLeninka” (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal’s site: www.psymgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers.

The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Psychological Sciences. – 2025. – no. 4. – 136 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

10A build. 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.psymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 6

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Карпинский К. В.</i> Психорегулятивная типология репродуктивного поведения: теоретическое обоснование и эмпирическая оценка	7
<i>Миронова О. И., Роговая О. С.</i> Эмоциональная зрелость как базовый компонент совладающего поведения в трудных ситуациях взаимодействия с созависимыми ..	24
<i>Никитаев Н. М., Цветкова Н. А.</i> Дисфункциональные семейные эмоциональные коммуникации как предикторы асоциального поведения у подростков, состоящих на социальном сопровождении	36
<i>Новоселова Е. С., Забелина Е. В.</i> Гендерные особенности отношения ко времени у осуждённых за корыстные преступления	49

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

<i>Андреева А. Д., Бегунова Л. А., Лисичкина А. Г.</i> Взаимосвязь ответственности и личностных черт с уровнем воспринимаемого стресса у старших подростков...	60
<i>Жемерикина Ю. И., Мусатова О. А., Шпагина Е. М.</i> Актуальные тенденции выбора профессии студентами технологического вуза	73
<i>Коповой А. С., Сидячева Н. В.</i> Особенности психологического-педагогического сопровождения процесса адаптации детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком в общеобразовательной организации	89
<i>Патраков Э. В., Литовченко А. Н.</i> Взаимодействия субъектов образовательного процесса в цифровых средах: анализ одного парадокса (на материале фокус-групп)	99
<i>Сорокоумова Г. В.</i> Дружба подростков в цифровую эпоху: постановка проблемы	113

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

<i>Левковская Н. А.</i> Социально-психологическая реабилитация, трудоустройство ветеранов и выбор профессии: аналитический обзор зарубежных исследований	122
--	-----

CONTENTS

Editor's Column	6
-----------------------	---

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

<i>K. Karpinski.</i> Psychological Regulatory Typology of Reproductive Behavior: Theoretical Foundation and Empirical Assessment	7
<i>O. Mironova, O. Rogovaya.</i> Emotional Maturity as a Basic Component of Coping Behavior in Difficult Situations when Interacting with Codependents	24
<i>N. Nikitaev, N. Tsvetkova.</i> Dysfunctional Emotional Family Communications as Predictors of Antisocial Behavior of Adolescents Receiving Social Support	36
<i>E. Novoselova, E. Zabelina.</i> Gender-Specific Attitudes Towards Time Among Acquisitive Crime Offenders	49

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

<i>A. Andreeva, L. Begunova, A. Lisichkina.</i> Responsibility and Personal Features Relation to the Level of Stress Perceived by Older Adolescents	60
<i>Yu. Zhemerikina, O. Musatova, E. Shpagina.</i> Current Trends in Career Choices Made by Students Studying at Technological Universities	73
<i>A. Kopovoy, N. Sidyacheva.</i> Features of Psychological and Pedagogical Support Required for Adaptation Process of Both Children Who are Foreign Citizens and Whose Native Language is not Russian in a General Educational Organization ..	89
<i>E. Patrakov, A. Litovchenko.</i> Interactions of Educational Subjects in Digital Environments: Paradox Analysis (Based on Focus Groups)	99
<i>G. Sorokoumova.</i> Teenage Friendship in the Digital Era: Problem Statement	113

LABOR PSYCHOLOGY, HUMAN ENGINEERING, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>N. Levkovskaya.</i> Social Psychological Rehabilitation, Employment of Veterans and Career Choice: An Analytical Review of Foreign Research	122
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели и авторы статей!

Коллеги и друзья!

Поздравляем вас с наступающим Новым 2026 годом!

В течение года в журнале печатались статьи на актуальные темы общей психологии, психологии труда, социальной психологии и педагогической психологии. Номер 4 в 2025 году выйдет в новом названии. Наш журнал переименован в «Психологические науки», является преемником и продолжает знакомить с важными проблемами общей психологии, психологии труда, социальной и педагогической психологии. Во всех выпусках журнала Вы представляли наиболее востребованные и актуальные проблемы научных исследований, которые проводятся в разных вузах Российской Федерации. Вы поделились на страницах журнала с научным сообществом своими открытиями, интересными новыми результатами!

Каждый год мы предполагаем, что возникнут перемены, которые связаны с надеждами на лучшее. Пусть всё задуманное Вами непременно сбудется, запланированное свершится, всё, что хотели начать, – начнётся.

Надеемся, что в новом 2026 году мы все станем счастливее, добре, внимательнее к своим близким и окружающим нас людям, а мир откроет новые неизведанные возможности и расширит горизонты в науке.

Дорогие друзья! Примите самые искренние пожелания здоровья, счастья, благополучия и благодарности за Ваш вклад в развитие психологической науки. Желаем, чтобы Ваши начинания опириались на энергию, силу, мудрость и несгибаемую решимость.

От редакции журнала поздравляем наших авторов и читателей с наступающим Новым 2026 годом!

Пусть новый год принесёт вам новые маленькие и большие научные открытия, интересную практику, использование ИИ (искусственного интеллекта) в научной и исследовательской деятельности, обмен опытом, знакомства с новыми коллегами, участие в конференциях и форумах! Мы приглашаем Вас к сотрудничеству и ждём интересных статей, которые направлены на возможность решения новых вызовов, которые стоят перед психологией!

Ждём Ваши статьи, отзывы, информацию!

Главный редактор и редакционная коллегия

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-7-23

ПСИХОРЕГУЛЯТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Карпинский К. В.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно,

Республика Беларусь

e-mail: karpkostia@gmail.com

Поступила в редакцию 08.10.2025

Принята к публикации 16.10.2025

Аннотация

Цель. Теоретическое обоснование и эмпирическая оценка психологической типологии репродуктивного поведения человека, основанной на учёте индивидуальных особенностей его психической регуляции и предусматривающей три типа: активный, инактивный и пассивный.

Процедура и методы. Эмпирическое исследование проведено на гетерохронной и гетерогенной популяционной выборке взрослых жителей Республики Беларусь ($N = 3\,312$). Эмпирические данные собраны с помощью анкетного опроса и стандартизированных психодиагностических методик «Шкала ценностного отношения к детям» и «Смыслометрический анализ ребёнка».

Результаты. Построена психорегулятивная типология репродуктивного поведения, в рамках которой дифференцируются активный, инактивный и пассивный типы. Выявлены психологические различия личностно-смысловой регуляции и осознанной саморегуляции репродуктивного поведения, характерные для носителей разных его типов.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в выявлении психологических особенностей, механизмов и закономерностей личностно-смысловой регуляции и осознанной саморегуляции разнотипного репродуктивного поведения взрослых, а также в возможности использования полученных результатов в практической (консультативной, коррекционной, терапевтической) работе с индивидами и семьями, испытывающими психологические трудности в принятии репродуктивных решений.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, психическая регуляция, типология, активный тип, инактивный тип, пассивный тип, личностный смысл ребёнка

Благодарности и источники финансирования. Исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ-МИРРУ № Г23УЗБ-053 от 20.11.2023 г. «Ценностное отношение к детям в регуляции репродуктивного и родительского поведения в современной белорусской и узбекской семье».

Для цитирования: Карпинский К. В. Психорегулятивная типология репродуктивного поведения: теоретическое обоснование и эмпирическая оценка // Психологические науки. 2025. № 4. С. 7–23. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-7-23>

Original research article

PSYCHOLOGICAL REGULATORY TYPOLOGY OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR: THEORETICAL FOUNDATION AND EMPIRICAL ASSESSMENT

K. Karpinski

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
e-mail: karpkostia@gmail.com

Received by the editorial office 08.10.2025

Accepted for publication 16.10.2025

Abstract

Aim. To theoretically analyze and empirically assess the psychological typology of human reproductive behavior, based on individual characteristics of its self-regulation and comprising three behavioral types such as active, inactive, and passive.

Methodology. The empirical study was conducted on a heterochronic and heterogeneous population-based sample of adult residents of the Republic of Belarus (N = 3,312). Empirical data was collected with use of a questionnaire survey and the standardized psychological diagnostic instruments such as the “Value of Children Scale” and the “Smyslometria of the Child.”

Results. The psychological regulatory typology of reproductive behavior that differentiate active, inactive, and passive types was developed. Psychological differences in personal meaning regulation and conscious self-regulation of reproductive behavior, characteristics of individuals exhibiting different types were identified.

Research implications consist in revealing the psychological features, mechanisms, and patterns of personal meaning regulation and conscious self-regulation of diverse types of reproductive behavior in adults. The results can be utilized in practical (consultative, corrective, therapeutic) work with individuals and families experiencing psychological difficulties in making reproductive decisions.

Keywords: reproductive behavior, self-regulation, typology, active type, inactive type, passive type, personal meaning of a child

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the BRFFI-MIRRU grant no. G23UZB-053 (November 20, 2023) “Value-based attitude towards children in the regulation of reproductive and parental behavior in the modern Belarusian and Uzbek families.”

For citation: Karpinsky, K. V. (2025). Psychological Regulatory Typology of Reproductive Behavior: Theoretical Foundation and Empirical Assessment. In: *Psychological Sciences*, 4, 7–23. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-7-23>

ВВЕДЕНИЕ

Репродуктивное поведение – это поведенческая активность половозрелых животных и взрослых людей, направленная на размножение и воспроизведение себе подобных [1; 2; 3; 4]. От других разновидностей филогенетически и исторически сформировавшегося поведения оно отличается своим специфическим результатом: его конечным продуктом является потомство – новые особи того же самого вида, что и родители (детёныши животных или человеческие дети). В этой связи его также обозначают терминами «прокреационное», или «генеративное» поведение, подразумевая, что оно нацелено на производство молодых генераций животного вида или новых поколений человеческого общества.

Несмотря на сходство в общей цели и предназначении, репродукция животных и человека имеет кардинальные различия. Они предопределены тем, что репродуктивное поведение животных формируется филогенетически, в ходе эволюции живой природы, на основе развития и совершенствования исключительно натуральных (естественных) механизмов его регуляции. У людей же эта разновидность поведения помимо филогенеза проходит путь историогенеза – становления в процессе общественной истории, на основе развития и совершенствования культурных (искусственных) механизмов регуляции. Человеческая репродукция характеризуется таким специфическим признаком, как опосредованность культурно выработанными способами, средствами и орудиями. К их числу относятся:

- социальные нормы, регулирующие репродуктивное поведение (от древнейших табу до современных правовых предписаний брачно-семейного, уголовного и иного законодательства);

- медицинские, фармакологические, генно-инженерные и другие репродуктивные технологии (гинекологии, ан-

дрологии, акушерства, контрацепции, аборта, стерилизации, искусственного оплодотворения, донорства гамет, суррогатного материнства);

- высшие психические функции, участвующие в регуляции репродуктивного поведения, которые являются приобретаемыми (прижизненно формируемыми), а не врождёнными (наличествующими от рождения); обусловлены социокультурной средой, а не генетической наследственностью; демонстрируют значительную индивидуальную, групповую, историческую и кросс-культурную вариативность, а не внутривидовую инвариантность.

Историческое развитие и социокультурное опосредование существенно усложняет психологическое содержание и структуру репродуктивного поведения человека, придавая ему многозадачность, полиморфность и разнонаправленность. Репродуктивное поведение в животном мире характеризуется фиксированными формами, относительно простым составом действий и однозначно профертильной направленностью. Репродуктивное поведение в человеческом мире отличается широким полиморфизмом и осуществляется в формах активного действия, направленного на рождение ребёнка; пассивного бездействия, направленного на воздержание от деторождения; активного противодействия, направленного на избегание детности, предотвращение зачатия, прерывание возникшей беременности, лишение самого себя физиологической способности иметь детей (контрацепция, аборт, стерилизация). Примечательно, что у людей этот вид поведения может не только развертываться в континууме от репродуктивной активности до репродуктивной пассивности, но и принимать самую разную интенциональную направленность – от профертильной (родовой) до антифертильной (противородовой) [5; 6].

Ключевое различие репродукции у животных и современного человека сво-

дится к тому, что поведению животных присущ императивный характер, тогда как людям свойственна репродуктивная свобода, их детородное поведение носит волонтистский характер. Любое нормальное животное не может не плодиться, а взрослый здоровый человек волен как размножаться, так и не размножаться; если же он выбирает размножение, то, как правило, способен самостоятельно решать, в каком объёме, в какие сроки, каким способом и т. д. Строго говоря, человеческому репродуктивному поведению свойственны такие психологические признаки, как осознанность, осмысленность и произвольность. Все они указывают на то, что регуляция репродуктивного поведения человека опосредуется высшими психическими функциями в первую очередь личностью и сознанием, т. е. строится на основе личностно-смысловой и осознанной саморегуляции. Будучи носителем сложной системы сознательной и личностной саморегуляции, человек становится автономным субъектом репродуктивного поведения, а не просто живым исполнителем врождённой (филогенетически отработанной и генетически закреплённой) видовой программы размножения [5].

ПСИХИЧЕСКАЯ РЕГУЛЯЦИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В современных психологических, социально-демографических и биомедицинских исследованиях рассматриваются специфичные для человека психические регуляторы репродуктивного поведения. Пока одни исследователи идут по пути выделения и анализа отдельных регуляторных структур и процессов («потребность в детях», «репродуктивные мотивы», «репродуктивные установки», «субъективные нормы детности» и т. д.), другие – стремятся к построению системных многокомпонентных моделей, охватывающих определённую совокупность разнородных и разноуровневых

регуляторов, к примеру, TDIB (Traits-Desires-Intentions-Behaviour Model) [7], TPB (Theory of Planned Behaviour) [8], CSM (Cognitive-Social Model of Fertility Intentions) [9], уровневая модель регуляции репродуктивного поведения [10] и др.

Полагаясь на результаты систематизации и обобщения множества существующих подходов, концепций и моделей, можно утверждать, что человеческое репродуктивное поведение организуется на основе сложносоставной системы психической регуляции, включающей две основные подсистемы: личностную (побудительную, мотивационно-смысловую) регуляцию и осознанную (исполнительскую) саморегуляцию.

Ведущим фактором личностной регуляции выступает личностный смысл ребёнка для взрослого: он обеспечивает подчинение и сообразование репродуктивного поведения с множеством потребностей, мотивов и ценностей, в контексте реализации которых ребёнок оказывается объективно значимым условием жизни взрослого [11; 12].

Личностный смысл ребёнка – это психическое отражение (субъективное понимание и переживание) объективного влияния, которое ребёнок в качестве актуального или потенциального обстоятельства жизни оказывает или способен оказать на практическую реализацию личностно значимых побуждений и стремлений взрослого – удовлетворение потребностей, воплощение ценностей, осуществление мотивов, достижение целей, решение задач. Подразделяются следующие психологические типы личностного смысла ребёнка: 1) позитивный терминальный смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как высшая личностная ценность и смысл всей жизни; 2) позитивный прагматический (инструментальный) смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как жизненное обстоятельство, которое способствует, или как жизненный партнёр,

который содействует реализации жизненных ценностей; 3) негативный прагматический (преградный) смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как жизненное обстоятельство, которое препятствует, или как жизненный партнёр, который противодействует реализации жизненных ценностей; 4) негативный терминальный смысл, при котором ребёнок осмысливается взрослым как антиценность – жизненное обстоятельство или жизненный партнёр, которые в принципе несовместимы с нормальной (комфортной и продуктивной) жизнью [13].

В дополнение к данной типологии следует учитывать два момента. Во-первых, в силу полимотивации индивидуальной жизнедеятельности взрослого в её контексте ребёнок практически всегда оказывается полиосмысленным объектом/субъектом, который чаще всего надеяется смешанным (терминально-прагматическим) и конфликтным (позитивно-негативным) личностным смыслом. Во-вторых, относительно нечасто, но встречается смысловое отчуждение, или бессмысленность ребёнка, когда он лишён вообще какого-либо личностного смысла для взрослого [13].

Осознанная регуляция репродуктивного поведения осуществляется целым комплексом психических структур и процессов, которые на уровне сознания отражают идеальное, желаемое и планируемое будущее человека в аспекте деторождения, а также пути, способы, средства, значимые условия и временные рамки для достижения этого будущего. В данной подсистеме дифференцируются следующие структурные блоки и функциональные звенья:

– регуляторный процесс осознания личностного смысла ребёнка и его результат в форме субъективного представления об идеальном числе детей;

– регуляторный процесс целеполагания и его результат в форме субъективного представления о желаемом числе детей;

– регуляторные процессы планирования и программирования и их результат в форме субъективного представления о планируемом числе детей, а также о путях, способах и средствах его достижения;

– регуляторный процесс прогнозирования и его результат в форме субъективного расписания («календаря», «тайминга») деторождений, определяющего оптимальные сроки появления на свет первого и последующих детей;

– регуляторный процесс моделирования и его результат в форме субъективной модели значимых условий деторождения;

– регуляторные процессы оценивания и контроля фактически достигнутой детности (реального числа детей) и их результаты в форме субъективной удовлетворённости репродукцией и репродуктивной самоэффективности (самоотношения человека как субъекта деторождения);

– регуляторный процесс корректирования целей, планов, программ, прогнозов, моделей значимых условий репродуктивного поведения с учётом расхождения идеального, желаемого и планируемого с реально имеющимся числом детей [13; 14].

ПСИХОРЕГУЛЯТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Несмотря на внешне кажущуюся непрерывность и континуальность репродуктивного поведения, процесс его психического регулирования носит дискретно-циклический характер. Инициирующим фактором, который действует на «входе» каждого дискретного цикла поведения и его регуляции, является репродуктивная мотивация, а результирующим и терминирующим фактором, который завершает цикл на «выходе», является репродуктивный успех, выраженный в рождении ребёнка (объективный успех) и в переживании субъективной удовлетворённости достигнутым состоянием (субъективный успех). В про-

межутке между «входом» и «выходом» совершается сложная внутренняя (регуляторная) и внешняя (поведенческая) активность, параметры которой задаются как входной репродуктивной мотивацией (прямые регулирующие связи), так и выходным репродуктивным успехом-неуспехом (обратные регулирующие связи). Такие же прямые и обратные связи прослеживаются между исходной мотивацией и результатами репродуктивного поведения, придавая им взаимную обусловленность и согласованность.

С учётом стержневой регулирующей роли мотивации и достигаемого успеха-неуспеха на основе этих двух критериев должна строиться психорегулятивная типология любого поведения, в том числе репродуктивного. К этому следует добавить, что репродуктивное поведение взрослого – это долговременный (протяжённый во времени) динамический процесс, который характеризуется различным уровнем активности и продуктивности в прошлом, настоящем и будущем. По этой причине его психорегулятивная типология должна носить транспективный (трансстемпоральный) характер – наравне учитывать как ретроспективно полученные результаты, так и перспективно планируемые достижения в области деторождения.

Главным объективным показателем, характеризующим ретроспективу репродуктивного поведения взрослого, является его продуктивность, которая измеряется фактическим числом рожденных детей. Эта переменная в научных исследованиях на разный манер определяется как «родительский статус» (parental status), «размер семьи» (family size), «фактическое число детей» (actual number of children) и «репродуктивный успех» (reproductive success) [14]. Наряду с объективным (внешним, экстринысивным) репродуктивным успехом может быть выделен субъективный (внутренний, интринсивный) репродуктивный успех, который выражается степенью субъективной удовлет-

ворённости-неудовлетворённости взрослого числом реально имеющихся детей и достигнутым родительским статусом. Субъективный репродуктивный успех отражает степень реализованности-нереализованности репродуктивной мотивации взрослого в прошлом [15].

Главным субъективным показателем, характеризующим перспективу репродуктивного поведения, выступают репродуктивные намерения (цели, планы, программы, притязания), которые определяются планируемым к рождению числом детей. Наличие таких намерений свидетельствует о присущей взрослому актуальной или потенциальной репродуктивной мотивации, которая собственно и открывает определённую временную перспективу репродуктивного поведения. При прочих равных обстоятельствах, чем больше расхождение между планируемым и фактическим числом детей, тем ниже субъективный успех, сильнее мотивация и глубже временная перспектива репродуктивного поведения.

Несомненно, следует принимать во внимание и объективные индикаторы, характеризующие репродуктивную перспективу взрослого, т. е. детерминирующие реальную способность и возможность рожать детей в будущем (например, возраст, состояние репродуктивного здоровья, наличие подходящего партнёра, обеспеченность материальными и финансовыми ресурсами и т. д.). Однако для психологического анализа объективные индикаторы важны не сами по себе, а в психически отражённом и субъективно преломлённом виде. Субъективное восприятие и оценивание этих репродуктивно значимых условий определяет достижимость репродуктивных намерений и планов, а тем самым корrigирует силу мотивации и уровень репродуктивной активности взрослого (психологические закономерности и эффекты такого взаимодействия объясняют многочисленные мотивационные модели субъективной ожидаемой полезности).

На пересечении двух показателей – прошлого репродуктивного успеха (фактического числа детей) и будущих репродуктивных намерений (планируемого к рождению числа детей) – может быть выделено три типа поведения, характеризующих актуальный статус взрослого как субъекта репродукции (табл. 1).

Активный тип репродуктивного поведения определяется, прежде всего, наличием у взрослого проспективных репродуктивных намерений, т. е. ещё не реализованной детородной мотивации, которая активизирует его поведение. При этом достигнутый к настоящему родительский статус (фактическое число детей) не играет решающей роли: репродуктивно активным может быть как бездетный, так и мало- или многодетный взрослый. Если человек собирается обзавестись детьми в будущем, то независимо от их планируемого числа и прогнозируемых сроков деторождения, он актуально или потенциально является носителем репродуктивной мотивации и активности. Конечно, текущий уровень этой мотивации и активности может существенно варьировать: его обусловливают и планируемое число детей, и прогнозируемые сроки их рождения, и моделируемые репродуктивно значимые условия, и степень удовлетворённости фактическим числом детей, и многие другие факторы. Все процессы осознанной саморегуляции (целеполагание, планирование, программирование, моделирование, прогнозирование, оценивание и контроль и т. д.)

осуществляют «когнитивную переработку» мотивации и модерируют её силу, что проявляется в нарастании или угасании репродуктивной поведенческой активности.

Инактивный тип репродуктивного поведения демонстрируют взрослые, которые в прошлом достигли определённого репродуктивного успеха (имеют разное количество реально рождённых детей) и не планируют дополнительно рождать в будущем. Им свойственна реализованность, исчерпанность репродуктивной мотивации и относительно высокая степень субъективной удовлетворённости своим наличным родительским статусом. Данный тип поведения уместно обозначать именно как инактивный, т. к. он сочетает активную репродукцию в прошлом с репродуктивной пассивностью в настоящем и будущем (альтернативным названием данного типа мог бы быть термин «ретроактивный», указывающий, что активная фаза деторождения уже позади).

Пассивный тип репродуктивного поведения присущ взрослым, которые не рожали детей в прошлом и не планируют делать этого в будущем. В данном случае наблюдается полное отсутствие прошлого репродуктивного успеха и перспективной репродуктивной мотивации. При этом имеет место достаточно высокая субъективная удовлетворённость своей бездетностью, что указывает на добровольный отказ или вынужденное принятие такого жизненного выбора.

Таблица 1 / Table 1

Психорегулятивная типология репродуктивного поведения / Psychological regulatory typology of reproductive behavior

Будущие репродуктивные намерения	Прошлый репродуктивный успех	
	Нет детей	Есть дети
Нет намерений	<i>Пассивный тип</i>	<i>Инактивный тип</i>
Есть намерения	<i>Активный тип</i>	

Источник: данные автора.

ГИПОТЕЗА, ВЫБОРКА И МЕТОДИКИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Общая гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что разным наблюдаемым типам репродуктивного поведения взрослых соответствуют различные паттерны личностно-смысlovой и осознанной саморегуляции, что, собственно, и позволяет считать построенную типологию психорегулятивной.

Выдвинутая гипотеза проверялась в цикле эмпирических исследований, проведённых на протяжении 2020–2023 гг. на пяти гетерогенных популяционных выборках взрослого населения Республики Беларусь. Суммарная численность агрегированной гетерохронной выборки составила 3 312 человек в возрасте от 18 до 68 лет (средний возраст – $33,6 \pm 4,1$), в том числе 2 353 женщины и 959 мужчин с различным семейным положением (787 – холостые, разведённые или овдовевшие, 2 525 – семейные) и родительским статусом (595 – бездетные, 2 717 – воспитывающие от 1 до 7 детей).

Индивидуально-психологические особенности личностно-смысlovой регуляции репродуктивного поведения испытуемых диагностировались с помощью стандартизованных методик «Шкала ценностного отношения к детям» (измеряет позитивный терминальный смысл ребёнка) [16] и «Смыслометрический психобиографический анализ (смыслометрия) ребёнка» (измеряет позитивный, негативный и конфликтный pragматический смысл ребёнка) [17]. Индивидуально-психологические особенности осознанной саморегуляции репродуктивного поведения испытуемых изучались посредством анкетного опроса, ориентированного на выявление субъективных норм детности (идеального, желаемого и планируемого числа детей), субъективного календаря деторождения (представлений об оптимальных сроках рождения первого, второго и последнего ребёнка), субъективной модели репродуктивно значимых условий, субъектив-

ного репродуктивного успеха (удовлетворённости фактическим числом детей), локуса субъективного контроля в сфере репродукции, репродуктивной самоэффективности и прочих компонентов регуляторики (подробное описание анкеты см. в [13, с. 357–360]).

Предложенная выше типология репродуктивного поведения легко операционализируется на основе данных анкетирования. Для отнесения конкретного испытуемого к определённому поведенческому типу необходимо и достаточно выявить, во-первых, его родительский статус (отсутствие-наличие и фактическое число детей); во-вторых, его репродуктивную мотивацию и намерения (планируемое число детей). В проведённых эмпирических исследованиях измерение репродуктивной мотивации и намерений осуществлялось двумя взаимозаменяемыми способами:

– эксплицитным способом, а именно с помощью прямого вопроса закрытого типа с дилеммой ответов «да/нет»: «Желаете ли Вы иметь больше детей, чем имеете в настоящее время (ответьте на вопрос, даже если ещё не имеете ребёнка/детей)?» (вариации вопроса – «Собираетесь ли Вы рожать ребёнка/детей в будущем?», «Планируете ли Вы рожать ребёнка/детей в будущем?»). Утвердительный ответ свидетельствует о наличии, а отрицательный ответ на любой из данных вопросов – об отсутствии у испытуемого репродуктивной мотивации;

– имплицитным способом, а именно путём выявления планируемого числа детей («Сколько всего детей Вы планируете родить в течение своей жизни (с учётом уже имеющихся у Вас детей)?») и его соописания с фактическим числом детей (если планируемое число детей > фактического числа детей, это указывает на наличие репродуктивной мотивации; если же планируемое число детей = 0 или фактическому числу детей, это говорит об отсутствии репродуктивной мотивации).

Категоризация испытуемого к конкретному типу поведения производилась в зависимости от профиля полученных ответов на анкетные вопросы о родительском статусе (фактическом числе детей) и репродуктивной мотивации (планируемом числе детей): репродуктивно пассивный тип («нет детей и не планирую рожать»), репродуктивно инактивный тип («есть дети и не планирую рожать») и репродуктивно активный тип («нет детей, но планирую рожать», «есть дети и планирую рожать»).

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты категоризации (типологизации) испытуемых в обследованных выборках приведены в таблице 2. Выборки, на которых выполнялся частотный анализ, являются неэквивалентными по половозрастному и социально-демографическому составу испытуемых. По этой причине какие-либо сопоставления частотных долей и пропорций, в которых разные типы репродуктивного поведения встречаются в данных выборках, не будут информативными. Закономерно, что в «молодёжных» выборках выше наблюдаемость активного типа, тогда как в более «взрослых» или «родительских» выборках преобладает инактивный тип репродуктивного поведения.

Распределение поведенческих типов в популяции условно здоровых белорусов фертильного возраста аппроксимируется лишь на основе частотной статистики со-вокупной выборки. В пределах фертильного возраста репродуктивно активными являются около 60% испытуемых, инактивными – 36%, а 4% испытуемых остаются пассивными в плане деторождения. При условии, что эти 4% испытуемых не скованы нарушениями репродуктивного здоровья, их пассивность можно рассматривать как поведенческое проявление добровольной бездетности.

Выделенные типы репродуктивного поведения достаточно равномерно распределены среди мужчин и женщин ($\chi^2(2) = 5,70, p = 0,06$). Представители разных поведенческих типов существенно различаются по своему возрасту: средний возраст носителей пассивного типа – $27,8 \pm 7,51$, активного типа – $32,1 \pm 8,3$, инактивного типа – $38,6 \pm 8,37$ лет ($F(2, 3201) = 271, p < 0,001$). Большинство людей с пассивным типом поведения локализуется в раннем репродуктивном периоде (до 35 лет), с активным поведением – в транзитивном репродуктивном периоде, с инактивным поведением – в позднем репродуктивном периоде (после 35 лет). Это вполне естественные различия, которые обусловлены возрастным увяданием (инволюцией) фертильной функции, а также

Таблица 2 / Table 2

Результаты частотного анализа типов репродуктивного поведения / Results of the frequency analysis of reproductive behavior types

Год	Объём выборки	Типы репродуктивного поведения (f/%)		
		Активный	Инактивный	Пассивный
2021	276	152/55%	102/37%	22/8%
2022	186	120/65%	43/23%	23/12%
2022	1 282	1 182/92%	77/6%	23/2%
2023	611	208/34%	367/60%	36/6%
2023	957	306/32%	616/64%	35/4%
Σ	3 312	1 968/59,4%	1 205/36,4%	139/4,2%

Источник: данные автора.

социальными представлениями о критических сроках деторождения (причём адекватными и небеспочвенными, т. к. в репродуктивной медицине беременность после 35 лет расценивается как «беременность высокого риска»). Пассивный тип репродуктивного поведения значительно чаще встречается у холостых (бессемейных, разведённых и овдовевших) людей, в то время как активный и инактивный типы – у семейных людей ($\chi^2(2) = 122$, $p < 0,001$). Среди людей без профессионального образования чаще наблюдается пассивный тип репродуктивного поведения, тогда как у людей с оконченным профессиональным образованием, в особенности высшим – активный и инактивный типы ($\chi^2(6) = 52$, $p < 0,001$).

Таким образом, вырисовывается социально-демографический «портрет» самой репродуктивно активной части населения: семейные мужчины и женщины в возрасте от 25 до 40 лет, как правило, с высшим профессиональным образованием.

В рамках психологического анализа основное внимание привлекают типологические особенности и различия психических структур и процессов, образующих целостный контур регуляции репродуктивного поведения. Носителям того или иного поведенческого типа свойственен не только своеобразный социально-демографический «портрет», но и определённый «профиль» психической регуляции. Выделенные типы поведения определены как психорегулятивные потому, что каждый из них специфицируется качественными и количественными особенностями регуляторики. Психологические особенности личностно-смысовой и осознанной регуляции в группах испытуемых с разнотипным репродуктивным поведением выявлялись с помощью однофакторного дисперсионного анализа (табл. 3).

Как свидетельствуют данные, взрослые с разнотипным репродуктивным поведением характеризуются существенны-

Таблица 3 / Table 3

Типологические различия психической регуляции репродуктивного поведения / Typological differences in the self-regulation of reproductive behavior

Показатели психической регуляции	Типы репродуктивного поведения ($M \pm SD$)			F
	Пассивный	Активный	Инактивный	
Личностная (побудительная) регуляция (личностный смысл ребёнка)				
Ценное отношение к детям	7,14 ± 4,69	26,3 ± 11,6	28,9 ± 10,6	729,1***
Индекс pragматической значимости ребёнка	0,55 ± 0,27	0,66 ± 0,25	0,67 ± 0,26	13,2***
Индекс позитивного смысла ребёнка	0,50 ± 0,30	0,76 ± 0,27	0,81 ± 0,27	69,8***
Индекс негативного смысла ребёнка	0,50 ± 0,32	0,23 ± 0,26	0,17 ± 0,24	68,2***
Индекс конфликтного смысла ребёнка	0,36 ± 0,32	0,25 ± 0,29	0,18 ± 0,26	30,12***
Дифференцированность смысла ребёнка	0,27 ± 0,17	0,24 ± 0,11	0,23 ± 0,10	3,16*
Интегральный индекс смысла ребёнка	0,11 ± 0,90	0,91 ± 0,87	1,09 ± 0,92	73,48***
Осознанная (исполнительская) регуляция				
Желаемое число детей	1,23 ± 0,85	2,48 ± 0,97	2,28 ± 0,92	137,8***
Идеальное число детей	1,65 ± 0,88	2,55 ± 0,89	2,41 ± 0,86	70,9***
Планируемое число детей	0,73 ± 0,81	2,02 ± 0,81	1,6 ± 1,07	205,8***
Оптимальный возраст рождения первого ребёнка	25,54 ± 3,62	23,8 ± 2,96	24,02 ± 3,11	7,14***
Оптимальный возраст рождения последнего ребёнка	33,13 ± 4,97	36,0 ± 5,78	34,8 ± 10,41	11,7***

Показатели психической регуляции	Типы репродуктивного поведения (M ± SD)			F
	Пассивный	Активный	Инактивный	
Оптимальный интервал между рождением 1-го и 2-го ребёнка	5,66 ± 12,0	4,16 ± 2,06	4,14 ± 3,79	0,56
Оценка природно-географических макроусловий деторождения	12,7 ± 4,31	15,0 ± 3,68	14,7 ± 3,62	9,79***
Оценка социально-экономических макроусловий деторождения	13,1 ± 5,0	14,0 ± 3,94	14,3 ± 4,91	2,96
Оценка материально-жилищно-бытовых микроусловий деторождения	14,6 ± 4,06	14,9 ± 3,8	15,2 ± 4,76	1,21
Оценка нематериальных микроусловий деторождения	27,9 ± 6,69	31,3 ± 5,65	30,3 ± 6,14	10,89***
Общая оценка жизненной ситуации	68,2 ± 15,81	75,0 ± 13,3	74,8 ± 15,02	6,07**
Уровень субъективного контроля в сфере репродукции	2,47 ± 1,99	4,27 ± 2,18	4,23 ± 2,15	26,3***
Ретроспективная самоэффективность в сфере репродукции	3,35 ± 0,86	2,46 ± 0,92	3,41 ± 0,82	196,7***
Проспективная самоэффективность в сфере репродукции	2,78 ± 1,17	3,09 ± 0,88	2,57 ± 1,11	39,6***
Субъективная удовлетворённость числом рожденных детей	90,3 ± 23,01	72,1 ± 26,9	95,9 ± 11,85	272,8***

Примечания: M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение, F – эмпирическое значение критерия Фишера, * p ≤ 0,05, ** p ≤ 0,01, *** p ≤ 0,001

Источник: данные автора.

ми психологическими различиями всех функциональных звеньев и структурных блоков осознанной саморегуляции. Выраженные типологические особенности начинаются уже с регуляторных процессов и структур, осуществляющих функции смыслоосознания, целеполагания, планирования и программирования репродуктивного поведения. Репродуктивно активные взрослые отличаются самыми высокими, а репродуктивно пассивные взрослые – самыми низкими показателями идеального, желаемого и планируемого числа детей. Эти показатели, с одной стороны, отражают мотивационную значимость (уровень осмысленности и модальность личностного смысла) детей, а, с другой, задают целевые параметры результативности (уровень притязаний) и субъективные критерии успеха-неуспеха детородного поведения. Закономерно, что наиболее высокие притязания и критерии успеха

присущи самим репродуктивно активным взрослым.

Индивидуальные представления об оптимальных сроках рождения (первого, последующих и последнего), а также об оптимальных интервалах между деторождениями, образуют субъективный «календарь», или «расписание» репродуктивного поведения. Эти представления всегда производны в первую очередь от процесса вероятностного прогнозирования репродуктивного успеха. У людей низкого хронологического возраста, которые лишь вглядываются в перспективу, календарь деторождений содержит только прогнозы, а у людей, которые с высоты прожитых лет оглядываются на ретроспективу, этот календарь корректируется оценками прошлого репродуктивного опыта. Разумеется, на построение временной перспективы и прогноза деторождения также влияет оценивание, заимствование и присвоение чужого

опыта (в форме персонифицированных образцов репродуктивного поведения, обобщённых социальных представлений, стереотипов и экспекций, знаний и рекомендаций конвенциональной репродуктивной медицины и т. д.).

Полученные результаты указывают на наличие значимых различий в том, как прогнозируют временную перспективу деторождения взрослые с разными типами репродуктивного поведения. Представители пассивного типа склонны сужать временной коридор для рождения детей по принципу «попозже начать и пораньше закончить» (по сравнению с другими поведенческими типами у них самый поздний оптимальный срок рождения первого, и самый ранний оптимальный срок рождения последнего ребёнка). Репродуктивно активный период жизни, по их субъективным представлениям, в среднем должен длиться неполных 8 лет (с 25,5 до 33,1 года). Взрослые с активным и инактивным типами поведения прогнозируют деторождение по-другому: они склоняются к более раннему рождению первого и более позднему рождению последнего ребёнка, вследствие чего период их репродуктивной активности пролонгируется до 10–12 лет. Типологических различий в представлениях об оптимальном интервале между рождением первого и второго ребёнка не выявлено (этот интервал исчисляется в среднем 4–6 годами).

Показательные типологические различия установлены в звене моделирования значимых условий репродуктивного поведения. Люди с разным типом поведения достоверно не отличаются в оценке благоприятности макросоциальных и микросоциальных условий материального (финансового, жилищного, имущественного, бытового) характера. Это ставит под сомнение не только экономикоцентристские модели объяснения репродуктивного поведения в науке, но и эффективность практических мер, направленных на стимулирование

демографического роста с помощью экономических «рычагов» воздействия на детородную активность населения. Данные настоящего исследования говорят о том, что в большей степени на эту активность влияет благоприятная природно-экологическая среда и выгодная территориально-географическая локализация, а также благоприятные межсоциальные и индивидуальные условия, связанные с хорошим состоянием здоровья партнёров, здоровой социально-психологической атмосферой семьи, отсутствием межролевых конфликтов типа «родительство-супружество», «родительство-досуг», «родительство-учёба или работа». Перечисленные условия субъективно оцениваются и моделируются как наиболее благоприятные для деторождения людьми с активным типом репродуктивного поведения.

В соответствии с теоретическими ожиданиями, значимые различия обнаружены в регуляторном звене оценивания результатов репродуктивного поведения. В этом звене осуществляется сличение целевого (планируемого) и реального (фактического) числа детей, на основе чего продуцируется обратная связь в виде субъективной удовлетворённости-недовлетворённости достигнутым родительским статусом. Наиболее удовлетворёнными оказались люди с инактивным и пассивным типами репродуктивного поведения: в первом случае позитивная обратная связь (удовлетворённость собственной детностью) ведёт к дезактуализации мотивации и торможению детородного поведения, во втором – позитивная обратная связь (удовлетворённость собственной бездетностью) препятствует пробуждению мотивации и инициации репродуктивной активности. Наименее удовлетворены фактическим числом детей люди с активным типом репродуктивного поведения. Их переживания по данному поводу можно оценить как позитивно-негативную обратную связь (частичную удовлетворённость и/

или частичную неудовлетворённость), которая выполняет двойственную функцию: констатирует положительный промежуточный результат и стимулирует движение вперёд к конечному результату. В этой связи они не останавливаются на достигнутом числе детей и остаются репродуктивно активными.

В системе осознанной саморегуляции процесс оценивания тесно связан с процессом субъективного контроля полученных результатов. Сущность контроля заключается в идентификации, локализации и атрибуции причин успеха-неуспеха, которые могут присваиваться себе либо приписываются внешним обстоятельствам, другим людям, случайности и прочим сторонним по отношению к самому субъекту факторам. Психическими структурами, «депонирующими» опыт субъективного контроля прошлых циклов поведения и регулирующими его дальнейшие этапы, выступают самоотношение (самооценка), локус субъективного контроля (уровень экстернальности-интернальности) и самоэффективность. Позитивное самоотношение, интернальный локус контроля и высокую самоэффективность можно рассматривать как косвенные (опосредованные) психологические индикаторы успешности в том или ином домене поведения. Они находятся в тесной ассоциации с субъективной удовлетворённостью как прямым (непосредственным) психологическим индикатором успешности. Достижение успеха при условии, что субъект ставит его в заслугу самому себе (высокий уровень субъективного контроля, или интернальность), питает одновременно и чувство удовлетворённости, и позитивное самоотношение (самоуважение), и веру в собственную эффективность и компетентность.

Отсюда вполне закономерно, что пассивный тип характеризуется низким уровнем субъективного контроля (экстернальностью), высокой ретроспективной и низкой проспективной самоэф-

фективностью в сфере репродукции. Это значит, что представители данного типа текущую бездействие считают результатом собственных усилий (бездействия или, возможно, контрацептивного, абортного и другого антифертального поведения), но рождение детей в будущем воспринимают скорее как независящее от них и неконтролируемое (внешне навязанное или случайное) событие. Носители инактивного типа поведения отличаются высокой интернальностью, высокой ретроспективной и несколько пониженной проспективной самоэффективностью в области репродукции. Причины достигнутого в прошлом репродуктивного успеха они атрибутируют себе и трезво – с долей сомнения – смотрят на собственные шансы рождения дополнительных детей в будущем. Что касается активного типа репродуктивного поведения, то для него специфичны высокая интернальность, низкая ретроспективная и высокая проспективная самоэффективность. Эти взрослые не довольствуются достигнутым репродуктивным результатом, но тем не менее приписывают его себе: это даёт им твёрдую уверенность в способности добиться искомого родительского статуса в перспективе.

Разнотипные группы испытуемых кардинально отличаются друг от друга мотивационно-смысловой регуляцией репродуктивного поведения, при этом различия затрагивают как терминальный, так и прагматический смысл ребёнка. Чётко просматривается сквозной паттерн различий: при движении от пассивного через активный к инактивному типу репродуктивного поведения позитивный терминальный и прагматический смысл ребёнка возрастает, а негативный и конфликтный прагматический смысл ребёнка снижается. Апостериорное попарное сравнение групп с помощью критерия Тьюки указывает на статистическую достоверность различий между всеми типами репродуктивного поведения по всем психологическим аспектам личностного

смысла ребёнка, кроме общего уровня pragmatической значимости и дифференцированности (не значимыми оказались различия активного и инактивного типов). Тем самым подтверждается общая закономерность мотивационно-смысло-вой регуляции, согласно которой, высокий уровень позитивной осмысленности ребёнка в качестве терминальной и инструментальной ценности в жизни стимулирует репродуктивную активность взрослого. Этот вывод созвучен идеям и результатам других исследований психологии репродуктивного поведения. Так, Г. Г. Филиппова отмечает: «Важнейшим компонентом психологической готовности к материинству является мотивационная готовность. Последнюю можно коротко описать как принятие (на неосознаваемом и осознаваемом уровнях) задачи рождения ребёнка, видение в этом жизненного смысла, адекватно и динамично встроенного в общую иерархию смысложизненных ориентаций женщины, что обеспечивает своевременное формирование доминанты материинства, установление диадических отношений и последующую сепарацию в диаде «мать-дитя» [2].

Примечательно, что самый высокий уровень позитивной осмысленности ребёнок имеет для взрослых даже не с активным, а с инактивным типом репродуктивного поведения. Этот эффект обусловлен воздействием позитивной обратной связи в виде субъективной удовлетворённости фактическим числом детей: наряду с дезактуализацией мотивации и торможением репродуктивного поведения, она придаёт рожденным ребёнку/детям характер завершённой и утверждённой личностной ценности.

Анализ соотношения типов репродуктивного поведения с типами личностного смысла ребёнка показывает, что их сопряжения не случайны, а закономерны ($\chi^2(6) = 155$, $p < 0,001$, $N = 1\,844$).

У взрослых с пассивным типом поведения с наибольшей частотой наблюда-

ется отчуждённый (69%) и утилитарный типы (27%) личностного смысла ребёнка, а вот ценностный и ценностно-утилитарный типы встречаются лишь в 4% случаев. Следовательно, репродуктивная пассивность рождается из бессмысленности существования ребёнка, которая создаёт амотивацию данного вида поведения, либо из чисто pragmatического, утилитарного отношения к ребёнку как к дополнению к жизни взрослого, которое не обеспечивает необходимый и достаточный заряд мотивации для деторождения. Такой способ осмысления ребёнка в сочетании с пассивным репродуктивным поведением собственно и выделяет добровольно бездетных (childfree) взрослых. У репродуктивно активных людей ценностный (32%) и ценностно-утилитарный типы (26,7%) превалируют над другими типами личностного смысла ребёнка. Аналогичная тенденция – преимущественная представленность ценностного (35,2%) и ценностно-утилитарного (29,2%) личностного смысла ребёнка – в ещё более заострённом виде характерна для репродуктивно инактивных взрослых. Выявленная сопряжённость свидетельствует о том, что личностная (мотивационно-смысловая регуляция), скрывающаяся за каждым типом репродуктивного поведения, обладает выраженной качественно-количественной спецификой.

Высокий уровень ценностного отношения к детям у людей, активно вовлечённых в репродуктивное поведение в прошлом (инактивный тип) и настоящем/будущем (активный тип), является не только психологической предпосылкой, но и следствием их репродуктивной и родительской активности. Это объясняется общепсихологической закономерностью развития и функционирования смысловых образований личности, известной как принцип деятельностиного опосредствования [18], а также более специальными закономерностями иерархизации мотивационно-смысловой сферы личности,

которым подчиняется процесс становления личностных ценностей и смысла жизни [19]. Для того чтобы рядовой мотив взошёл на вершину индивидуальной мотивационной иерархии и превратился в незаурядную личностную ценность (источник мотивации и смыслообразования целостной жизнедеятельности, а не только отдельной деятельности) необходимо выполнение двух условий: во-первых, приложение систематических, последовательных усилий по практической реализации данного мотива; во-вторых, вложение в эту реализацию самых важных (ограниченных и невозобновимых) ресурсов человека – времени его жизни и его жизненных сил [20].

В свете изложенной закономерности не удивительно, что наибольшую личностную ценность (позитивный терминальный смысл) детям придают люди, которые относятся к инактивному типу ($M = 28,9$, $SD = 10,6$). В ценностном отношении к ребёнку они превосходят даже людей активного типа ($M = 26,3$, $SD = 11,6$: $t = 4,95$, $p < 0,001$), не говоря уже о взрослых с пассивным типом репродуктивного поведения ($M = 7,14$, $SD = 4,69$: $t = 37,5$, $p < 0,001$). То, что ребёнок становится для этих взрослых высшей ценностью и смыслом существования, является закономерным следствием систематических, последовательных, многолетних вложений времени, энергии и прочих жизненных ресурсов в рождение и воспитание детей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведённого исследования можно резюмировать выводом о том, что каждому выделенному типу репродуктивного поведения соответствует качественно определённый профиль психической (личностно-смысловой и осознанной) регуляции, ввиду чего пред-

ложенная типология с полным правом может считаться психорегулятивной. Репродуктивную активность и продуктивность взрослого стимулируют следующие психологические особенности регуляторики:

- сильная позитивная мотивация деторождения, обусловленная личностным смыслом ребёнка как терминальной и/или инструментальной ценности для взрослого;
- повышенное идеальное, желаемое и планируемое число детей, которое задаёт высокий уровень репродуктивных притязаний и субъективных критериев репродуктивного успеха-неуспеха;
- субъективная оценка (модель) жизненных условий как весьма благоприятных для деторождения;
- более глубокая временная перспектива и более отдалённый временной горизонт для деторождения, побуждающие рационально распорядиться фактором времени;
- выраженная интернальность и самоэффективность в сфере репродукции, порождающие чувство субъективного контроля и вселяющие уверенность в репродуктивном успехе;
- наконец, умеренная степень удовлетворённости (частичная неудовлетворённость) текущим родительским статусом (фактическим числом детей), усиливающая исходную мотивацию и подталкивающая к дальнейшим репродуктивным достижениям.

Эти регуляторные структуры и процессы должны рассматриваться как «мимшени» целенаправленного воздействия и планомерного формирования при решении практических задач воспитания, оптимизации и коррекции репродуктивного поведения, а также социальной рекламы, агитации и пропаганды родительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В. В. Репродуктивное поведение семьи и личности (социально-психологическое изучение рождаемости): автореф. дис. ... докт. психол. наук. Л., 1981. 34 с.
2. Филиппова Г. Г. Психология репродуктивной сферы человека: методология, теория, практика // Медицинская психология в России. 2011. № 6. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
3. David H. P., Russo N. F. Psychology, population, and reproductive behavior // American Psychologist. 2003. № 58 (3). P. 193–196.
4. Van den Akker O. B. Reproductive health psychology. London: John Wiley & Sons, 2012. 384 p.
5. Karpinskii K. V. Motivational Regulation of Human Reproductive Behavior: Cultural-Historical Transformations and Metamorphoses // Social Studies: Theory and Practice. 2019. Vol. 7 (2). P. 59–81.
6. The evolved psychological mechanisms of fertility motivation: hunting for causation in a sea of correlation / L. S. McAllister, G. V. Pepper, S. Virgo, D. A. Coall // Philosophical Transactions of the Royal Society B. 2016. № 1. P. 371–387.
7. Miller W. B. Childbearing motivations, desires and intentions: A theoretical framework // Genetic, Social and General Psychology Monographs. 1994. № 120 (2). P. 223–258.
8. Reproductive decision making in a macro-micro perspective: A conceptual framework / A. C. Liefbroer, J. E. Klobas, D. Philipov, I. Ajzen // Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective. Dordrecht: Springer, 2015. 128 p.
9. Bachrach C. A. A cognitive-social model of fertility intentions // Population and Development Review. 2013. № 39 (3). P. 459–485.
10. Построение уровневой модели регуляции репродуктивного поведения молодёжи / И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2. С. 167–172.
11. Карпинский К. В. Личностный смысл ребёнка и многодетности в регуляции репродуктивного поведения // Веснік ГрДУ ім Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхологія. 2020. Т. 10. № 1. С. 133–142.
12. Карпинский К. В. Личностный смысл ребёнка и переживание смысложизненного кризиса в ситуации бесплодия // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 2. С. 40–55.
13. Карпинский К. В. Личностный смысл ребёнка: что дети значат для взрослых. Гродно: ГрГУ, 2023. 515 с.
14. Карпинский К. В. Личностный смысл ребенка для взрослого как фактор объективного и субъективного репродуктивного успеха // Психология семьи: современные проблемы и решения / отв. ред. С. В. Фролова. Саратов: Наука, 2024. С. 208–217.
15. Hopcroft R. L. Sex, status, and reproductive success in the contemporary United States // Evolution and Human Behavior. 2006. № 27 (2). P. 104–120.
16. Карпинский К. В. Шкала ценностного отношения к детям: разработка, валидизация, стандартизация // Психология человека в образовании. 2024. Т. 6. № 4. С. 543–567.
17. Карпинский К. В. Смыслометрический психобиографический анализ. Гродно: ГрГУ, 2024. 211 с.
18. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
19. Карпинский К. В. Психология смысложизненного кризиса. Гродно: ГрГУ, 2019. 623 с.
20. Карпинский К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности. Гродно: ГрГУ, 2021. 219 с.

REFERENCES

1. Boyko, V. V. (1981). *Reproductive Behavior of the Family and a Person (Social Psychological Study of Fertility)*: [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
2. Filippova, G. G. (2011). Psychology of the Human Reproductive Sphere: Methodology, Theory, Practice. In: *Medical Psychology in Russia*, 6. URL: <http://medpsy.ru> (accessed: 10.10.2025) (in Russ.).
3. David, H. P. & Russo, N. F. (2003). Psychology, Population, and Reproductive Behavior. In: *American Psychologist*, 58 (3), 193–196.
4. Van den Akker, O. B. (2012). *Reproductive Health Psychology*. London: John Wiley & Sons publ.

5. Karpinskii, K. V. (2019). Motivational Regulation of Human Reproductive Behavior: Cultural Historical Transformations and Metamorphoses. In: *Social Studies: Theory and Practice*, 7 (2), 59–81.
6. McAllister, L. S., Pepper, G. V., Virgo, S., Coall, D. A. (2016). The Evolved Psychological Mechanisms of Fertility Motivation: Hunting for Causation in a Sea of Correlation. In: *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 1, 371–387.
7. Miller, W. B. (1994). Childbearing Motivations, Desires and Intentions: A Theoretical Framework. In: *Genetic, Social and General Psychology Monographs*, 120 (2), 223–258.
8. Liefbroer, A. S., Klobas, J. E., Philipov, D., Ajzen I. (2015). Reproductive Decision Making in a Macro-Micro Perspective: A Conceptual Framework. In: *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective*. Dordrecht, Springer publ.
9. Bachrach, C. A. (2013). A Cognitive-Social Model of Fertility Intentions. In: *Population and Development Review*, 39 (3), 459–485.
10. Morozova, I. S., Belogay, K. N., Borisenko, Yu. V., Ott, T. O. (2014). A Level Model Construction Depicting Regulation of Young People's Reproductive Behavior. In: *Bulletin of Kemerovo State University*, 2, 167–172 (in Russ.).
11. Karpinsky, K. V. (2020). The Personal Meaning of Having a Child or Many Children in the Regulation of Reproductive Behavior. In: *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*, 10, 1, 133–142 (in Russ.).
12. Karpinsky, K. V. (2024). The Personal Meaning of a Child and the Experience of a Life-Meaning Crisis in a Situation of Infertility. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2, 40–55 (in Russ.).
13. Karpinsky, K. V. (2023). *The Personal Meaning of a Child: What Children Mean to Adults*. Grodno: Grodno State University of Education publ. (in Russ.).
14. Karpinsky, K. V. (2024). A Child's Personal Meaning for an Adult as a Factor in Objective and Subjective Reproductive Success. In: Frolova, S. V., ed. *Family Psychology: Contemporary Issues and Their Solutions*. Saratov: Nauka Publ., pp. 208–217 (in Russ.).
15. Hopcroft, R. L. (2006). Sex, Status, and Reproductive Success in the Contemporary United States. In: *Evolution and Human Behavior*, 27 (2), 104–120.
16. Karpinsky, K. V. (2024). The Scale of Value Attitudes Towards Children: Development, Validation, Standardization. In: *Psychology in Education*, 6, 4, 543–567 (in Russ.).
17. Karpinsky, K. V. (2024). *Meaning-Metric Psychological Biographical Analysis*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).
18. Leontiev, D. A. (1999). *The Psychology of Meaning: Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality*. Moscow: Smysl publ. (in Russ.).
19. Karpinsky, K. V. (2019). *The Psychology of Life's Meaning Crisis*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).
20. Karpinsky, K. V. (2021). *Sources of Life's Meaning: A New Method of Personality Psychodiagnostics*. Grodno: Grodno State University publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карпинский Константин Викторович (г. Гродно, Республика Беларусь) – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы; e-mail: karpkostia@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Karpinski (Grodno, Belarus) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Experimental and Applied Psychology, Yanka Kupala State University of Grodno; e-mail: karpkostia@gmail.com

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-24-35

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЗРЕЛОСТЬ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДНЫХ СИТУАЦИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОЗАВИСИМЫМИ

Миронова О. И.¹, Роговая О. С.^{2*}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва,
Российская Федерация

² Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева Департамента
здравоохранения города Москвы, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e -mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2025

После доработки 20.10.2025

Принята к публикации 21.10.2025

Аннотация

Цель. Изучение роли эмоциональной зрелости в преодолении трудностей взаимодействия специалистов с созависимыми.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 45 практикующих психологов. Одним из ключевых методов сбора данных стал семантический дифференциал Ч. Осгуда, среди методов статистической обработки использованы анализ корреляционных связей с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена и факторный анализ. Получены оценки трудностей взаимодействия с созависимыми и ресурсов совладания по шкалам семантического дифференциала, взаимосвязей копинг-стратегий респондентов с ресурсами совладания, а также семантическое пространство ресурсов совладания с трудностями взаимодействия.

Результаты. Выявлено одно из ключевых положений эмоциональной зрелости в группе ресурсов совладания с трудными ситуациями взаимодействия с созависимыми. Описано психологическое содержание эмоциональной зрелости как ресурса, включающего рациональный подход, высокую толерантность к трудным ситуациям, стрессоустойчивость, практичность, адекватную ориентировку в проблемах и возможностях трудной ситуации, готовность действовать. Предложены копинг-стратегии, ориентированные на укрепление рационального, прагматичного аспекта взаимодействия специалистов с созависимыми, структурирование процесса взаимодействия, повышение гибкости мышления, улучшение способности участников взаимодействия к эффективной регуляции эмоций.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в расширении представлений о взаимосвязи созависимости и эмоциональной незрелости, раскрытии высокой значимости эмоциональной зрелости в восприятии трудностей взаимодействия с созависимыми и разработке копинг-стратегий преодоления этих трудностей, что позволяет предложить вариант решения проблемы негативного влияния семьи на оказание медико-психологической помощи зависимым и задаёт направления дальнейшего научного поиска.

Ключевые слова: зависимость, копинг-стратегии, совладающее поведение, созависимость, трудности взаимодействия, эмоциональная зрелость

Для цитирования: Миронова О. И., Роговая О. С. Эмоциональная зрелость как базовый компонент совладающего поведения в трудных ситуациях взаимодействия с созависимыми // Психологические науки. 2025. № 4. С. 24–35. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-24-35>

Original research article

EMOTIONAL MATURITY AS A BASIC COMPONENT OF COPING BEHAVIOR IN DIFFICULT SITUATIONS WHEN INTERACTING WITH CODEPENDENTS

O. Mironova¹, O. Rogovaya^{2*}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

² Psychiatric Hospital № 1 Named after N. A. Alexeev of the Department of Health of Moscow, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e -mail: e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

Received by the editorial office 02.10.2025

Revised by the author 20.10.2025

Accepted for publication 21.10.2025

Abstract

Aim. To study the role of emotional maturity in overcoming the difficulties of interaction between specialists and codependents.

Methodology. 45 practicing psychologists participated in the study. One of the key methods of data collection has become the semantic differential. Statistical processing methods are used, such as correlation analysis using Spearman's rank correlation coefficient and factor analysis. Estimates of the difficulties of interacting with codependents and coping resources were obtained on the scales of the semantic differential, the interrelationships of respondents's coping strategies with coping resources, as well as the semantic space of coping resources with interaction difficulties.

Results. One of the key provisions of emotional maturity in the group of coping resources with difficult situations of interaction with codependents is revealed. The psychological content of emotional maturity is described as a resource that includes a rational approach, high tolerance to difficult situations, stress tolerance, practicality, willingness to act, and adequate orientation in the problems and possibilities of a difficult situation. Coping strategies proposed are aimed at strengthening the rational, pragmatic aspect of interaction between specialists and codependents, structuring the interaction process, increasing the flexibility of thinking, and improving the ability of interaction participants to effectively regulate emotions.

Research implications. The study expands the understanding of the relationship between codependency and emotional immaturity, reveals the high importance of emotional maturity in the perception of difficulties in interacting with codependents and the development of coping strategies to overcome these difficulties, which makes it possible to propose a solution to the problem of the negative impact of family on the provision of medical and psychological assistance to addicts and sets the direction for further scientific research.

Keywords: addiction, coping strategies, coping behavior, codependency, interaction difficulties, emotional maturity

For citation: Mironova, O. I. & Rogovaya, O. S. (2025). Emotional Maturity as a Basic Component of Coping Behavior in Difficult Situations When Interacting with Codependents. In: *Psychological Sciences*, 4, 24–35. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-24-35>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье описываются результаты исследования особенностей оценивания специалистами (психологами) трудностей взаимодействия с созависимыми и ресурсов совладания как предикторов копинга, анализируется роль эмоциональной зрелости в преодолении таких трудностей.

Социальная значимость проблемы зависимостей не нуждается в пояснениях. Согласно статистике за 2024 г., в Российской Федерации продолжается рост отдельных видов преступлений в сфере оборота наркотиков, в том числе значительный рост зарегистрированных преступлений, совершённых несовершеннолетними¹. Как неоднократно указывалось в предыдущих работах по исследуемой тематике, оказание медико-психологической помощи зависимым лицам зачастую затруднено деструктивным влиянием семьи, которая также, как и сама зависимость, обусловливает хронический стресс для членов семьи аддикта, в связи с чем работа специалиста с созависимыми сохраняет свою актуальность и необходимость [1; 2; 3; 4; 5; 6]. К настоящему моменту не разработаны достаточно эффективные инструменты взаимодействия с созависимыми, позволяющие преодолеть или минимизировать негативные явления, такие как отрицание или сокрытие проблемы зависимости в семье, неготовность к изменениям, недоверие специалистам и др.

Для интерпретации результатов проведённой работы обозначим в нескольких словах две основные категории – эмоциональная зрелость и созависимость.

Эмоциональная зрелость – это способность человека управлять своими эмоциями и справляться с жизненными трудностями здоровым и продуктивным способом. По сути, это высокий и адек-

ватный уровень контроля и выражения эмоций.

Обобщая взгляды отечественных и зарубежных учёных (Д. А. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, Е. А. Сергиенко, Л. В. Тарабакина, А. Эллис и др.), следует сказать, что неотъемлемыми характеристиками эмоциональной зрелости являются в первую очередь способность осознавать и интерпретировать свои чувства, принимать за них ответственность, управлять своими эмоциями и адекватно их выражать. Эмоциональная зрелость подразумевает эмоциональную устойчивость, способность индивида к глубокому и открытому эмоциональному опыту, умение поддерживать стабильную адаптивность в условиях внешнего давления и изменяющихся обстоятельств, способность принимать неопределенность и справляться с ней без чрезмерного стресса, гибкость в мышлении и поведении, высокую толерантность к фruстрации, а также способность понимать, уважать и ценить чувства других людей, сопереживать и откликаться на чужие переживания [7; 8; 9].

Структура эмоциональной зрелости, предложенная Е. И. Афониной, включающая пять основных компонентов эмоциональной зрелости, представляется наиболее понятной и содержательной. В качестве составляющих эмоциональной зрелости автор выделяет: 1) рефлексию эмоций; 2) эмоциональную саморегуляцию; 3) эмпатию; 4) эмоциональную экспрессивность; 5) принятие собственных эмоций [7].

Таким образом, эмоциональная зрелость личности представляет собой комплексный психологический феномен, отражающий высокий уровень развития эмоциональной сферы человека. Это понятие тесно связано с общей психологической зрелостью и играет важную роль в адаптации и функционировании личности в социуме.

Созависимость как явление имеет множество трактовок, подразумевая не-

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2024 году // Астраханская область, портал органов власти. URL: <https://clk.ru/3QxGKS> (дата обращения: 10.09.2025)

здравое психическое состояние, дефекты характера или личностную характеристику, поведение, проблему отношений, жизненный сценарий и др. [3; 10; 11; 12], которые объединяет дисфункциональная модель поведения, сопровождающаяся потерей своего «Я» и стремлением получить чувство собственной значимости через отношения. Достаточно адекватным представляется определение созависимости как поведенческого паттерна, комплекса мыслительных, эмоциональных и поведенческих реакций, ставших результатом дисфункциональных отношений в семье, которые приводят индивида к отчуждению от собственной личности, к неспособности быть субъектом своей жизни (Э. Ларсон) [11].

Одной из характеристик созависимости являются деструктивные процессы в эмоциональной сфере с замыканием на себе, «замороженностью» чувств и отсутствием открытого их выражения, неустойчивым настроением, ригидностью установок и трудностями активной, конструктивной проработки проблем [3; 6; 11; 12]. Исследователи отмечают, что созависимые занимают пассивную позицию с высоким уровнем фокусировки на эмоциях, что обуславливает повышенное эмоциональное реагирование, трудности поиска ресурса для личностного роста и реализации рациональных, направленных на проблему активных действий [11; 12; 13; 14]. Также ригидность поведения созависимых женщин приводит к тому, что они «вместо осознанной стратегии и эффективного рационального поведения выбирают реактивное ответное поведение на ситуацию, реагируют на неё автоматически, снимая накопившийся стресс» [15, с. 15].

Как указывают исследователи, склонность к созависимости часто связана с различными эмоциональными нарушениями. Люди, страдающие созависимостью, чаще подвержены депрессии, переживаниям тревоги и гнева [11; 16]. Учитывая, что в структуре созависимости

значительную часть занимают деструктивные копинг-стратегии, становится важным исследование регуляторных функций субъекта. По мнению учёных, учитывая связь созависимости с ранней травматизацией и эмоциональными нарушениями, дисфункциональные стратегии регуляции эмоций могут являться предиктором созависимости [16; 17]. Под регуляцией эмоций понимается комплекс осознаваемых и неосознаваемых психических процессов, усиливающих, ослабляющих либо удерживающих на одном уровне качество и интенсивность эмоциональных реакций и эмоциональных состояний человека [16]. В данном случае мы говорим об одном из аспектов эмоциональной зрелости.

Исследование А. А. Бердичевского, М. А. Падун и соавт. показывает, что степень созависимости лиц, находящихся в близких отношениях с аддиктом, зависит от их способности к эффективной регуляции эмоций. Сниженная способность созависимых людей к отвлечению, с одной стороны, отражает дефицит когнитивных ресурсов («застревание» на эмоционально значимых стимулах), с другой – недостаток персональных ценностей, которые имеют субъективную значимость. Это фиксирует склонных к созависимости лиц на отношениях и связанных с ними эмоциях. Таким образом, созависимость обусловлена нарушением основных функций Эго, что, в частности, выражается в незрелой регуляции эмоций [16].

Из вышесказанного можно заключить, что созависимым наряду с другими качествами свойственна эмоциональная незрелость, проявляющаяся в первую очередь в высоком уровне фокусировки на эмоциях, в трудностях осознавания и проявления чувств, нарушениях регуляции эмоций. И по результатам проведённого исследования, как будет показано далее, именно эмоциональная незрелость представляется специалистам, работающим с созависимыми, одной из важнейших характеристик трудностей взаимо-

действия с данной категорией клиентов, что и обуславливает необходимость применения ориентированных на эмоциональную зрелость копинг-стратегий.

Цель работы: изучение роли эмоциональной зрелости в преодолении трудностей взаимодействия специалистов с созависимыми.

ИССЛЕДОВАНИЕ

В 2024 г. на выборке практикующих психологов было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало изучение особенностей оценивания специалистами (психологами) трудностей взаимодействия с созависимыми и ресурсов совладания как предикторов копинга. Гипотеза исследования заключалась в том, что особенности оценки специалистами (психологами) трудностей взаимодействия с созависимыми и копинг-ресурсов позволяют определить направление совладающего поведения с данными трудностями.

Материалы и методы

Для проведения исследования было задействовано 45 специалистов с высшим психологическим образованием обоего пола в возрасте от 27 до 64 лет, имеющих опыт работы с созависимыми, проживающими на территории Российской Федерации.

В исследовании были использованы теоретические методы, эмпирические методы (опрос, тестирование, семантический дифференциал Ч. Остгуда, субъективное шкалирование, анализ самоотчётов испытуемых), методы статистической обработки (в том числе анализ корреляционных связей с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена, факторный анализ).

Применены методики: анкета социальных данных, авторская анкета на основе семантического дифференциала Ч. Остгуда, опросник «COPE» Е. И. Рассказовой, Т. О. Гордеевой, опросник «Когнитивное оценивание трудной жизненной ситуации» Е. В. Битюцкой,

А. А. Корнеева, опросник «Типы ориентации в трудной ситуации (ТОрТС)» Е. В. Битюцкой, А. А. Корнеева.

Процедура исследования

Исследование проводилось в 4 этапа. На подготовительном этапе разработан план исследования, определена выборка, подобраны методы и методики сбора и обработки данных. На основе анализа научных источников и практики работы с созависимыми определены следующие трудности взаимодействия с созависимыми: 1. Отрицание проблемы зависимости в семье. 2. Трудности контроля процесса взаимодействия и удержания границ. 3. Трудности выработки решения проблемы зависимости. 4. Распад иерархии семьи. 5. Проявление деструктивного семейного слияния. 6. Включённость созависимого в семейные коалиции. 7. Ригидность семьи. 8. Проявление патологизирующих семейных ролей. 9. Закрытость и изоляция семьи с алкоголизмом/наркоманией. 10. Слабость ресурсов для изменений. 11. Трудности коммуникации с созависимым. 12. Деструктивное проявление семейных установок и норм. 13. Деструктивное проявление семейных сценариев и мифов. Для итогового оценивания респондентами трудностей взаимодействия с созависимыми и ресурсов совладания выделены 26 шкал семантического дифференциала (большая – маленькая, жёсткая – гибкая, пассивная – активная, радостная – печальная и т. п.). В целях оптимизации материала в настоящей работе не приводится полный список качеств, для проявленного анализа и выводов их перечень не является значимым. В качестве оцениваемых объектов выделены 27 ресурсов совладания: 1) жизнестойкость; 2) социальная поддержка; 3) профессиональная компетентность; 4) проактивность; 5) эмпатия; 6) самоконтроль; 7) здоровье; 8) стремление к контакту, общности; 9) коммуникабельность; 10) интерес, увлечённость; 11) автономность; 12) интеллект; 13) эмоциональная

зрелость; 14) принятие риска; 15) личная ответственность за свою жизнь; 16) адекватная, позитивная самооценка; 17) самоуважение; 18) видение перспективы, вариантов решений; 19) позитивное отношение к прошлому; 20) открытость; 21) разнообразие ролевых позиций; 22) организованность; 23) социальный статус; 24) влиятельность; 25) безопасность; 26) информированность; 27) духовные, моральные принципы. Данные ресурсы классифицированы по двум группам: индивидуальные (включающие личностные, когнитивные, эмоциональные, физические) и социальные (включающие профессиональные и социальные связи и качества). Эмоциональная зрелость (№ 13) определена в группу индивидуальных эмоциональных ресурсов [19].

Далее на диагностическом этапе прошёл сбор эмпирических данных посредством онлайн-опроса респондентов с помощью сервиса «Яндекс-формы». На этапе обработки данных среди прочих результатов получены: оценка трудностей взаимодействия с созависимыми и ресурсов совладания по предложенным шкалам; оценка взаимосвязей копинг-стратегий респондентов с ресурсами совладания; семантическое пространство ресурсов совладания с трудностями взаимодействия. На завершающем этапе проведены анализ и интерпретация полученных данных, критическая оценка гипотез и реализации задач исследования, формулировка выводов исследования.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

При анализе описательной статистики выявлено, что трудности взаимодействия с созависимыми различаются между собой по параметрам управляемости, предсказуемости, упорядоченности, сложности, тяжести, активности, зависимости, степени выраженности эмоциональной составляющей, но схожи по параметрам: большие, значимые, незрелые, бесперспективные, при этом понятные, привычные и выполнимые.

Все изучаемые трудности взаимодействия с созависимыми оценены психологами как незрелые, что подтверждает важную роль данной характеристики в когнитивной оценке подобных ситуаций, и также может указывать на направление профессиональной деятельности психолога по развитию личности созависимого клиента.

Наиболее значимыми и труднопреодолимыми для испытуемых являются ситуации: закрытость и изоляция семьи с алкоголизмом/наркоманией; отрицание проблемы зависимости в семье; проявление патологизирующих семейных ролей; включённость созависимого в семейные коалиции.

В среднем по группе наиболее успешными в работе с созависимыми считаются качества: эмоциональная зрелость; личная ответственность за свою жизнь; видение перспективы, вариантов решений; интеллект; жизнестойкость; профессиональная компетентность, умения и навыки; адекватная, позитивная, самооценка; самоуважение; информированность.

При этом, отмечая особенности отдельных ресурсов, укажем, что самый непротиворечивый профиль имеют «жизнестойкость», «профессиональная компетентность, умения и навыки», «эмоциональная зрелость», «интеллект», «интерес, увлечённость», «видение перспективы, вариантов решений». Данные качества оцениваются положительно, перспективно, воспринимаются как простые и доступные для реализации. Можно предположить, что эмоциональная зрелость в данном сочетании свойств подразумевает во многом рациональный подход и высокую толерантность к трудным ситуациям.

Проведение корреляционного анализа шкал опросника COPE и оценок успешности ресурсов для преодоления трудностей взаимодействия с созависимыми показало соответствие ресурсов отдельным устойчивым, диспозиционным стратеги-

ям совладания с трудностями (выведены только те шкалы опросника, с которым обнаружена значимая взаимосвязь; см. табл. 1).

Первая шкала «Позитивное переопределение и личностный рост» является наиболее положительно «нагруженной», она связана с 16 ресурсами, как индиви-

Таблица 1 / Table 1

Корреляции шкалы опросника COPE и оценки успешности ресурсов в работе с созависимыми (N = 45) / Correlations the scale of the COPE questionnaire and the assessment of the success of resources in working with codependents (N = 45)

P E C Y P C B	1. Пози- тивное пере- определение и лич- ностный рост	5. Ак- тивный копинг	6. От- рица- ние	7. Ре- лиги- озный копинг	10. Са- мо- грани- чение	11. Исп- ользо- вание эмоцио- нальной социаль- ной под- держки	13. При- ятие	14. От- торма- жива- ние всех других занятий	15. Пла- ниро- вание совлада- ния
1.	0,590**	0,405	-0,574**	-0,181	0,167	0,239	0,276	-0,042	0,366
2.	0,305	0,317	-0,253	-0,556**	0,456*	0,279	0,172	0,173	0,396
3.	0,447*	0,478*	-0,530**	-0,299	0,384	0,310	0,310	0,134	0,319
4.	0,268	0,305	-0,384	-0,424*	0,531**	0,569**	0,030	0,082	0,388
5.	0,072	0,244	-0,083	-0,284	0,277	0,165	0,084	0,509*	0,264
6.	0,435*	0,441*	-0,449*	-0,287	0,464*	0,251	0,158	-0,004	0,377
7.	0,535**	0,580**	-0,634**	-0,260	0,235	0,239	0,450*	-0,133	0,350
8.	0,377	0,204	-0,469*	-0,200	0,455*	0,389	0,087	-0,224	0,150
9.	0,343	0,215	-0,480*	-0,272	0,482*	0,383	0,137	-0,172	0,101
10.	0,525*	0,172	-0,480*	-0,133	0,243	0,200	0,247	-0,223	0,128
11.	0,208	0,211	-0,306	-0,173	0,536**	0,317	0,092	-0,195	0,159
12.	0,282	0,373	-0,483*	-0,434*	0,526**	0,502*	0,139	-0,085	0,252
13.	0,178	0,487*	-0,377	-0,513*	0,428*	0,349	0,374	0,144	0,329
14.	0,573**	0,497*	-0,617**	-0,339	0,355	0,340	0,368	-0,164	0,353
15.	0,310	0,504*	-0,452*	-0,235	0,444*	0,249	0,348	-0,153	0,350
16.	0,430*	0,380	-0,468*	-0,181	0,428*	0,109	0,286	-0,191	0,276
17.	0,389	0,364	-0,420*	-0,107	0,454*	0,133	0,263	-0,247	0,230
18.	0,230	0,472*	-0,433*	-0,070	0,372	0,206	0,385	-0,076	0,258
19.	0,567**	0,403	-0,409	-0,124	0,330	0,101	0,209	-0,028	0,337
20.	0,521*	0,394	-0,485*	-0,083	0,308	0,058	0,245	0,004	0,476*
21.	0,518*	0,316	-0,522*	-0,112	0,335	0,249	0,226	-0,085	0,403
22.	0,483*	0,373	-0,594**	-0,181	0,431*	0,361	0,234	-0,205	0,303
23.	0,422*	0,196	-0,424*	-0,091	0,337	0,170	0,132	-0,049	0,179
24.	0,507*	0,105	-0,543**	-0,079	0,346	0,099	0,252	-0,400	0,025
25.	0,463*	0,404	-0,519*	-0,155	0,461*	0,118	0,280	-0,208	0,249
26.	0,411	0,488*	-0,590**	-0,316	0,355	0,373	0,339	-0,021	0,334
27.	0,564**	0,268	-0,413	0,101	0,412	0,019	0,079	-0,097	0,294

Примечание: «*» - корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя), «**» - корреляция значима на уровне 0,05 (односторонняя); первая колонка таблицы содержит перечень ресурсов совладания, указанных выше в разделе «Процедура исследования».

Источник: данные авторов.

дуальными, так и социальными, включая качества базового уровня (здравье, безопасность) и отражает соответствие набора этих успешных в работе с созависимыми ресурсов данной стратегии.

Десятая шкала опросника «Самоограничение» связана с 14 ресурсами, включающими все социальные качества, состав которых отражает осторожный подход к взаимодействию с созависимыми, большую сосредоточенность и грамотную организацию деятельности.

Пятая шкала «Активный копинг» связана с 9 качествами, включающими профессиональную компетентность, информированность, зрелость, видение перспективы и др., т. е. предполагающими знание способов решения проблемы и готовность действовать.

Как можно увидеть, эмоциональная зрелость (№ 13) имеет значимые положительные связи со шкалами «Активный копинг», «Самоограничение» и значимую отрицательную связь со шкалой «Религиозный копинг». Таким образом, психологическое содержание эмоциональной зрелости скорее представляет собой стойкость, стрессоустойчивость, практичность, адекватную ориентировку в проблемах и возможностях трудной ситуации, готовность действовать, чем личностный рост и фундаментальную работу над собой (первая шкала) или абстрактные ценности высшего порядка, не предлагающие решений здесь и сейчас (седьмая шкала). Понимание данных особенностей позволяет выйти на формирование конкретных стратегий совладания с изучаемыми трудными ситуациями взаимодействия с созависимыми.

В результате проведения факторного анализа оценок успешности ресурсов в работе с созависимыми выделены 4 фактора, которые были проинтерпретированы следующим образом:

1 фактор – «Модель поведения» – описывает поведение успешного специалиста, внешне демонстрируемые качества, транслирующие знание и умение рабо-

тать с созависимыми и возникающими трудными ситуациями. Он включает большую часть пространства значений, эмоциональную зрелость (0,863) наряду с такими качествами, как профессиональная компетентность (0,636), самоконтроль (0,622), здоровье (0,582), автономность (0,604), принятие риска (0,660), личная ответственность за свою жизнь (0,864), адекватная, позитивная самооценка (0,816), самоуважение (0,792), видение перспективы (0,784), организованность (0,590), безопасность (0,770), информированность (0,638).

2 фактор – «Личный ресурс» – включает те индивидуальные и социальные ресурсы, которые необходимы специалисту для ощущения уверенности, устойчивости, возможности и готовности работать с созависимыми: жизнестойкость (0,499); интерес, увлечённость (0,731); позитивное отношение к прошлому (0,733); открытость (0,829), разнообразие ролевых позиций (0,746); социальный статус (0,764); влиятельность (0,650); духовные, моральные принципы (0,612).

3 фактор – «Главный инструмент» – отражает восприятие группой искусно выстроенной коммуникации как основного инструмента психолога для успешного разрешения трудных ситуаций в работе с созависимыми, содержит ресурсы: стремление к контакту, общности (0,818); коммуникабельность (0,777); интеллект (0,713).

4 фактор – «Глубинные мотивы» – предположительно описывает те потребности и мотивы, которые удерживают специалиста в данном направлении работы, несмотря на имеющиеся трудности: социальная поддержка (0,816); проактивность (0,651); эмпатия (0,835).

Эмоциональная зрелость на значимом уровне также вошла в структуру факторов, описывающих оценки трудностей взаимодействия специалистов (психологов) с созависимыми. Если первый и второй фактор отразили качества, которыми специалисты наделяют трудные и лёгкие

ситуации взаимодействия («вялая», «неуправляемая», «неприятная», «бесперспективная» и др. или «разговорчивая», «гибкая», «открытая» и др.), то в третьем факторе сошлись такие характеристики – «зрелая», «честная», «широкая», «свободная», – которые хотелось бы видеть в идеальной рабочей ситуации, которая одновременно может быть и желаемым результатом, к которому специалист стремится.

Исходя из вышеизложенного, выделим варианты возможных стратегий совладания с трудностями взаимодействия с созависимыми.

Необходимые копинг-стратегии из представленного анализа полученных результатов, должны укреплять рациональный, прагматичный аспект взаимодействия специалиста с созависимым, структурировать взаимодействие, повышать гибкость мышления, улучшать способность участников взаимодействия к эффективной регуляции эмоций.

При проявлениях эмоциональной незрелости у созависимых для специалистов могут быть полезны следующие копинг-стратегии: ориентация взаимодействия на когнитивную переоценку и позитивную перефокусировку (может помочь изучение техник когнитивно-поведенческого подхода); сотрудничество; поддержка субъектности участников взаимодействия; распределение ответственности (между всеми участниками), принятие ответственности за свои действия; краткосрочное целеполагание; проблемный анализ (поиск «гибких мест» проблемы, ситуации); переосмысление собственных ожиданий и мотивов; инвентаризация возможностей; расширение ролевого репертуара и смена ролевых позиций (из «спасателя» в «наблюдателя», «адвоката» и т. п.); управление враждебными чувствами; конструктивное ментальное и поведенческое дистанцирование (игнорирование оскорблений, провокаций и т. д.); информационная поддержка; валидация и конструктивное выражение эмо-

ций; переключение на конструктивную активность; выработка здоровых правил и норм; инструментальная и эмоциональная социальная поддержка и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При исследовании копинг-стратегий преодоления специалистами трудностей взаимодействия с созависимыми обращает на себя внимание аспект эмоциональной незрелости, описывающий ситуацию взаимодействия. Эмоциональная незрелость свойственна созависимым в форме чрезмерной фокусировки на эмоциях, в подавлении чувств и трудностях их осознавания, нарушениях регуляции эмоций.

Эмоциональная зрелость оценивается психологами как один из важнейших ресурсов в преодолении трудностей взаимодействия с созависимыми и одновременно желаемый результат, к которому стремится специалист в работе с данной категорией клиентов. Этот ресурс воспринимается наиболее эффективным в комбинации с жизнестойкостью, интеллектом, профессиональной компетентностью, интересом, увлечённостью и видением перспективы. Эмоциональная зрелость подразумевает во многом рациональный подход, высокую толерантность к трудным ситуациям, стрессоустойчивость, практичность, адекватную ориентировку в проблемах и возможностях трудной ситуации, готовность действовать. На основе полученных данных предложены копинг-стратегии, ориентированные на развитие эмоциональной зрелости, в том числе укрепление рационального, прагматичного аспекта взаимодействия специалистов с созависимыми, структурирование процесса взаимодействия, повышение гибкости мышления, улучшение способности участников взаимодействия к эффективной регуляции эмоций.

Полученные оценки трудностей взаимодействия с созависимыми и копинг-ресурсов, а именно ведущая роль эмоциональной зрелости, её характеристики, содержание и направленность как ре-

урсса совладания, позволили выявить потребности специалистов во взаимодействии с созависимыми и определить направление совладающего поведения, а также предложить конкретные копинг-стратегии. Таким образом, гипотеза исследования нашла своё подтверждение.

Направление дальнейших исследований может включать в себя развитие инструментария, верифицированную оценку эффективности вышеперечисленных стратегий, разработку стратегий совладания с трудностями взаимодействия с иными категориями клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова М. В., Максимова О. В., Геронимус И. А. Системная семейная терапия в рамках программы реабилитации людей, страдающих от химической зависимости: опыт работы в клинике // Психология и психотерапия семьи. 2020. № 2. С. 21–29. DOI: 10.24411/2587-6783-2020-10010.
2. Барцалкина В. В., Моисеев О. О., Третяк Э. В. Реабилитационный потенциал социально-психологического сопровождения семей с проблемами алкогольной или наркотической зависимости // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 6. С. 144–154.
3. Берёза Ж. В. Исследование феномена созависимости в системе семейных взаимоотношений больных опийной наркоманией: автореф. дисс. .... канд. психол. наук. СПб, 2019. 19 с.
4. Методические рекомендации по организации реабилитационной работы с неблагополучными семьями / В. С. Ахметова, И. Л. Жогло, Н. А. Карасёва, И. А. Миронова. Минск: Министерство информации Республики Беларусь, 2021. 22 с.
5. Morais da Silva F., Camatta M. W., Bisso Lachini A. J. Family motivations and expectations in the care for psychoactive substance users // Revista Gacha de Enfermagem. 2023. № 44. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37283434> (дата обращения: 10.10.25). DOI: 10.1590/1983-1447.2023.20220141.en.
6. Trotter C. Working with Involuntary Clients: A Guide to Practice. 4th Edition. London: Routledge, 2022. 178 p. DOI: 10.4324/9781003157663.
7. Другова Т. Н. Оценка эффективности применения авторского метода ролевых трансформаций в работе с эмоциональной зрелостью // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 1 (151). URL: <https://research-journal.org> (дата обращения: 10.10.25). DOI: 10.60797/IRJ.2025.151.49.
8. Леонтьев Д. А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
9. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход / пер. с англ. СПб.: Сова, 2002. 272 с.
10. Манухина Н. М. Созависимость глазами системного терапевта. М.: Класс, 2017. 336 с.
11. Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб: Речь, 2014. 320 с.
12. Миронова О. И., Роговая О. С. Трудности взаимодействия с созависимыми: системно-семейный анализ // Психология и право. 2023. № 13 (2). С. 166–182.
13. Миронова О. И. Субъектно-психологическая концепция вынужденных контактов. М.: АПКИППРО, 2013. 308 с.
14. Salonia G., Mahajan R., Mahajan N. S. Codependency and Coping Strategies in the Spouses of Substance Abusers // Scholars Journal of Applied Medical Sciences. 2021. № 9 (7). P. 1130–1138.
15. Суворова О. В., Береснева Е. В. Особенности проявления психологических защит и копинг-стратегий у разных категорий созависимых женщин // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66-4. С. 357–360.
16. Бердичевский А. А., Падун М. А., Гагарина М. А. Регуляция эмоций у лиц, находящихся в созависимых отношениях // Клиническая и специальная психология. 2021. № 10 (4). С. 185–204. DOI: 10.17759/cpse.2021100409.
17. Миронова О. И., Руонала Л. А., Миронов Е. С. Цифровизация социальных контактов – риски для женщин, использующих приложения и сайты знакомств для поиска брачного партнёра. Психология и право. 2021. № 11 (4). С. 42–63. DOI: 10.17759/psylaw.2021110404.
18. Роговая О. С. Копинг-ресурсы в преодолении трудностей взаимодействия с созависимыми // Человеческий капитал. 2024. № 6 (186). С. 182–196.

REFERENCES

1. Arkhipova, M. V., Maksimova, O. V. & Geronimus, I. A. (2020). Systemic Family Therapy Within the Framework of a Rehabilitation Program for People Suffering from Chemical Dependence: Clinic Experience. In: *Family Psychology and Psychotherapy*, 2, 21–29. DOI: 10.24411/2587-6783-2020-10010 (in Russ.).
2. Bartsalkina, V. V., Moiseev, O. O. & Tretyak, E. V. (2022). Rehabilitation Potential of Social and Psychological Support for Families with Problems of Alcohol or Drug Addiction. In: *Psychological Science and Education*, 27, 6, 144–154 (in Russ.).
3. Bereza, Zh. V. (2019). *Study of the Phenomenon of Codependency in the System of Family Relationships of Patients with Opiate Addiction*: [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
4. Akhmetova, V. S., Zhoglo, I. L., Karaseva, N. A. & Mironova, I. A. (2021). *Methodological Recommendations for Organizing Rehabilitation Work with Dysfunctional Families*. Minsk: Ministry of Information of the Republic of Belarus publ. (in Russ.).
5. Morais da Silva, F., Camatta, M. W. & Bisso Lachini, A. J. (2023). Family Motivations and Expectations in the Care for Psychoactive Substance Users. In: *Revista Gacha de Enfermagem*, 44. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/37283434> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.1590/1983-1447.2023.20220141.en.
6. Trotter, C. (2022). *Working with Involuntary Clients: A Guide to Practice*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003157663.
7. Drugova, T. N. (2025). Evaluation of the Effectiveness of the Author's Method of Role Transformations in Working with Emotional Maturity. In: *International Research Journal*, 1 (151). URL: <https://research-journal.org> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.60797/IRJ.2025.151.49 (in Russ.).
8. Leontiev, D. A. (2016). Self-Regulation, Resources, and Personal Potential. In: *Siberian Psychological Journal*, 62, 18–37 (in Russ.).
9. Ellis, A. (2002). *Humanistic Psychotherapy: Rational-Emotional Approach*. St. Petersburg, Sova publ. (in Russ.).
10. Manukhina, N. M. (2017). *Codependency Through the Eyes of a Systems Therapist*. Moscow, Klass publ. (in Russ.).
11. Emelyanova, E. V. (2014). *Crisis in Codependent Relationships. Principles and Algorithms of Counseling*. St. Petersburg: Rech publ. (in Russ.).
12. Mironova, O. I. & Rogovaya, O. S. (2023). Difficulties in Interacting with Codependents: A Systemic Family Analysis. In: *Psychology and Law*, 13 (2), 166–182 (in Russ.).
13. Mironova, O. I. (2013). *The Subjective Psychological Concept of Forced Contacts*. Moscow, APKiPPRO publ. (in Russ.).
14. Salonia, G., Mahajan, R. & Mahajan, N. S. Codependency and Coping Strategies in the Spouses of Substance Abusers. In: *Scholars Journal of Applied Medical Sciences*, 9 (7), 1130–1138.
15. Suvorova, O. V. & Beresneva, E. V. (2020). Manifestation Features of Psychological Defenses and Coping Strategies in Different Categories of Codependent Women. In: *Problems of Modern Pedagogical Education*, 66-4, 357–360 (in Russ.).
16. Berdichevsky, A. A., Padun, M. A. & Gagarina, M. A. (2021). Regulation Of Emotions In Individuals In Codependent Relationships. In: *Clinical and Special Psychology*, 10 (4), 185–204 (in Russ.). DOI: [10.17759/cspse.2021100409](https://doi.org/10.17759/cspse.2021100409).
17. Mironova, O. I., Ruonala, L. A. & Mironov, E. S. (2021). Digitalization of social contacts: risks for women using dating apps and sites to find a marriage partner. In: *Psychology and Law*, 11 (4), 42–63. DOI: [10.17759/psylaw.2021110404](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110404) (in Russ.).
18. Rogovaya, O. S. (2024). Coping Resources in Overcoming the Difficulties of Interaction with Codependents. In: *Human Capital*, 6 (186), 182–196 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Миронова Оксана Ивановна (г. Москва) – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

ORCID: 0000-0003-4822-5877; e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Роговая Ольга Степановна (г. Москва) – медицинский психолог Психиатрической клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы;
ORCID: 0009-0005-6352-9125; e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana I. Mironova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation;
ORCID: 0000-0003-4822-5877; e-mail: mironova_oksana@mail.ru

Olga S. Rogovaya (Moscow) – Medical Psychologist, Psychiatric Hospital no. 1 named after N. A. Alexeev of the Department of Health of Moscow;
ORCID: 0009-0005-6352-9125; e-mail: rogovaya.olga.22782@yandex.ru

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-36-48

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ, СОСТОЯЩИХ НА СОЦИАЛЬНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ

Никитаев Н. М.¹, Цветкова Н. А.^{1,2,*}

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российской Федерации

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Российской Федерации

* Корреспондирующий автор, e -mail: *TsvetkovaNA@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.09.2025

После доработки 13.10.2025

Принята к публикации 14.10.2025

Аннотация

Цель. Изучение дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций у подростков, состоящих на социальном сопровождении и учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН), в качестве предикторов их асоциального поведения.

Процедура и методы. Психодиагностическая процедура проводилась с применением опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой и методики изучения семейной адаптации и сплочённости (FACES-3). Нормальность распределения проверялась комплексом расчётных методов (критерии Шапиро-Вилка и Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллифорса) и графических (Q-Q и коробчатые графики); межгрупповые различия определены с помощью U-критерия Манна-Уитни; корреляционный анализ выполнен по критерию Спирмена; применялся факторный анализ данных.

Результаты. Установлено, что эмоциональными предикторами асоциального поведения (совершения правонарушений, употребления психоактивных веществ, бродяжничества, других антиобщественных действий) у подростков выступают дисфункциональные эмоциональные коммуникации в их семьях (критика, семейный перфекционизм, фиксация на негативе, элиминирование эмоций, сверхвключённость, индуцирование тревоги, ориентация на внешнее благополучие; семейная сплочённость, семейная эмоциональная связь), которые комбинируются в двухфакторную структуру: «эмоциональная дисфункциональность семьи» и «эмоциональное семейное насилие». Для подростков мужского пола наиболее значимым эмоциональным предиктором асоциального поведения является семейный перфекционизм, а для подростков женского пола – дефицит эмоциональной связи в семье при избытке критики и элиминирования эмоций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты обогащают прикладную и практическую социальную и пенитенциарную психологию. Они предназначены для психологов системы социальной защиты населения, оказывающих помощь дисфункциональным семьям и воспитывающимся в них детям, а также подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН); могут использоваться в целях просвещения родителей, заинтересованных в

эмоционально-психологическом благополучии своих детей-подростков; студентами психологических факультетов, курсантами ведомственных вузов ФСИН России и их преподавателями.

Ключевые слова: подростки, состоящие на учёте в ПДН и сопровождении, семейные эмоциональные коммуникации, эмоциональная связь, семейная сплочённость, общий уровень эмоциональных дисфункций, эмоциональные предикторы асоциального поведения, различия, связанные с полом

Для цитирования: Никитаев Н. М., Цветкова Н. А. Дисфункциональные семейные эмоциональные коммуникации как предикторы асоциального поведения у подростков, состоящих на социальном сопровождении // Психологические науки. 2025. № 4. С. 36–48. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-36-48>

Original research article

DYSFUNCTIONAL EMOTIONAL FAMILY COMMUNICATIONS AS PREDICTORS OF ANTISOCIAL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS RECEIVING SOCIAL SUPPORT

N. Nikitaev¹, N. Tsvetkova^{1,2,*}

¹ State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e -mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Received by the editorial office 28.09.2025

Revised by the author 13.10.2025

Accepted for publication 14.10.2025

Abstract

Aim. To study dysfunctional family emotional communications of adolescents who are socially accompanied and registered in juvenile affairs units as predictors of their antisocial behavior.

Methodology. The psychological diagnostic procedure was performed using the questionnaire “Family Emotional Communications” by A. B. Kholmogorova, S. V. Volikova, M. G. Sorokova and the methodology for studying family adaptation and cohesion (FACES-3). The normality of the distribution was verified by a set of computational methods (Shapiro-Wilk and Kolmogorov-Smirnov criteria with Lillyfors’s correction) and graphical (Q-Q and box graphs); the m-group differences were determined using the Mann-Whitney U-test; correlation analysis was performed using the Spearman criterion; factor analysis of data was applied.

Results. It has been established that the emotional predictors of antisocial behavior (committing offenses, using psychoactive substances, vagrancy, and other antisocial actions) in adolescents are dysfunctional emotional communications in their families (criticism, family perfectionism, fixation on negativity, elimination of emotions, over-involvement, inducing anxiety, orientation to external well-being; family cohesion, family emotional connection) which form the two-factor structure – “emotional dysfunctionality of the family” and “emotional family violence.” For male adolescents, the most significant emotional predictor of antisocial behavior is family perfectionism, and for female adolescents, it is a lack of emotional connection in the family with an excess of criticism and elimination of emotions.

Research implications. The results obtained enrich applied practical social and penitentiary psychology. They can be used by psychologists of the social protection system who help dysfunctional families and children raised in them, as well as juvenile affairs units, by parents interested in the

emotional and psychological well-being of their adolescent children, and by students of psychology faculties, cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia and their teachers.

Keywords: adolescents involved in juvenile affairs, family emotional communication, emotional connection, family cohesion, general level of emotional dysfunctions, emotional predictors of antisocial behavior, gender-related differences

For citation: Nikitaev, N. M. & Tsvetkova, N. A. (2025). Dysfunctional Emotional Family Communications as Predictors of Antisocial Behavior of Adolescents Receiving Social Support. In: *Psychological Sciences*, 4, 36–48. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-36-48>

ВВЕДЕНИЕ

Изучение дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций у подростков с асоциальным поведением, состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) и социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании¹, является одной из задач прикладной социальной психологии, решаемых в рамках разработки проблемы семейных предикторов эмоционального неблагополучия несовершеннолетних.

Его актуальность аргументируется, во-первых, тем, что при всей своей социальной значимости данная тема недостаточно изучена с учётом изменившихся за последние пять лет условий жизнедеятельности россиян. Определённая научно-теоретическая база для её более детальной разработки существует. Накоплен опыт изучения семьи на методологии системного подхода, в развитие которого большой вклад внесли зарубежные исследователи (М. Боуэн, В. Сатир, Дж. Хейли, М. Сельвини-Палаццоли, С. Минухин и др.) и отечественные психологи и психотерапевты (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, И. В. Добряков, Н. В. Александрова, А. Я. Варга и др.) [7].

Во-первых, сложились определённые научные предпосылки для того, чтобы из-

учать семьи с детьми-подростками и как малые социальные группы, и как структурное звено социума, т. е. одновременно с позиций обоих подходов – социально-психологического и системного [7]. В довольно многочисленных публикациях современных исследователей по психологии, а также по педагогике и медицине заметна тенденция к сопоставлению данных об эмоциональном состоянии подростков с данными о благополучии / дисфункциональности тех семей, в которых они воспитываются [1; 2; 9 и др.].

Во-вторых, негативные эмоциональные состояния подростков, возникающие под влиянием дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций, запускают процесс формирования отклоняющегося поведения (негативные эмоции дают дорогу деструктивным действиям). Подростки с неразвитой способностью распознавать и выражать свои эмоции и чувства реализуют их в нецензурной лексике, актах агрессии и разрушения, самоповреждающем поведении, чем и создают большую социальную проблему. Как пишут И. С. Ганишина и С. В. Воробьев, «Проблема правонарушений в подростковой среде является чрезвычайно актуальной для современного общества в целом и для нашей страны в частности» [4]. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года», содержащая план мероприятий на 2021–2025 годы по её реализации,

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп.); вступил в силу 1 января 2015 года; последняя редакция принята 25.12.2023 и вступила в силу с 26.12.2024. URL: <https://clck.ru/3QxHqi> (дата обращения: 10.10.25).

нацеливает на активное внедрение в деятельность психологических служб правоохранительных органов специальных комплексных социально-психологических программ, что будет способствовать более эффективной реабилитации и социализации несовершеннолетних, состоящих на учёте в ПДН»¹. Современные зарубежные учёные [14; 15; 16; 17 и др.], например, китайские социальные психологи К. Джанг и С. Ли также показывают, что эмоциональное неблагополучие обуславливает социальную дезадаптацию, служит предпосылкой выбора подростком асоциального образа жизни, формирования аддиктивного поведения [18]. Однако пока неясно, какие именно дисфункциональные семейные эмоциональные коммуникации в большей степени способствуют формированию асоциального поведения у современных подростков, в том числе дифференцированных по фактору пола. А. Б. Холмогорова, С. В. Воликова и М. Г. Сорокова, рассматривая семью как систему, выделили 7 дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций – это: перфекционизм, критика, индуцирование тревоги, внешнее благополучие, элиминирование эмоций, фиксация на негативных переживаниях, сверхвключённость. При этом они отметили связь родительского контроля, сверхвключённости, критики с депрессивными и тревожными расстройствами у взрослых пациентов, а также «дефицит исследований специфики семейных дисфункций, влияющих на возникновение разных видов эмоциональных расстройств» [10];

В-третьих, определение характера связи асоциального поведения подростков с определёнными дисфункциональными

эмоциональными коммуникациями в их семьях важно для решения практических задач, стоящих как перед пенитенциарными психологами, так и перед психологами социальной защиты населения, поскольку это знание даёт возможность приблизить содержание специальных комплексных социально-психологических программ для несовершеннолетних, состоящих на социальном сопровождении, к их онтологической реальности, а значит, сделать их более эффективными.

В научных исследованиях эмоционально-психологическое неблагополучие подростков, обуславливающее появление асоциальных актов в их поведении, объясняется тремя главными причинами, связанными с семьёй: 1) эмоциональная депривация, что означает дефицит внимания родителей к эмоциям ребёнка, семейных разговоров о чувствах, недостаток теплоты в общении и поддержки во взаимодействии с ним; 2) психотравмы детства (потеря родителей, дорогих и близких людей, переживание ситуаций насилия); 3) окружающая социальная среда с дефицитом факторов развития эмоциональной компетентности [2; 3; 5; 6; 11; 12 и др.].

Асоциальное поведение подростков учёные связывают с совокупностью факторов, которую составляют: наследственность; особенности нервной системы, темперамента и характера; особенности семьи; особенности тех социальных групп, куда включён ребёнок; особенности ситуаций, в которые он попадает [4; 9; 12 и др.]. Как отмечают В. О. Старикова, М. Г. Дебольский и Д. С. Ошевский, «по разным данным, от 40 до 60% несовершеннолетних правонарушителей имеют те или иные отклонения в психическом развитии. Эти девиации могут варьировать от клинически очерченных форм до заострения некоторых индивидуальных черт» [8, с. 79].

Ошибочно считать, что семью сплачивают только положительные эмоции: члены семьи могут быть не связаны любовью,

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734 (дата обращения: 10.10.25).

но при этом тесно связаны ненавистью. Поэтому при изучении семейных предикторов асоциального поведения важно учитывать особенности эмоциональной связи в семьях подростков, а также семейную сплочённость. Методика изучения этих социально-психологических феноменов предложена ещё в 1985 г. (шкала семейной адаптации и сплочённости, разработанная Д. Ослон, Дж. Портнер и Ю. Лави, в 2002 г. адаптированная Э. Г. Эйдемиллером и М. Ю. Городновой) [13, с. 68–72]. Под семейной сплочённостью её авторы и адепты понимают степень эмоциональной связи между членами семьи, которые при максимальной выраженности этой связи эмоционально взаимозависимы, при минимальной – автономны и дистанцированы друг от друга [13].

В целом получается, что при достаточно обширной отечественной и зарубежной литературе не только научно-теоретического, но и практического характера¹ проблему семейных предикторов эмоционального неблагополучия подростков всё ещё рано считать исчерпанной. А изучение его связи с дисфункциональными семейными эмоциональными коммуникациями у подростков, состоящих на социальном сопровождении по направлению ПДН, является актуальной задачей современной прикладной и практической социальной психологии.

Цель нашего эмпирического исследования – изучение дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций у подростков, состоящих на социальном сопровождении и учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН), в качестве предикторов их асоциального поведения. *Исследовательские задачи.* Предполагалось получить эмпи-

рическим путём: 1) показатели дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций, проанализировать их; 2) показатели общего уровня семейной сплочённости и её частного компонента – шкалы эмоциональной связи; 3) дифференцировать выборку подростков в зависимости от пола, выполнить сравнительный анализ эмпирических данных и установить достоверность межгрупповых различий; 4) выполнить корреляционный и факторный анализы данных.

Гипотеза: предикторами асоциального поведения у подростков с асоциальным поведением, состоящих на социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании, являются дисфункциональные эмоциональные коммуникации в их семьях (критика, перфекционизм, фиксация на негативе, элиминирование эмоций, перфекционизм, сверхвключённость, индуцирование тревоги, семейное неблагополучие, а также семейная сплочённость, эмоциональная связь в семье), при этом показатели семейных эмоциональных коммуникаций имеют тесную связь с полом и их корреляции в группе мальчиков и группе девочек тоже различны.

ПРОЦЕДУРЫ И МЕТОДЫ

Схема исследования. На начальном этапе была разработана программа эмпирического исследования, участниками которого могли бы стать подростки с асоциальным поведением, состоящие на социальном сопровождении как нуждающиеся в социальном обслуживании, и определена база для её реализации (Москва, ГБУ «Мой семейный центр «Диалог», учредителем которого является Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы). Затем было проведено социально-психологическое обследование мальчиков и девочек, посещающих это учреждение, позволившее получить показатели их семейных эмоциональных коммуникаций, эмоциональной связи и семейной сплочённости, а

¹ Подольский А. И., Идбаяева О. А. Психология развития. Психоэмоциональное благополучие детей и подростков: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2024. 124 с.; Шульга Т. И. Работа с неблагополучной семьёй: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2025. 213 с.

также ряд объективных данных об испытуемых. После этого совокупная выборка была разделена на две группы по фактору пола (на группу мальчиков и группу девочек) и выполнен межгрупповой сравнительный анализ данных, а также установлена степень достоверности межгрупповых различий. На завершающем этапе выявлялись и анализировались согласования показателей исследуемых характеристик, а также проведён факторный анализ.

Участники исследования. Выборку составили 140 подростков (50 мальчиков и 90 девочек) в возрасте от 13 лет до 15 лет (медиана – 14,6), состоящих на социальном сопровождении в ГБУ «Мой семейный центр «Диалог» города Москвы в соответствии с п. 23.14. «Осуществление социального сопровождения несовершеннолетних, семей с детьми, нуждающихся в социальном обслуживании» Устава данного учреждения¹. Из них: воспитывались в полных семьях – 72 чел. (51,43%); в неполных материнских – 61 чел. (43,57%), опекунских – 5 чел. (3,57%), неполных отцовских – 2 чел. (1,43%); воспитывались в однодетных семьях – 41 чел. (29,28%); двухдетных – 62 чел. (44,29%); многодетных – 37 чел. (26,43%); состояли на учёте в ПДН вследствие совершения правонарушений, употребления психоактивных веществ, бродяжничества или других антиобщественных действий, подозрения или обвинения в совершении преступления, условно-досрочного освобождения – 24 подростка (17,14%); состояли на социальном сопровождении по причине отклонений в поведении и дисфункциональности родительских семей, в которых воспитывались, – 116 подростков (82,86%).

¹ Приказ № 422 от 05.06.2024 об утверждении Устава Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Мой семейный центр «Диалог». URL: https://xn--e1aaancaqlcc7aew1d7d.xn--80adx-hks/wp-content/uploads/2020/03/ustav_dialog_2024.pdf (дата обращения: 10.10.25).

В исследовании применялись следующие методики психологической диагностики: 1) опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А. Б. Холмогоровой, С. В. Воликовой, М. Г. Сороковой [10]; 2) методика изучения семейной адаптации и сплочённости (FACES-3) Д. Олсон, Дж. Портнер, И. Лави в адаптации Э. Г. Эйдемиллера и М. Ю. Городновой (использовалась показатели интегративной шкалы «Общий уровень семейной сплочённости» и её частного компонента – «эмоциональная связь») [13, с. 68–72]. Математико-статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась на основе пакета MS Office Excel, IBM SPSS Statistics 23. Нормальность распределения проверялась комплексом расчётных (критерии Шапиро-Вилка и Колмогорова-Смирнова с поправкой Лиллифорса) и графических (Q-Q и коробчатые графики) методов; межгрупповые различия определены с помощью U-критерия Манна-Уитни; корреляционный анализ выполнен по критерию Спирмена; данные подвергались факторному анализу. Выбор критериев обусловлен особенностями распределения исследуемых показателей и типами шкал психодиагностических методик.

РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Результаты анализа показателей дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций в совокупной выборке подростков представлены ниже в таблице 1.

Таблица 1 представляет собой рейтинг показателей дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций, в котором доминируют «семейный perfectionism», «индуцирование тревоги» и «внешнее благополучие».

При этом обобщённый показатель дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций является умеренным. Его более детальный анализ показал, что он является низким у 42 испытуемых (или у 30,00% подростков со-

Таблица 1 / Table 1

Показатели дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций в совокупной выборке подростков, состоящих на социальном сопровождении / Indicators of dysfunctional family emotional communications in the cumulative sample of adolescents receiving social support

Показатели дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникаций	Максимально возможное число баллов	Баллы, полученные в совокупной выборке	% от максимально возможного числа баллов
Семейный перфекционизм	9	5,38	59,78
Индукция тревоги	15	8,73	58,20
Внешнее благополучие	9	4,78	53,11
Сверхвключённость	9	4,05	45,00
Элиминирование эмоций	18	7,14	39,67
Фиксация на негативе	9	3,50	38,89
Критика	21	7,74	36,86
Обобщённый показатель дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	90	41,11	45,68

Источник: данные авторов.

вокупной выборки), средним – у 81 чел. (57,86%), высоким – у 17 чел. (12,14%).

2. Результаты анализа показателей общего уровня семейной сплочённости и её частного компонента – шкалы эмоциональной связи представлены ниже в таблице 2.

Данные таблицы 2 дают основание полагать, что обследованные подростки эмоционально тесно связаны со своей семьёй, поскольку показатель этой связи относится к области высоких значений (74,20%). При его более детальном анализе обнаружено, что общий уровень

эмоциональной связи является низким у 9 подростков (6,43% всей выборки); средним – у 47 чел. (33,57%); высоким – у 84 чел. (60,0%).

Показатель общего уровня семейной сплочённости явно тяготеет к высокому уровню. В результате его детального анализа в совокупной выборке удалось определить уровни семейной сплочённости и выделить типы семей испытуемых: разобщённая семья – 46 чел. (32,86%); разделённая семья – 33 чел. (23,57%); связанная семья – 32 чел. (22,86%); сцепленная семья – 29 чел. (20,71%).

Таблица 2 / Table 2

Показатели эмоциональной связи и семейной сплочённости у подростков, состоящих на социальном сопровождении / Indicators of emotional connection and family cohesion among adolescents receiving social support

Показатели эмоциональной связи и семейной сплочённости	Максимально возможное число баллов	Баллы, полученные в совокупной выборке	% от максимально возможных баллов
Эмоциональная связь	15	11,13	74,20
Общий уровень семейной сплочённости	50	35,00	70,0

Источник: данные авторов.

3. Результаты сравнительного анализа эмпирических данных, полученных в группе мальчиков и группе девочек представлены ниже в таблице 3.

В таблице 3 наблюдается лишь одно высоко значимое межгрупповое различие – в показателях эмоциональной связи в семье ($U = 1714,0$ при $p \leq 0,019$), которые достоверно выше у мальчиков.

Проведение корреляционного анализа позволило получить следующие результаты (табл. 4).

Данные, содержащиеся в таблице 4, позволяют заметить основное межгрупповое различие: в группе мальчиков достоверных корреляционных связей больше, но у девочек, хоть и меньше их, однако они существенно теснее.

Факторный анализ данных. В результате его применения выделено два эмоциональных семейных фактора, выступающих предикторами асоциаль-

ного поведения подростков: I фактор – «Эмоциональная дисфункциональность семьи», объединивший: элиминирование эмоций (0,828), т. е. подавление нежелательных эмоциональных реакций, установление контроля над ними; критику (0,811), отсутствие семейной сплочённости (-0,759), отсутствие эмоциональной связи в семье (-0,725), общий уровень семейных эмоциональных дисфункций (0,703), стремление к внешнему благополучию (0,536); II фактор – «Эмоциональное семейное насилие», включивший четыре дисфункциональных семейных эмоциональных коммуникации: индуцирование тревоги (0,718), сверхвключённость (0,672), фиксацию на негативе (0,662) и семейный перфекционизм (0,617), что означает склонность ставить перед членами семьи самые высокие цели и жёстко контролировать их достижение.

Таблица 3 / Table 3

Показатели семейных эмоциональных коммуникаций в группах подростков мужского и женского пола и их межгрупповых различий / Indicators of family emotional communication in groups of male and female adolescents and their intergroup differences

№ п/п	Изучаемые характеристики	Сравниваемые группы		Достоверность и значимость различий	
		Мальчики	Девочки	U	P
		баллы			
Семейные эмоциональные коммуникации					
1.	Критика	7,78	7,72	2163	0,703
2.	Индуцирование тревоги	8,68	8,76	2227	0,918
3.	Элиминирование эмоций	7,28	7,07	2167	0,715
4.	Фиксация на негативе	3,66	3,41	2059	0,400
5.	Внешнее благополучие	4,58	4,89	2086	0,472
6.	Сверхвключённость	4,32	3,90	2046	0,369
7.	Семейный перфекционизм	5,66	5,22	1987	0,247
8.	Общий уровень дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	41,96	40,64	2143	0,640
9.	Эмоциональная связь	11,86	10,72	1714**	0,019
10.	Общий уровень семейной сплочённости	36,34	34,26	1945	0,184

** уровень достоверности различий $p \leq 0,01$ (высокий уровень значимости)

Источник: данные авторов.

Таблица 4 / Table 4

Значимые результаты корреляционного анализа эмпирических данных, полученные в группе мальчиков и девочек / Significant results of correlation analysis of empirical data obtained in the group of boys and girls

Шкалы семейной сплочённости	С чем коррелируют	Коэффициент корреляции	
		По группе мальчиков	По группе девочек
Эмоциональная связь	Критика	- 0,303*	- 0,566***
	Эlimинирование эмоций	- 0,492***	- 0,644***
	Внешнее благополучие	-0,397**	-0,097
	Семейный перфекционизм	0,355**	0,116
	Общий уровень дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	- 0,283*	- 0,338***
Общий уровень семейной сплочённости	Критика	- 0,391**	- 0,593***
	Эlimинирование эмоций	- 0,559***	- 0,677***
	Внешнее благополучие	-0,436**	-0,175
	Семейный перфекционизм	0,418**	0,109
	Общий уровень дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций	- 0,314*	- 0,350***

Источник: данные авторов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты позволяют вынести на обсуждение следующие положения:

1) в рейтинге показателей дисфункциональных эмоциональных коммуникаций в семьях подростков пикирует «семейный перфекционизм», от которого несколько отстают «индуцирование тревоги» и «внешнее благополучие»; замыкает его «критика». Более 12% совокупной выборки составили подростки из семей с высоким общим уровнем эмоциональной дисфункциональности, 30% – с низким, при этом показатель общего уровня семейной эмоциональной дисфункциональности по выборке в целом средний;

2) результаты анализа семейной сплочённости и эмоциональной связи показали, что около 33% подростков совокупной выборки воспитываются в семьях разобщённого типа, несколько более 23% – в семьях разделённого типа, около 23% – в семьях связанного типа и около 21% – в семьях сцепленного типа. Благоприятными психологическими ти-

пами семьи являются разделённые и связанные семьи – в совокупной выборке доля подростков, принадлежащих к ним, составила чуть более 46%. Большая часть подростков (60%) эмоционально очень тесно связана со своей семьёй, и в совокупной выборке показатель этой связи (11 баллов из 15 возможных) является довольно высоким;

3) в результате сравнительного анализа эмпирических данных, полученных в группе мальчиков и группе девочек, по 10 показателям семейных эмоциональных коммуникаций выявлено лишь одно высоко значимое различие, связанное с полом, – эмоциональная связь, показатели которой достоверно выше в семьях, где воспитываются мальчики;

4) путём корреляционного анализа установлено, что:

– в группе мальчиков показатели эмоциональной связи статистически значимо согласуются с показателями критики и общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, более значимо – с внешним благо-

получием и семейным перфекционизмом и очень тесно – с элиминированием эмоций. Причём эти корреляции эмоциональной связи носят обратной характер (т. е. её высокие показатели значимо согласуются с их низкими показателями и наоборот); исключение составил перфекционизм, который имеет с ней прямые корреляции (высокие показатели первой тесно согласуются с высокими показателями второго, низкие – с низкими);

– в группе мальчиков показатели общего уровня семейной сплочённости статистически значимо согласуются с показателями общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, более значимо – с показателями критики, внешнего благополучия и перфекционизма и очень тесно – с элиминированием эмоций. При этом его прямые корреляции зарегистрированы только с перфекционизмом;

– в группе девочек выявлены три очень тесных обратных согласований показателей семейной эмоциональной связи с показателями критики, элиминирования эмоций и общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, а также три столь же тесных обратных согласований показателей общего уровня семейной сплочённости с показателями этих же эмоциональных семейных дисфункций;

– в группе мальчиков достоверных корреляционных связей больше, но у

девочек, хоть их и меньше, все они очень тесные;

– вероятно, что в группе мальчиков семейная эмоциональная связь и семейная сплочённость способствуют ослаблению критики, элиминирования эмоций, ориентации на внешнее благополучие и снижению общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций, однако они же усиливают семейный перфекционизм;

– вероятно, что в группе девочек тесная семейная эмоциональная связь и семейная сплочённость способствуют

уменьшению критики и элиминирования эмоций, а также снижению общего уровня дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций;

– если учесть тот факт, что показатели эмоциональной связи достоверно выше в семьях, где воспитываются мальчики, то возможно сделать вывод: подростки мужского пола с асоциальным поведением больше страдают от семейного перфекционизма, а их сверстницы с таким же поведением – от дефицита эмоциональной связи при избытке критики в их адрес и элиминировании эмоций;

5) факторный анализ показал, что эмоциональными предикторами асоциального поведения подростков выступают два фактора, основным из которых является «Эмоциональная дисфункциональность семьи», а дополнительным – «Эмоциональное семейное насилие», проявляющееся совокупностью способов, а именно: индуцирование тревоги, сверхвключённость, фиксация на негативе и семейный перфекционизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вынесенные на обсуждение положения позволяют сделать нижеследующее заключение: полученные результаты подтвердили предположение о том, что предикторами асоциального поведения у обследованных подростков с асоциальным поведением, состоящих на социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании, являются дисфункциональные эмоциональные коммуникации в их семьях (как общий уровень дисфункциональности эмоциональных семейных коммуникаций, так и его частные компоненты – критика, семейный перфекционизм, элиминирование эмоций, ориентация на внешнее благополучие, которые имеют тесные согласования с семейной эмоциональной связью и общим уровнем семейной сплочённости). Что касается различий, связанных с полом, то установлено, что эмоциональная связь достоверно выше в

семьях, где воспитываются мальчики; в группе мальчиков отмечены 10 достоверных корреляционных связей между показателями исследуемых характеристик, в то время как у девочек их 6, однако все они очень тесные, т. е. группы, выделенные из совокупной выборки по половому признаку, на первый взгляд кажутся больше сходными, чем различными. Тем не менее в работе с родителями мальчиков акцент следует делать на принятие ими их реального ребёнка, чтобы таким образом ослабить эмоциональную дисфункцию «семейный перфекционизм», а в работе с родителями девочек – на укрепление детско-родительской эмоциональной связи, в частности, на исключение критики ребенка и элиминирования его эмоций.

Полученные результаты обогащают прикладную и практическую социальную и пенитенциарную психологию. Они предназначены для психологов системы

социальной защиты населения, оказывающих помощь дисфункциональным семьям и воспитывающимся в них детям, для сотрудников уполномоченных организаций по вопросам опеки и попечительства и подразделений по делам несовершеннолетних (ПДН); могут использоваться в целях просвещения родителей, заинтересованных в эмоционально-психологическом благополучии своих детей-подростков; студентами, курсантами ведомственных вузов ФСИН и их преподавателями. Например, на основе изложенных выше результатов могут быть разработаны коррекционно-развивающие программы для подростков и их родителей, состоящих на социальном сопровождении в качестве нуждающихся в социальном обслуживании, нацеленные на снижение уровня семейной эмоциональной дисфункциональности и эмоционального семейного насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекова М. Р., Арсакаева Х. С., Килаев И. Ю. Роль семьи в эмоционально-личностном развитии подростков // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 323–325. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-323-326>.
2. Бочанцева Л. И. Формирование эмоционального благополучия у подростков из дисфункциональных семей // Педагогический имидж. 2024. № 3. С. 395–409. DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2024-18-3-395-409>.
3. Быкова Е. А., Истомина С. В. Особенности психоэмоционального состояния подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 4 (107). С. 213–216.
4. Ганишина И. С., Воробьев С. В. К вопросу о психологических особенностях подростков, состоящих на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 21–24. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-21-24>.
5. Игнатьевич С. С., Магдалинова Ю. Д., Мамбеталина А. С. Психологические особенности развития эмоциональной сферы подростков // Педагогика: история, перспективы. 2023. № 6 (1-2). С. 170–191. DOI: <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2023-6-1-2-170-191>.
6. Кузнецова Е. В. Коррекция эмоционального неблагополучия подростков средствами тренинговой работы // Вестник экспериментального образования. 2023. № 1 (34). URL: <http://www.prapacademy.ru> (дата обращения: 10.10.25).
7. Никитаев Н. М., Цветкова Н. А. Эмоциональное неблагополучие подростков из дисфункциональных семей как предмет научного исследования // Вестник университета. 2024. № 9. С. 250–258. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-250-258>.
8. Старикова В. О., Дебольский М. Г., Ошевский Д. С. Черты «асоциальной личности» у несовершеннолетних правонарушителей // Психология и право. 2017. № 4 (7). С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070407>.
9. Терегулова О. А. Асоциальное поведение несовершеннолетних: причины и условия возникновения // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020. № 4. С. 125–128. DOI: [10.24411/2658-638X-2020-10127](https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10127).

10. Холмогорова А. Б., Воликова С. В., Сорокова М. Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 4. С. 97–125. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240405>.
11. Червов Т., Усманова М. Н. Психологические условия эмоционального благополучия подростков // Science and Education. 2023. № 4 (11). С. 349–357.
12. Шульга Т. И. Удовлетворённость взаимоотношениями и потребностью в принадлежности подростков с родителями в условиях цифровизации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2025. № 2. С. 91–105. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-2-91-105.
13. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
14. Bailen N. H., Green L. M., Thompson R. J. Understanding Emotion in Adolescents: A Review of Emotional Frequency, Intensity, Instability, and Clarity // Emotion Review. 2019. Vol. 11. № 1. P. 63–73. DOI: 10.1177/1754073918768878.
15. Obeldobel C. A., Brumariu L. E., Kerns K. A. Parent-Child Attachment and Dynamic Emotion Regulation: A Systematic Review // Emotion Review. 2023. Vol. 15. № 1. P. 28–44. DOI: 10.1177/17540739221136895.
16. Ding R., He W., Wang Q. Communicating Emotional Distress Experienced By Adolescents Between Adolescents and Their Mothers: Patterns and Links with Adolescents' Emotional Distress // Journal of Affective Disorders. 2022. № 1 (298). P. 35–46. DOI: 10.1016/j.jad.2021.11.051.
17. Hassan D., Hameed M., Hassan U. The relationship between interparental conflict, distress tolerance and emotional dysregulation among adolescents // The International Journal of Learner Diversity and Identities. 2023. Vol. 30. № 2. P. 169–178.
18. Zhang X., Li C. Predictors of Adolescents' Psychological Distress and Internet Addiction: the Role of Interpersonal Stress and School Burnout // Journal of Child and Family Studies. 2023. Vol. 33. P. 1070–1082. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-023-02635-8>.

REFERENCES

1. Bekova, M. R., Arsakaeva, H. S. & Kilaev, I. Yu. (2022). The Role of the Family in the Emotional and Personal Development of Adolescents. In: *The World of Science, Culture and Education*, 6 (97), 323–325. DOI: <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-697-323-326> (in Russ.).
2. Bochantseva, L. I. (2024). Formation of the Emotional State in Adolescents from Dysfunctional Families. In: *Pedagogical Image*, 3, 395–409. DOI: <https://doi.org/10.32343/2409-5052-2024-18-3-395-409> (in Russ.).
3. Bykova, E. A. & Istomina, S. V. (2024). Features of the Psychological Emotional State of Adolescents in a Work-Life Situation. In: *The World of Science, Culture and Education*, 4 (107), 213–216 (in Russ.).
4. Ganishina, I. S. & Vorobyov, S. V. (2022). On the Issue of Psychological Characteristics of Adolescents Involved in Juvenile Departments. In: *Psychology and Pedagogy of Service Activity*, 3, 21–24. DOI: <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2022-3-21-24> (in Russ.).
5. Ignatovich, S. S., Magdalinova, Yu. D. & Mambetalina, A. S. (2023). Psychological Features of the Development of the Emotional Sphere of Adolescents. In: *Pedagogy: History, Prospects*, 6 (1-2), 170–191. DOI: <https://doi.org/10.17748/2686-9969-2023-6-1-2-170-191> (in Russ.).
6. Kuznetsova, E. V. (2023). Correction of Emotional Distress in Adolescents by Training Work Method. In: *Bulletin of Experimental Education*, 1 (34). URL: <http://www.ppacademy.ru> (accessed: 10.10.25).
7. Nikitaev, N. M. & Tsvetkova, N. A. (2024). Emotional Distress in Adolescents in Dysfunctional Families as a Subject of Scientific Research. In: *Vestnik Universiteta*, 9, 250–258. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-9-250-258> (in Russ.).
8. Starikova, V. O., Debolsky, M. G. & Oshevsky, D. S. (2017). Traits of an “Asocial Personality” in Juvenile Offenders. In: *Psychology and Law*, 4 (7), 79–91. DOI: 10.17759/psylaw.2017070407 (in Russ.).
9. Teregulova, O. A. (2020). Antisocial Behavior of Minors: Causes and Conditions of Occurrence. In: *Psychology and Pedagogy of Service Activity*, 4, 125–128. DOI: 10.24411/2658-638X-2020-10127 (in Russ.).
10. Kholmogorova, A. B., Volikova, S. V. & Sorokova, M. G. (2016). Standardization of the Questionnaire Called “Family Emotional Communications”. In: *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 24, 4, 97–125. DOI: 10.17759/cpp.2016240405 (in Russ.).

11. Chervov, T. & Usmanova, M. N. (2023). Psychological States of Emotional Development of Adolescents. In: *Science and Education*, 4 (11), 349–357 (in Russ.).
12. Shulga, T. I. (2025). Satisfaction with Limitations and Parental Affection of Adolescents with Parents in the Context of Digitalization. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2, 91–105. DOI: 10.18384/2949-5105-2025-2-91-105 (in Russ.).
13. Edemiller, E. G., Dobryakov, I. V. & Nikolskaya, I. M. (2006). *Family Diagnosis and Family Psychotherapy*. St. Petersburg, Rech publ. (in Russ.).
14. Bailen, N. H., Greene, L. M. & Thompson, R. J. (2019). Understanding Emotions in Adolescents: A Review of the Frequency, Intensity, Instability, and Clarity of Emotions. In: *Emotion Review*, 11, 1, 63–73. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073918768878>.
15. Obeldobel, K. A., Brumariu, L. E. & Kearns, K. A. (2023). Parent-Child Attachment and Dynamic Emotion Regulation: A Systematic Review. In: *Emotion Review*, 15, 1, 28–44. DOI: <https://doi.org/10.1177/17540739221136895>.
16. Ding, R., He, W. & Wang, Qu. (2022). Transmission of Adolescent Emotional Distress Between Adolescents and Their Mothers: Patterns and Links with Adolescent Emotional Distress. In: *Journal of Affective Disorders*, 1 (298), 35–46. DOI: 10.1016/j.jad.2021.11.051.
17. Hassan, D., Hamid, M. & Hassan, U. (2023). Relationships Between Interparental Conflict, Distress Tolerance, and Emotional Dysregulation in Adolescents. In: *International Journal of Student Diversity and Identity*, 30, 2, 169–178.
18. Zhang, S. & Li, Q. (2023). Predictors of Psychological Stress and Internet Addiction in Adolescents: The Role of Interpersonal Stress and School Burnout. In: *Journal of Child and Family Studies*, 33, 1070–1082. DOI: <https://doi.org/101007/s10826-023-02635-8>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитаев Никита Михайлович (г. Мытищи) – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0009-0002-5472-9895; e-mail: nikitaev.nikita@mail.ru

Цветкова Надежда Александровна (г. Москва) – доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России); профессор кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0000-0003-0967-205X; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita M. Nikitaev (Mytishchi) – Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;
ORCID: 0009-0002-5472-9895; e-mail: nikitaev.nikita@mail.ru

Nadezhda A. Tsvetkova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia; Prof. of Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;
ORCID: 0000-0003-0967-205X; e-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-49-59

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ КО ВРЕМЕНИ У ОСУЖДЁННЫХ ЗА КОРЫСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Новоселова Е. С., Забелина Е. В.*

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e -mail: katya_k@mail.ru

Поступила в редакцию 12.09.2025

После доработки 19.09.2025

Принята к публикации 25.09.2025

Аннотация

Цель. В статье исследуется проблема гендерных различий в отношении ко времени у лиц, отбывающих наказание за корыстные преступления. Анализируются показатели эмоционального отношения к прошлому, настоящему и будущему.

Процедура и методы. В качестве основной методики, используемой в работе, выступила «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Нюттена (адаптация К. Муздыбаева), предназначенная для исследования отношения к различным временным зонам (прошлому, настоящему, будущему). Базой исследования стало ГУФСИН России по Челябинской области. Всего в исследовании принял участие 161 человек, осуждённый и отбывающий наказание за корыстные преступления, в возрасте от 19 до 64 лет, из них 101 мужчина и 60 женщин.

Результаты. Согласно полученным результатам, женщины склонны к более позитивной ретроспективной оценке своего прошлого по сравнению с мужчинами. Кроме того, у женщин диагностировано более оптимистичное восприятие будущего по сравнению с мужчинами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявленные гендерные различия отношения ко времени могут быть рассмотрены с точки зрения стратегий совладания со стрессом в кризисных ситуациях, а также сквозь призму гендерной ресоциализации. Предлагается учёт гендерных различий при разработке программ ресоциализации заключённых на основе полученных данных.

Ключевые слова: гендерные различия, корыстные преступления, отношение ко времени, осужденные, ресоциализация заключённых

Для цитирования: Новосёлова Е. С., Забелина Е. В. Гендерные особенности отношения ко времени у осуждённых за корыстные преступления// Психологические науки. 2025. № 4. С. 49–59. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-49-59>

Original research article

GENDER-SPECIFIC ATTITUDES TOWARDS TIME AMONG ACQUISITIVE CRIME OFFENDERS

E. Novoselova, E. Zabelina*

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: katya_k@mail.ru

Received by the editorial office 12.09.2025

Revised by the author 19.09.2025

Accepted for publication 25.09.2025

Abstract

Aim. To examine the problem of gender differences in the attitudes towards time among financial crime offenders. The indicators of the emotional relation to the past, present and future are analyzed.

Methodology. The main methodology used in the work was the "Time Attitudes Scale" by J. Nuttin (adaptation by K. Muzdybaev), designed to study attitudes to various time zones (past, present, future). The basis of the study was the Federal Penitentiary Service of Russia for the Chelyabinsk region. A total of 161 people between the ages of 19 and 64, including 101 men and 60 women, who were convicted and serving sentences for financial crimes, participated in the study.

Results. According to the results, women tend to have a more positive retrospective assessment of their past compared to men. In addition, women are diagnosed with a more optimistic perception of the future compared to men.

Research implications. The revealed gender differences in attitudes towards time can be considered from the point of view of the strategies for coping with stress in the crisis situations, as well as through the prism of gender resocialization. It is proposed to consider gender differences in the development of programs for the resocialization of prisoners based on the data obtained.

Keywords: gender differences, financial crimes, attitude toward time, convicts, resocialization of the prisoners

For citation: Novoselova, E. S. & Zabelina, E. V. (2025). Gender-Specific Attitudes Towards Time Among Acquisitive Crime Offenders. In: *Psychological Studies*, 4, 49–59. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-49-59>

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе отношение ко времени играет значительную роль в формировании социальных и экономических отношений [1]. Это касается не только личной жизни и трудовой деятельности, но и поведения людей в ситуациях, связанных с правонарушениями.

Отношение ко времени (временные аттитюды) – это комплекс чувств, которые испытывает человек в отношении определённого периода жизни [2; 3]. Отношение ко времени является важным психологическим маркёром в трудных жизненных

ситуациях [4], в том числе в условиях лишения свободы [5]. Несмотря на важность проблемы отношения ко времени у правонарушителей, наблюдается дефицит эмпирических исследований в данной области. Поскольку заключённые, как правило, отбывают наказание в колониях, сформированных по гендерному признаку (мужских и женских) [6; 7], становится особенно актуальным сравнение отношения ко времени у осуждённых разного пола. Выявленные различия могут помочь в разработке более точно сфокусированных программ ресоциали-

зации заключённых, учитывающих гендерную специфику.

Корыстные преступления – это преступления, совершённые с целью получения материальной выгоды, такие как кражи, мошенничество, грабежи [8]. Корыстные преступления занимают значительное место в структуре преступности. В России их доля выросла с 17,4% в 2005 г. до 39% в 2009 г, общий объём мошенничеств с 2010 г. увеличился на 38%. Личность осуждённых за подобные преступления характеризуется устойчивой корыстной направленностью, гипертрофированной значимостью материальных благ, расширенной эмоционально-смысловой психодинамикой, осознанной активностью принятия и дальнейшего развития криминальной направленности смыслов и ценностей [9]. Как показывают исследования [10], осуждённые за корыстные преступления, по сравнению с теми, кто совершил насильтственные преступления, склонны надеяться на улучшения, в меньшей степени опускаются неудач и в значительной степени проявляют социальную желательность. В целом они характеризуются лучшими навыками социально-психологической адаптации по сравнению с осуждёнными за насильтственные преступления, поскольку позволяют себе проявлять агрессию в «малых дозах» [11]. Кроме того, у этой категории осуждённых обнаружен более высокий уровень эмоционального интеллекта, который, по-видимому, также позволяет им лучше адаптироваться к новой ситуации [11].

Общеизвестным фактом является наличие «гендерного разрыва» в структуре преступности. Он заключается в том, что показатели женской преступности всегда и везде меньше, чем мужской. Данный разрыв сохраняется на протяжении длительного времени и не зависит от социальных условий [12]. Этот факт объясняется тем, что у женщин в силу социальных норм формируется более сильный внутренний контроль поведения,

препятствующий совершению правонарушений [10]. Вместе с тем, статистика последних лет свидетельствует о возрастании уровня женской преступности в стране [10]. Несмотря на сохранение этой закономерности в отношении корыстных преступлений, процент женщин, осуждённых за них, более высок, чем в других видах преступлений, например, в насильтственных [13; 14].

Несмотря на выраженную гендерную специфику преступлений, не обнаружено данных по вопросу различий отношения ко времени заключённых, поэтому цель данного исследования – выявить особенности отношения к прошлому, настоящему и будущему у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ситуация заключения, с одной стороны, является объективно экстремальной и переживается личностью как некий водораздел, лишающий человека возможности справляться с трудностями привычными способами [5]. С другой стороны, пребывание в условиях тюремного заключения является ситуацией объективного изменения хронотических характеристик образа мира [5].

Исследования психологического времени осуждённых на разный срок выявили парадоксальный на первый взгляд факт: респонденты, осуждённые на больший срок, продемонстрировали более высокий уровень общей осмысленности жизни, более низкий уровень фаталистичности, большую нацеленность на будущее, более высокую степень его детализации и «осмысления» предстоящих событий жизни [15]. Авторы объяснили это тем, что осмысленность жизни в данном случае выступает механизмом совладания с объективно сложившейся ситуацией невозможности предпринять какие-либо действия в отношении собственного будущего, так же, как и кажущаяся управляемость жизнью («иллюзия управляемости») [15]. Осмысление

своего жизненного пути, простраивание ментальных схем реализации замыслов, является, возможно, единственным механизмом заполнения смыслового вакуума респондентами, которые в обозримом будущем лишены возможности предпринимать какие-либо реальные действия по достижению своих целей [15]. Более того, у осуждённых на пожизненное заключение была выявлена та же тенденция – выраженные позитивные установки в отношении будущего, низкий уровень фаталистичности настоящего и высокие показатели по шкале «позитивное прошлое» [16]. Это может быть объяснено компенсаторным механизмом в условиях жёсткой определённости настоящего и призрачности будущего [16].

Исследование временной перспективы у заключённых, осуждённых за кражу, в первоначальный период отбывания наказания, показало преобладание ориентации на будущее [17]. Предполагается, что именно будущее позволяет заключённым выстроить цели, которые могут являться для них неким смыслом в настоящей жизни и помогают поддерживать связь с реальным миром [17]. Кроме того, был выявлен феномен «искажения восприятия жизненного пути во временном континууме», который состоит из трёх компонентов: 1) искажение и идеализация прошлого и будущего; 2) выпадение жизни в настоящем из временного континуума жизненного пути; 3) параллельное существование в реальном и виртуальном мире («выдуманные переживания») [17].

В исследовании жизненной перспективы осуждённых женщин установлен позитивный, уверенный образ будущего, при этом образ настоящего дезактуализирован (разрыв континуальности психологического времени), а прошлое лишено рефлексии¹ По мнению авторов,

именно это порождает беспочвенный инфантильный оптимизм относительно собственного будущего, вследствие чего теряется смысл отбывания наказания². Эти результаты находят подтверждение и в других исследованиях [5].

Временные особенности в психологических профилях осуждённых за корыстные преступления представляют собой важный аспект для понимания их мотивации, эмоциональных реакций и стратегий поведения в условиях заключения. Изучая, как восприятие времени и временная ориентация связаны с характером и динамикой преступной деятельности, можно углубить понимание механизмов, лежащих в основе преступного поведения, а также расширить возможности его профилактики и коррекции.

Таким образом, на основе теоретического анализа сформулирована гипотеза исследования: у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления, существуют статистически значимые различия в отношении ко времени: у женщин наблюдается более позитивное отношение к прошлому и более оптимистичное восприятие будущего по сравнению с мужчинами.

МЕТОДЫ И ВЫБОРКА

В качестве основной методики, используемой в работе, выступила «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Нюттена (адаптация К. Муздыбаева). Методика предназначена для исследования отношения к различным временным зонам (прошлому, настоящему, будущему). Она позволяет получить комплексное представление об отношении человека ко времени и его временной перспективе, что важно для понимания мотивационно-потребностной сферы личности. Ответы даются по шкале от 1 до 7 баллов, три временных периода оцениваются отдельно.

С целью сравнения гендерных аспектов отношения ко времени у осуждённых за

¹ Вологдина П. Е. Жизненные перспективы осуждённых женщин: дипломная работа специалиста по направлению подготовки 44.05.01. Барнаул, 2020. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/8781> (дата обращения: 19.10.2024).

² Там же.

корыстные преступления был проведён анализ различий с помощью Т-критерия Стьюдента.

Базой исследования стала ГУФСИН России по Челябинской области. Всего в исследовании принял участие 161 человек, осуждённый за корыстные преступления, из них 101 мужчина и 60 женщин в возрасте от 19 до 64 лет, высшее образование есть у 20% осуждённых, 38% имеют среднее профессиональное образование и у 42% осуждённых общее образование.

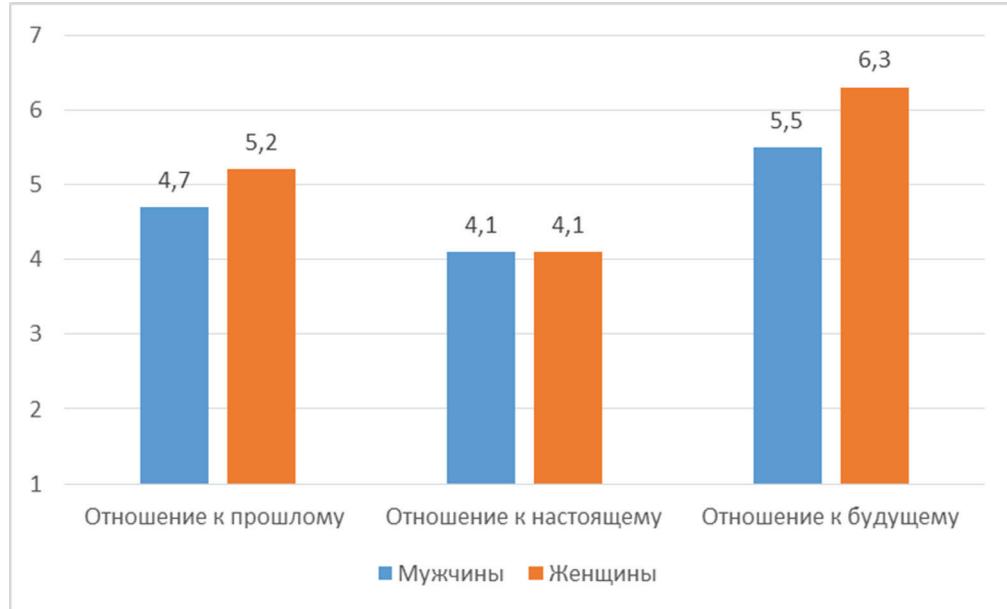
РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

С целью сравнения отношения ко времени у мужчин и женщин сначала применялся анализ описательной статистики показателей отношения к прошлому, настоящему и будущему в группах осуждённых за корыстные преступления, сформированных по половому признаку (рис. 1).

Согласно полученным данным, как мужчины, так и женщины, лучше всего

относятся к событиям будущего и наименее позитивно – к событиям настоящего. Оценка прошлых событий более позитивна, чем настоящих, но менее позитивна, чем будущих. При этом стоит отметить, что средние значения оценок прошлого, настоящего и будущего, как у мужчин, так и у женщин, фиксируются на уровне среднем и выше среднего, что позволяет делать оптимистичные выводы относительно психологического состояния заключённых, осуждённых за корыстные преступления. Более равнодушное отношение к настоящему по сравнению с прошлым и особенно с будущим – характерная черта отношения ко времени в ситуации тюремного заключения, свидетельствующая о разрыве временной перспективы¹ [17]. Нереально

¹ Вологдина П. Е. Жизненные перспективы осуждённых женщин: дипломная работа специалиста по направлению подготовки 44.05.01. Барнаул, 2020. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/8781> (дата обращения: 19.10.2024).

Рис. 1 / Fig. 1. Средние значения отношения ко времени (к настоящему, прошлому и будущему) у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления / Average values of attitudes towards time (present, past, and future) among men and women convicted of acquisitive crimes

Источник: данные авторов.

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнения отношения к прошлому у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления / Results of comparing attitudes to the past among men and women convicted of acquisitive crimes

Параметры	М		Т	Р
	Мужчины	Женщины		
Приятное/неприятное	4,6	5,3	1,839	0,177
Насыщенное событиями/бедное событиями	4,9	5,1	6,784	0,010
Безопасное/страшное	4,3	4,5	7,553	0,007
Прекрасное/ужасное	4,5	4,9	5,204	0,024
Исполненное надежд/безнадёжное	4,5	4,9	5,681	0,018
Быстро проходящее/долго тянувшееся	4,8	5	2,045	0,155
Лёгкое/трудное	4,3	4,4	6,944	0,009
Успешное/неудачное	4,1	4,9	9,286	0,003
Интересное/скучное	4,9	5,2	1,685	0,196
Значительное/незначительное	4,6	5,2	1,642	0,202
Светлое/тёмное	4,3	4,9	2,346	0,128
Свободное/несвободное	4,7	5,3	0,567	0,453
Осмысленное/бессмысленное	4,5	5,5	0,042	0,838
Активное/пассивное	4,8	6,1	3,330	0,070
Моё/чужое	5,3	4,9	3,723	0,055

Источник: данные авторов.

оптимистичное, идеализируемое отношение к будущему у заключённых, наблюдаемое и в других исследованиях¹ [5; 15; 16], может быть признаком непринятия ответственности за ситуацию и желания поскорее выйти на свободу вне глубокого переосмысливания своего прошлого.

С целью сравнения отношения ко времени у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления, был проведён сравнительный анализ с помощью Т-критерия Стьюдента (табл. 1, 2, 3). Большинство различий обнаружено по показателям отношения к прошлому и будущему.

В целом женщины, осуждённые за корыстные преступления, более позитивно относятся к своему прошлому, чем

мужчины, совершившие аналогичные правонарушения. Женщины воспринимают прошлое как более насыщенное событиями ($p=0,01$), более безопасное ($p=0,01$), прекрасное ($p=0,024$), исполненное надежд ($p=0,018$), лёгкое ($p=0,009$), успешное ($p=0,003$), активное ($p=0,07$) и управляемое ($p=0,055$). Возможно, что женщины, совершающие преступления в экономической сфере, имеют менее травматический опыт, чем мужчины, или более успешно его «утилизируют». Они идут на нарушение закона для поддержания красивого образа жизни «лёгкими» способами, не в полной мере осознавая тяжесть последствий, которых нет у них в опыте. Мужчины, совершающие корыстные преступления для того, чтобы скомпенсировать трудное прошлое, выйти на другой финансовый уровень, возможно, более тяжело переживают неудачу, испытывают более негативные эмоции при воспоминании о прошлом. Как утверж-

¹ Вологдина П. Е. Жизненные перспективы осуждённых женщин: дипломная работа специалиста по направлению подготовки 44.05.01. Барнаул, 2020. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/8781> (дата обращения: 19.10.2024).

дает Ю. Ю. Неяскина, реконструирование прошлого выступает большим ресурсом для заключённых женского пола [5].

В таблице 2 представлены результаты сравнительного анализа показателей отношения к настоящему у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления.

Женщины в заключении воспринимают настоящее также более позитивно, чем мужчины, хотя различий в отношении к настоящему зафиксировано меньше, чем в отношении к прошлому. Для женщин-заключённых настоящее более насыщено событиями ($p=0,011$), более безопасно ($p=0,005$), менее ужасно ($p=0,022$), более осмысленно ($p=0,027$) и контролируемо ($p=0,058$). Этот результат может свидетельствовать о том, что женщины лучше адаптируются к условиям заключения, способны в этих условиях находить смыслы, вовлекаться в происходящие события, находить возможности

для управления временем, следовательно, представляют меньшую группу риска по сравнению с мужчинами.

Далее представлены результаты сравнения отношения к будущему у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления (табл. 3).

Наибольшее количество различий зафиксировано в отношении к будущему у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления, практически по всем диагностируемым показателям. Женщины воспринимают события будущего как более приятные ($p=0,000$), насыщенные ($p=0,000$), безопасные ($p=0,015$), прекрасные ($p=0,001$), исполненные надежд ($p=0,002$), успешные ($p=0,057$), интересные ($p=0,001$), значительные ($p=0,000$), светлые ($p=0,000$), свободные ($p=0,000$), осмысленные ($p=0,000$), активные ($p=0,000$) и управляемые ($p=0,000$). Можно говорить о более позитивной перспективе будущего у женщин, нахо-

Таблица 2 Table 2

Результаты сравнения отношения к настоящему у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления / Results of comparing attitudes to the present among men and women convicted of acquisitive crimes

Параметры	М		Т	Р
	Мужчины	Женщины		
Приятное/неприятное	3,9	3,8	,538	0,464
Насыщенное событиями/бедное событиями	4,1	4,2	6,553	0,011
Безопасное/страшное	4,4	4,9	8,270	0,005
Прекрасное/ужасное	3,9	3,8	5,378	0,022
Исполненное надежд/безнадёжное	4,3	4,6	1,992	0,160
Быстро проходящее/долго тянущееся	3,9	3,6	2,303	0,131
Лёгкое/Трудное	3,7	3,3	,477	0,491
Успешное/неудачное	3,9	4	,015	0,902
Интересное/скучное	4	3,9	,000	0,997
Значительное/незначительное	4,9	4,3	,057	0,812
Светлое/тёмное	3,9	3,9	,005	0,946
Свободное/несвободное	3,4	2,9	1,544	0,216
Омыленное/бессмыленное	4,2	4,5	5,015	0,027
Активное/пассивное	4,4	5,0	0,338	0,562
Моё/чужое	4,6	4,6	3,640	0,058

Источник: данные авторов.

Таблица 3 / Table 3

Результаты сравнения отношения к будущему у мужчин и женщин, осуждённых за корыстные преступления / Results of comparing attitudes towards the future among men and women convicted of acquisitive crimes

Параметры	М		Т	р
	Мужчины	Женщины		
Приятное/неприятное	5,2	6,5	28,524	0,000
Насыщенное событиями/бедное событиями	5,5	6,3	14,410	0,000
Безопасное/страшное	5,4	6,3	6,036	0,015
Прекрасное/ужасное	5,4	6,3	11,802	0,001
Исполненное надежд/безнадёжное	5,5	6,4	9,469	0,002
Быстро проходящее/долго тянувшееся	4,8	5,2	1,856	0,175
Лёгкое/трудное	5,0	5,5	1,431	0,233
Успешное/неудачное	5,4	6,2	3,692	0,057
Интересное/скучное	5,5	6,4	10,450	0,001
Значительное/незначительное	5,5	6,4	13,677	0,000
Светлое/тёмное	5,5	6,6	26,550	0,000
Свободное/несвободное	5,6	6,6	26,866	0,000
Омысленное/бессмысленное	5,8	6,6	25,163	0,000
Активное/пассивное	5,7	6,8	58,002	0,000
Моё/чужое	6,	6,7	26,958	0,000

Источник: данные авторов.

дящихся в заключении, по сравнению с мужчинами, что подтверждается предыдущими исследованиями [5]. Позитивная картина будущего может служить мощным мотиватором к изменению поведения и личности [2]. Это позволяет ожидать более сильных эффектов от реабилитационной программы у женщин и актуализирует необходимость работы с образом будущего в мужских колониях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках исследования гендерных различий в отношении ко времени среди лиц, находящихся в тюрьме и осуждённых за корыстные преступления, было установлено, что женщины, как правило, более позитивно оценивают своё прошлое в ретроспективе по сравнению с мужчинами. Этот феномен проявляется в восприятии жизненного пути как более целостного, свидетельствует о способности более гибко переосмысливать

события прошлого и менять отношение к ним. Анализ ожиданий относительно будущего также показывает существенные различия между полами: женщины демонстрируют более высокий уровень оптимизма и позитивных ожиданий по сравнению с мужчинами. Хотя различия в восприятии настоящего менее выражены, у женщин наблюдается тенденция к более позитивной оценке текущей деятельности, что свидетельствует об их способности более адаптивно и конструктивно воспринимать объективно сложные текущие условия жизни.

Эти результаты хорошо согласуются с теорией гендерных различий в стратегиях управления стрессом в кризисных ситуациях. Женщины чаще прибегают к рефлексивным стратегиям, таким как позитивное переосмысление прошлого опыта, что позволяет им более конструктивно справляться с трудностями, в том числе в ситуации заключения. Гендерные

нормы социализации также могут играть определённую роль в объяснении полученных результатов. Женщины, как правило, воспитываются в условиях, поощряющих эмоциональную экспрессивность, склонность к анализу отношений и жизненных событий, что способствует развитию рефлексивных навыков и способности позитивно переосмысливать происходящее.

Более позитивное восприятие прошлого и выраженный оптимизм в отношении будущего могут служить внутренним ресурсом для женщин, находящихся в заключении. Эти качества могут способствовать более успешной ресоциали-

зации и построению законопослушной жизни после освобождения.

Принимая во внимание результаты исследования, разработчики реабилитационных программ должны учитывать гендерные особенности отношения ко времени. Осужденные женского пола чаще сталкиваются с эмоциональными трудностями и социальным давлением, что подчёркивает необходимость включения в программы элементов психологической поддержки и обучения управлению эмоциями, в то время как для мужчин целесообразно внедрять программы, направленные на развитие долгосрочного планирования, мотивации и целеполагания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 479 с.
2. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / пер. с бельг. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
3. Адаптация методики «Шкала аттитюдов ко времени» Ж. Нюттенна для диагностики отношения ко времени у японских студентов / И. А. Трушина, Ю. В. Честюнина, Е. В. Забелина, А. Ю. Телицына // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 1. С. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-107-116.
4. Забелина Е. В. Психологическое время и экономическое сознание: социально-психологический анализ: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 432 с.
5. Няскина Ю. Ю. Временная перспектива осуждённых к лишению свободы // Психология и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 143–153.
6. Мусин Ф. С. Индивидуально-психологические особенности адаптации осуждённых женского и мужского пола к условиям лишения свободы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006. 24 с.
7. Набатова А. Э. О некоторых категориях в содержании гендерной криминологии // Международная юбилейная научно-практическая конференция, посвящённая 90-летию гомельского государственного университета имени Франциска Скорины: материалы конференции (Гомель, 19–20 ноября 2020 г.): в 3 ч. Ч. 2. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2020. С. 186–192.
8. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. Н. Личность корыстного преступника. Томск: Издательство Томского университета, 1989. 160 с.
9. Понкратова В. С. Исследование особенностей личности осуждённых, отбывающих наказание за корыстные и насильственные преступления // Пенитенциарная наука. 2019. № 4. С. 575–580.
10. Стасенко О. В. Преступное поведение: гендерный анализ // Женщина в российском обществе. 2009. № 1 (50). С. 57–63.
11. Печерский В. Г., Максименко Н. В., Иванов Д. Е. Исследование личностных особенностей осуждённых за насильственные и корыстные преступления // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы: сборник научных трудов. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2010. С. 645–649.
12. Набатова А. Э. Гендерная криминология: понятие, объект и предмет // Право.бю. 2019. № 2 (58). С. 52–57.
13. Радченко О. В. Криминологические особенности женской преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 3 (54). С. 9–13.

14. Свило С. М. К вопросу о формировании гендерной криминологии // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов Международной научно-практической конференции (Могилёв, 2–3 апреля 2018 года). Могилёв: Могилёвский институт МВД Республики Беларусь, 2018. С. 207–210.
15. Лукьянин О. В., Нейаскина Ю. Ю. Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 152–157.
16. Славинская Ю. В., Бовин Б. Г. Временная перспектива лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 41–54.
17. Мартынова А. А. Временная перспектива осуждённых по корыстным преступлениям в первоначальный период отбывания наказания // Учёные записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова. 2014. Т. 21. № 4. С. 54–57.

REFERENCES

1. Nestik, T. A. (2015). *Social and Psychological Determination of Group Attitudes Towards Time*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Nutten, J. (2004). *Motivation, Action and Future Outlook*. Moscow: Smysl publ. (in Russ.).
3. Trushina, I. A., Chestyunina, Yu. V., Zabelina, E. V., Telitsyna, A. Yu. (2021). Adaptation of Nutten's "Attitudes to Time Scale" Technique for Diagnosing Attitudes Towards Time in Japanese Students. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 1, 107–116. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-1-107-116 (in Russ.).
4. Zabelina, E. V. (2011). *Psychological Time and Economic Consciousness: A Social and Psychological Analysis*: [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
5. Neyaskina, Yu. Yu. (2021). Time Perspective of Persons Sentenced to Imprisonment. In: *Psychology and Law*, 11, 2, 143–153 (in Russ.).
6. Musin, F. S. (2006). *Individual Psychological Characteristics of Adaptation of Male and Female Convicts to Imprisonment*: [dissertation]. Kazan (in Russ.).
7. Nabatova, A. E. (2023). On Some Categories in the Content of Gender Criminology. In: *International Jubilee Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Francisk Skaryna Gomel State University: Conference Proceedings* (Gomel, November 19–20, 2020). Pt. 2. Gomel: Francisk Skaryna Gomel State University publ., pp. 186–192 (in Russ.).
8. Antonyan, Yu. M., Golubev, V. P. & Kudryakov, Yu. N. (1989). *Personality of a Self-Serving Criminal*. Tomsk, Tomsk University publ. (in Russ.).
9. Ponkratova, V. S. (2019). A Study of the Personality Traits of Convicts Serving Sentences for Self-Serving and Violent Crimes. In: *Penitentiary Science*, 4, 575–580 (in Russ.).
10. Stasenko, O. V. (2009). Criminal Behavior: Gender Analysis. In: *Woman in Russian Society*, 1 (50), 57–63 (in Russ.).
11. Pechersky, V. G., Maksimenko, N. V. & Ivanov, D. E. (2010). A Study of the Personality Traits of Persons Convicted of Violent and Acquisitive Crimes. In: *Experimental Psychology in Russia: Traditions and Prospects: A Collection of Scientific Papers*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS publ., pp. 645–649 (in Russ.).
12. Nabatova, A. E. (2019). Gender Criminology: Concept, Object, and Subject. In: *Pravo.by*, 2 (58), 52–57 (in Russ.).
13. Radchenko, O. V. (2010). Criminological Features of Female Crime. In: *Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of The Russian Federation*, 3 (54), 9–13 (in Russ.).
14. Sviло, S. M. (2018). On the Formation of Gender Criminology. In: *Fight against Crime: Theory and Practice: Abstracts of the Reports of the International Scientific and Practical Conference* (Mogilev, April 2–3, 2018). Mogilev: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus publ., pp. 207–210 (in Russ.).
15. Lukyanov, O. V. & Neyaskina, Yu. Yu. (2012). Semantic Determinants of the Temporal Perspective of an Individual. In: *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 360, 152–157 (in Russ.).
16. Slavinskaya, Yu. V. & Bovin, B. G. (2011). Temporal Perspective of Persons Serving Life Sentences. In: *Applied Legal Psychology*, 4, 41–54 (in Russ.).
17. Martynova, A. A. (2014). Time Perspective People Convicted of Acquisitive Crimes in the Initial Period of Serving Their Sentence. In: *The Scientific Notes of the Pavlov University*, 21, 4, 54–57 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новоселова Елизавета Сергеевна (г. Челябинск) – преподаватель кафедры психологии Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;
ORCID: 0009-0003-4608-3673; e-mail: lapteva00@list.ru

Забелина Екатерина Вячеславовна (г. Челябинск) – доктор психологических наук, доцент кафедры психологии Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;
ORCID: 0000-0002-2071-6466; e-mail: katya_k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elizaveta S. Novoselova (Chelyabinsk) – Lecturer at the Department of Psychology of the Institute of Education and Practical Psychology of Chelyabinsk State University, Russian Federation
e-mail: lapteva00@list.ru; ORCID: 0009-0003-4608-3673

Ekaterina V. Zabelina (Chelyabinsk) – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof. of the Department of Psychology at the Institute of Education and Practical Psychology of Chelyabinsk State University, Russian Federation;
ORCID: 0000-0002-2071-6466; e-mail: katya_k@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-60-72

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ С УРОВНЕМ ВОСПРИНИМАЕМОГО СТРЕССА У СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ

Андреева А. Д., Бегунова Л. А., Лисичкина А. Г.*

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований,
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e -mail: al1975@spartak.ru

Поступила в редакцию 16.09.2025

Принята к публикации 08.10.2025

Аннотация

Цель. Выявить прогностические и модерационные эффекты влияния личностных черт и ответственности на уровень воспринимаемого стресса у старших подростков.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 462 респондента 14–17 лет, проживающие в г. Москве и г. Орске. В соответствии с целями исследования в качестве психологического инструмента были использованы методики: «Ответственность у подростков»; «Пятифакторный личностный опросник»; опросник «Шкала воспринимаемого стресса».

Результаты. Подтвердилась гипотеза о том, что у учащихся старшего подросткового возраста уровень воспринимаемого стресса определяется совокупностью личностных черт и переживанием личной ответственности за события своей жизни. Выявлены прогностические эффекты влияния личностных черт и ответственности за события своей жизни на уровень воспринимаемого стресса у старших подростков. Обнаружено, что нейротизм, открытость опыта и совесть как эмоциональный компонент ответственности вносят основной вклад в выраженность воспринимаемого стресса. Установлены модерационные эффекты влияния совести как эмоционального регулятора личной ответственности и открытости опыта как когнитивной оценки ситуации на снижение уровня воспринимаемого стресса у учащихся старшего подросткового возраста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявление личностных ресурсов снижения уровня воспринимаемого стресса расширяет представления об условиях и факторах психологического благополучия старших подростков.

Ключевые слова: воспринимаемый стресс, ответственность, старшие подростки, личностные черты

© СС BY Андреева А. Д., Бегунова Л. А., Лисичкина А. Г., 2025.

Для цитирования: Андреева А. Д., Бегунова Л. А., Лисичкина А. Г. Взаимосвязь ответственности и личностных черт с уровнем воспринимаемого стресса у старших подростков // Психологические науки. 2025. № 4. С. 60–72. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-60-72>

Original research article

RESPONSIBILITY AND PERSONAL FEATURES RELATION TO THE LEVEL OF STRESS PERCEIVED BY OLDER ADOLESCENTS

A. Andreeva, L. Begunova, A. Lisichkina*

Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e -mail: al1975@spartak.ru

Received by the editorial office 16.09.2025

Accepted for publication 08.10.2025

Abstract

Aim. To identify the predictive and moderating effects of personal features and responsibility on the level of stress perceived by older adolescents.

Methodology. The study involved 462 respondents aged 14–17, living in Moscow and Orsk. In accordance with the objectives of the study, the following methods were used as a psychological tool: “Responsibility in Adolescents”, “Five-Factor Personality” questionnaire, and “Perceived Stress Scale” questionnaire.

Results. The hypothesis was confirmed that the level of stress perceived by older adolescents is determined by a combination of both personal features and the experience of personal responsibility for the events of their lives. The predictive effects, caused by influence of personal features and responsibility for the events of their lives on the level of stress perceived by older adolescents, were revealed. It was found that neuroticism, openness to experience, and conscience as an emotional component of responsibility make the main contribution to the severity of perceived stress. Moderating effects caused by both conscience influence as an emotional regulator of personal responsibility and openness to experience as a cognitive assessment of the situation on reducing the level of stress perceived by older adolescents were established.

Research implications. Identifying personal resources for reducing the level of perceived stress expands the understanding of the conditions and factors of older adolescents' psychological well-being.

Keywords: perceived stress, responsibility, older teenagers, personality traits

For citation: Andreeva, A. L., Begunova, L. A., Lisichkina, A. G. (2025). Responsibility and Personal Features Relation to the Level of Stress Perceived by Older Adolescents. In: *Psychological Sciences*, 4, 60–72. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-60-72>

ВВЕДЕНИЕ

Воспринимаемый стресс – субъективное восприятие уровня напряжённости ситуации, оценка жизненных событий как неконтролируемых и избыточных. Термин предложен Р. С. Лазарусом, показавшим, что восприятие человеком

объективных стрессовых событий определяется субъективной оценкой их стрессогенности. Позднее Ш. Коэном был разработан психологический инструмент для диагностики степени, в которой ситуации в жизни человека оцениваются как стрессовые [1; 2; 3].

Субъективный уровень воспринимаемого стресса определяется не только реальной остротой наличной ситуации, но и совокупностью психологических характеристик, регулирующих эмоциональные и поведенческие реакции на события текущей жизни. Такими регуляторами выступают как личностные качества человека, так и социально обусловленные особенности поведения.

Личностные черты представляют собой устойчивые характеристики индивидуального поведения, мышления, эмоциональных реакций, проявляющихся в различных ситуациях. Одним из наиболее эффективных походов к изучению влияния личностных черт на поведение субъекта является модель «Большая пятерка», в которой всё разнообразие личностных черт объединено в 5 факторов: нейротизм, открытость опыта, добросовестность, доброжелательность и экстраверсия [4].

Ответственность – социально ценное качество личности, определяющее направленность поведения субъекта на соблюдение принятых в обществе социальных и моральных норм, на выполнение ролевых обязанностей. Одним из механизмов реализации ответственного поведения является совесть как эмоциональное переживание ответственности перед обществом и самим собой. В. Д. Шадриков подчёркивает, что ответственное поведение человека регулируется не только принятием социальных и нравственных норм, но и личностным смыслом, придающим поступку соответствующую эмоциональную окраску, т. е. совестью [5; 6]. Основным периодом формирования социальной ответственности является старший подростковый и юношеский возраст, хотя первые проявления ответственного поведения можно наблюдать уже и у младших школьников. Ответственность выступает эффективным регулятором не только поведения субъекта, но и оценки им жизненных событий.

Цель исследования – выявить прогностические и модерационные эффекты влияния личностных черт и ответственности на уровень воспринимаемого стресса у старших подростков.

Гипотеза: у учащихся старшего подросткового возраста уровень воспринимаемого стресса определяется совокупностью личностных черт и переживанием личной ответственности за события своей жизни.

Характеристика выборки. Исследование учащихся 14–17 лет ($M = 15,9$, $SD = 1,11$) проведено в 2024–2025 учебном году. Выборку составили 527 респондентов (185 юношей, 342 девушки), проживающие в г. Москве (349 человек) и г. Орске (178 человек). Респонденты давали своё согласие на прохождение опроса. Получено 462 валидных протокола исследований (134 юноши и 328 девушек).

Методы исследования. В соответствии с целями исследования в качестве психологического инструмента были использованы методики:

- «Ответственность у подростков» [7];
- «Пятифакторный личностный опросник» [8];
- опросник «Шкала воспринимаемого стресса (версии PSS-14)» [9].

Обработка результатов проведена методами описательной статистики, корреляционного и регрессионного анализа, методом модерации, методом многофакторного дисперсионного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты описательных статистик и проверка нормальности распределения представлены в таблице 1. Отсутствие нормального распределения данных по всем методикам было ожидаемо, т. к. результаты тестов основаны на ранжировании личностных особенностей, воспринимаемого стресса и готовности к ответственному поведению. Величины стандартной ошибки асимметрии по шкалам методик (0,114) и эксцесса (0,227)

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики, критерии нормального распределения и надёжности /
Descriptive statistics, normality criteria, and reliability

Описательные статистики	Ответственность у подростков	Шкала воспринимаемого стресса PSS-14	Методики				
			Пятифакторный личностный опросник	Нейротизм F1	Открытость F3	Сознательность F4	Доброжелательность F5
M (среднее)	87,71	42,26	9,29	9,31	10,15	9,49	9,92
SD (стд. отклонение)	11,528	11,549	3,144	3,318	2,609	9,49	2,775
Асимметрия	-0,494	-1,099	-0,283	-0,199	-0,404	-0,247	-0,215
Эксцесс	0,135	0,626	-0,008	-0,583	0,046	-0,300	-0,272
α (альфа Кронбаха)	0,838	0,893	0,893	0,719	0,584	0,721	0,603
Критерий Колмогорова-Смирнова	0,078	0,201	0,082	0,082	0,082	0,082	0,082
Критерий Шапиро-Уилка	0,982	0,880	0,982	0,982	0,982	0,982	0,982
Значимость критериев нормального распределения	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001	0,00001

Примечание: распределение результатов по всем методикам отличается от нормального.

Источник: данные авторов.

позволяют использовать параметрические статистические методы обработки результатов.

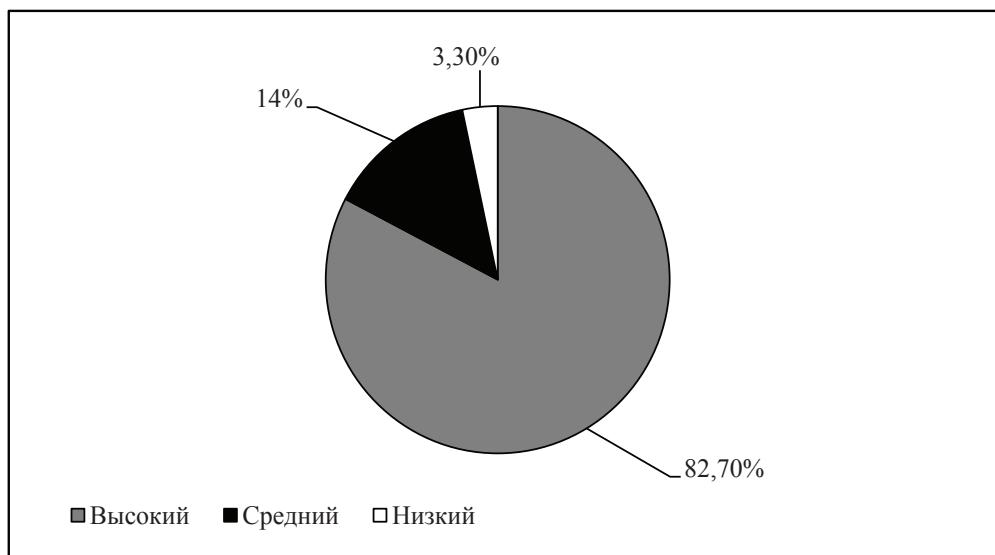
Обнаружено, что 82,7% респондентов имеют высокий уровень воспринимаемого стресса, 14% – средний и 3,3% – низкий уровень (рис. 1).

Продемонстрированный нашими респондентами высокий уровень воспринимаемого стресса (82,7% участников исследования) можно рассматривать как возрастную закономерность психологического развития в юношеском возрасте, обусловленную сочетанием социальной ситуации развития, связанной с определением своего будущего, активным освоением «взрослого мира», и психофизиологической неустойчивостью нервной

системы. В определённой степени эти данные отражают возрастные закономерности становления эмоциональной сферы подростков. Л. И. Божович подчёркивала, что подросткам свойственно эмоционально воспринимать происходящие с ними события и ситуации, приписывая им глобальное значение [10].

Современные исследования высшей нервной деятельности показывают, что психофизиологическая неустойчивость нервной системы подростков обусловлена продолжением активного формирования корково-подкорковых связей головного мозга [11].

Повышенную эмоциональность в подростковом и юношеском возрасте исследователи связывают не только с бурной

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты оценки уровня воспринимаемого стресса респондентами (%) / Assessment results of the level of perceived stress by respondents (%)

Источник: данные авторов.

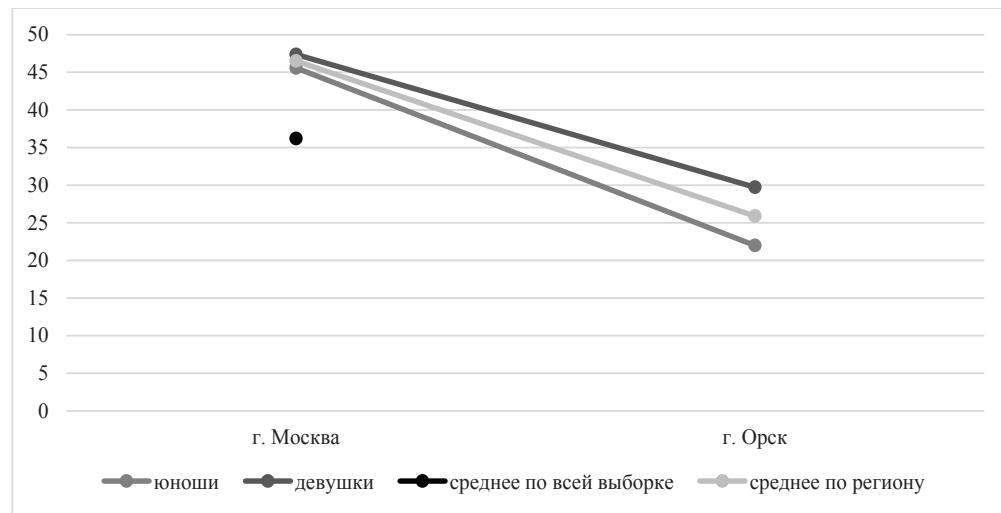
нейрогуморальной перестройкой всех систем и функций организма, но и с изменившейся социальной ситуацией развития, предъявляющей новые требования к личной ответственности за принимаемые решения и поступки. Становление чувства взрослости меняет самосознание подростка, его представление о себе и самооценку, дезорганизует его психологическое благополучие [12].

Оценка достоверности групповых различий по показателям шкалы воспринимаемого стресса и определение их размера проводились методом многофакторного дисперсионного анализа (ANCOVA). В качестве зависимой переменной вводилась шкала воспринимаемого стресса, в роли независимых переменных выступали пол и ковариат-регион проживания. Оценка распределения всех независимых переменных для сравниваемых групп с применением критерия Ливиня показала равенство дисперсий ($p > 0,05$). Ковариат-регион проживания значимо связан со шкалой воспринимаемого стресса, $B = 65,065$, $95\% \text{ CI} [-19,25, -15,94]$, $SE = 8,326$, $\beta = 0.691$, $p < 0.001$. Обе независимые

переменные вместе объясняют 52% дисперсии результатов по шкале воспринимаемого стресса, $R^2 = 0.525$, $p < 0.001$.

Были получены значимые региональные различия по шкале воспринимаемого стресса на уровне $p < 0.0001$: учащиеся Московского региона в большей степени воспринимают свою жизнь как напряжённую и трудно контролируемую ($M = 47,38$), чем учащиеся, проживающие в г. Орске ($M = 29,73$). Более высокий уровень воспринимаемого стресса у московских старшеклассников может быть связан с высоким ритмом и темпом жизни в мегаполисе, перегруженностью текущей жизни событиями и впечатлениями, с которыми их нервная система справляется с трудом (рис. 2).

В тоже время девушки, независимо от региона проживания, имеют значимо более высокие показатели по шкале воспринимаемого стресса ($M = 44,5$), чем юноши ($M = 37,6$). Результаты анализа подтвердили наличие значимых различий по полу после учёта региона проживания, $F = 47,978$, $p = 0,0001$ (рис. 2). Иными сло-

Рис. 2 / Fig. 2. Гендерные и региональные различия по средним значениям шкалы воспринимаемого стресса / Gender and regional differences in the average values of the perceived stress scale

вами, девушки в большей степени, чем юноши, воспринимают свою жизнь как переполненную событиями, трудно контролируемую и потенциально стрессогенную, что отражает их эмоциональную чувствительность и уязвимость. Данные исследований, направленных на описание переживаемого подростками стресса, свидетельствуют о том, что существуют гендерные различия в поведенческих проявлениях реакции на стресс [13–14]. Для девочек-подростков характерна негативная самооценка, размышления и уход в себя, в то время как реакция мальчиков-подростков чаще принимает форму отклоняющегося поведения, такого, как употребление психоактивных веществ, правонарушения, агрессивное поведение. Результаты исследований показывают, что и взрослые женщины чаще мужчин страдают от расстройств, связанных со стрессом, и более уязвимы к ним, особенно в период гормональных перестроек [15; 16; 17].

Близкие данные приводятся в работах И. О. Тачилович с соавторами (2024), Л. А. Головей, О. С. Галашевой (2022), показавших, что инфраструктура района проживания является одним из важных

факторов повседневной жизни, влияющих на уровень стресса, причём девушки сильнее, чем юноши, реагируют на условия небезопасного проживания. Девушки чаще воспринимают как стрессовые не только ситуации потенциального насилия, но и гендерно-нейтральные ситуации (экология, безопасность транспорта, кражи и т.п.) [18]. Девушки, в отличие от юношей, часто сообщают о взволновавших их ситуациях, депрессивных симптомах и стрессорах [17].

Дальнейший анализ данных был направлен на изучение возрастных особенностей восприятия подростками стрессовых ситуаций и проводился для всей выборки в целом, без учёта вполне объяснимых половых и региональных различий в уровне воспринимаемого стресса.

Результаты корреляционного анализа данных, полученные по методикам «Шкала воспринимаемого стресса», «Пятифакторный личностный опросник» и «Ответственность у подростков», представлены в таблице 2.

Обнаружено, что уровень воспринимаемого стресса в наибольшей степени положительно связан с такими личностными чертами как нейротизм и откры-

Таблица 2 / Table 2

Коэффициенты корреляции Спирмена между результатами методик «Шкала воспринимаемого стресса», «Пятифакторный личностный опросник» и «Ответственность у подростков» / Spearman's correlation coefficients between the results of the methods “Scale of perceived stress”, “Five-factor personality questionnaire” and “Responsibility in adolescents”

Методики		Пятифакторный личностный опросник					Шкала воспринимаемого стресса
Ответственность		F1	F2	F3	F4	F5	PSS-14
Ответственность у подростков	Общий уровень	,200**	,105*	,444**	,465**	,497**	,265**
	Поддержка	,246**	,132**	,425**	,449**	,488**	,299**
	Самоконтроль	0,069	-0,086	,337**	,557**	,256**	0,078
	Совесть	,112*	,306**	,238**	0,009	,342**	,307**
	Социальная ответствен.	,157**	,127**	,296**	,175**	,284**	0,083
	Окружающий мир	,107*	,130**	,398**	,257**	,285**	,180**
	Избегание ответствен.	0,081	-0,071	,141**	,290**	,300**	0,086
PSS-14		,264**	,386**	,354**	,115*	,169**	1

Примечание: **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

F1 – экстраверсия – интроверсия, F2 – нейротизм – эмоциональная устойчивость, F3 – открытость – закрытость новому опыту, F4 – сознательность – несобранность, F5 – доброжелательность – враждебность

Источник: данные авторов.

тость опыту, а также с эмоциональным регулятором ответственности – совестью. Применительно к феномену ответственности совесть рассматривается как её эмоциональный регулятор, психологический механизм самоконтроля, опирающийся на общественные и личные ценности [5; 7].

Для выявления прогностического эффекта личностных черт и ответственности за события своей жизни на уровень воспринимаемого стресса был проведён регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной использован показатель воспринимаемого стресса как возрастная характеристика, а предикторами являлись все личностные черты и

шкалы опросника «Ответственность у подростков». Применение пошагового отбора показало, что вклад в выраженность воспринимаемого стресса вносят такие личностные черты как нейротизм и открытость опыта, а также единственный компонент ответственности – совесть (табл. 3).

Скорректированный R^2 для полученной модели составил 0,20, следовательно, не менее 20% объяснённой дисперсии по шкале воспринимаемого стресса приходится на рассматриваемые параметры: нейротизм, открытость опыта и совесть.

Очевидно, что эмоциональная подвижность и неустойчивость, присущая подростковому возрасту, обостряет вос-

Таблица 3 / Table 3

Вклад личностных черт и компонентов ответственности в шкалу воспринимаемого стресса (вся выборка) / Contribution of personal features and responsibility components to the perceived stress scale (full presentation of samples)

Показатель	R ²	Adj. R ²	SE	F	Предикторы	Beta	p-level	Tolerance	VIF
Шкала воспринимаемого стресса	0,205	0,200	10,332	39,346	нейротизм	0,334	0,001	0,865	
					открытость опыта	0,138	0,002	0,890	
					совесть	0,124	0,005	0,882	1,134
									1,123
									1,155

Примечание: Adj. R² – скорректированный коэффициент детерминации, SE – стандартная ошибка оценки, F – критерий Фишера, Beta – стандартизованный коэффициент регрессии, p-level – уровень значимости, Tolerance – толерантность (статистики коллинеарности), VIF – КРД (статистики коллинеарности).

Источник: данные авторов.

приятие событий жизни как стрессогенных, повышает именно эмоциональный компонент ответственности, т. е. совесть. Открытость опыта интерпретируется как когнитивная характеристика личности, направленная на переработку, принятие или отвержение сложившейся ситуации, отражающая креативность или ригидность мышления [8].

Модерационный анализ позволил выявить эффекты влияния открытости опыта и совести на уровень воспринимаемого стресса. Были построены две модели, отражающие свойственные старшим подросткам стратегии регуляции своего состояния в стрессовых ситуациях.

В первой модели уровень воспринимаемого стресса как возрастная характеристика выступал в качестве зависимой переменной, нейротизм – в качестве пре-

диктора, а совесть – в качестве модератора. Такая диспозиция соответствует пониманию феномена совести К. Изардом [20]. Относя совесть к высшим чувствам, он подчёркивает, что это не только переживание вины или личной ответственности за сложившуюся ситуацию, но в то же время это выбор такого стиля поведения, которое снизит интенсивность переживания вины. Был обнаружен значительный эффект связи между шкалой воспринимаемого стресса и нейротизмом ($b = 1,19$, BCa CI [0,91;1,46], $z = 8,41$, $p < 0.001$). При этом у респондентов с высокими показателями по шкале совести нейротизм оказывает меньшее влияние на уровень воспринимаемого стресса ($b = 1.06$, BCa CI [0,67, 1.46], $z = 5,31$, $p < 0.001$). У респондентов с низким ($b = 1.32$, BCa CI [0,93, 1.70], $z = 6,73$, $p < 0.001$) и средним

показателями по шкале совести ($b = 1.19$, $BCa CI [0,91, 1,47]$, $z = 8,40$, $p < 0.001$) связь между нейротизмом и уровнем воспринимаемого стресса усиливается (рис. 3). Таким образом, можно сделать вывод о том, что совесть как эмоциональный регулятор ответственности за события своей жизни выступает модератором влияния нейротизма на уровень воспринимаемого стресса. Полученный результат соответствует психотерапевтической практике, показывающей, что эффективность лечения подростков с соматическими заболеваниями повышается при использовании когнитивно-поведенческой терапии, когда снижение стресса проходит на основе эмоционального принятия ситуации и активной позиции в отношении лечения [21].

Во второй модели шкала воспринимаемого стресса также выступала в качестве зависимой переменной, нейротизм – в качестве предиктора, а открытость опыта – в качестве модератора. По данным ряда исследований, открытость опыта представляет субъекту возможность когнитивной оценки сложившейся ситуации, снижает восприятие её как угрожающей, выступая тем самым в роли регулятора уровня воспринимаемого стресса [22; 23; 24].

Вновь был обнаружен значительный эффект связи между шкалой воспринимаемого стресса и нейротизмом ($b = 1,22$,

$BCa CI [0,94, 1,49]$, $z = 8,69$, $p < 0.001$). Установлено, что у респондентов с высокими показателями открытости опыта нейротизм оказывает меньшее влияние на уровень воспринимаемого стресса ($b = 0,948$, $BCa CI [0,05, 1,31]$, $z = 5,19$, $p < 0.001$). При низком ($b = 1,501$, $BCa CI [1,12, 1,88]$, $z = 7,78$, $p < 0.001$) и среднем уровне открытости опыта ($b = 1,124$, $BCa CI [0,94, 1,50]$, $z = 8,67$, $p < 0.001$) связь между нейротизмом и шкалой воспринимаемого стресса усиливается (рис. 4). Таким образом, можно сделать вывод о том, что открытость опыта как когнитивная оценка наличной ситуации выступает модератором влияния нейротизма на уровень воспринимаемого стресса.

Результаты проведённого исследования показали, что модерационный эффект влияния совести (как эмоционального регулятора ответственности за события своей жизни) и открытости опыта (как когнитивной оценки наличной ситуации) влияет на снижение уровня воспринимаемого стресса у старших подростков. Этот результат нашего исследования полностью соответствует пониманию феномена воспринимаемого стресса как субъективного чувства неконтролируемости, избыточности жизненных событий. Старшие подростки, опирающиеся на когнитивную оценку ситуации и регуляцию эмоционального отношения к ней как личностно значимой, меньше подвержены

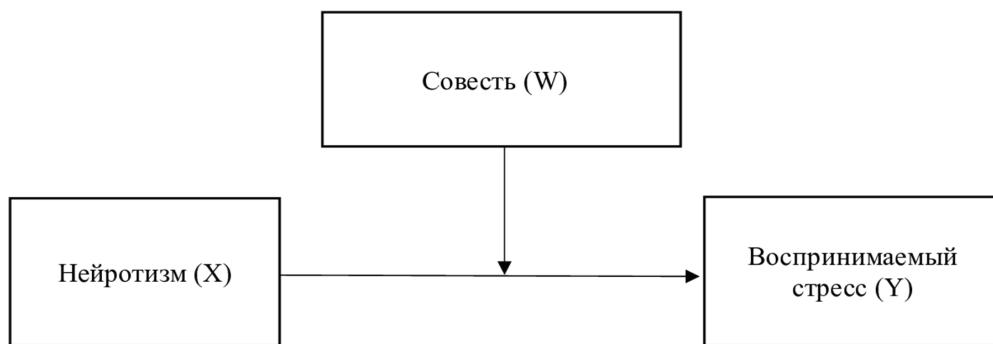

Рис. 3 / Fig. 3. Анализ модерации / Moderation Analysis

Источник: данные авторов.

Рис. 4 / Fig. 4. Анализ модерации / Moderation Analysis

Источник: данные авторов.

восприятию жизненных ситуаций как не-контролируемых и стрессогенных, чем их сверстники с низким и средним уровнем совести и открытости опыта. Обе модели выступают ресурсом преодоления воспринимаемого стресса в зависимости от содержания конкретной ситуации.

ВЫВОДЫ

1. Высокий уровень воспринимаемого стресса у старших подростков выступает в качестве одной из возрастных характеристик психологического развития в старшем подростковом возрасте, обусловленной сочетанием социальной ситуации развития, связанной с определением своего будущего, и психофизиологической неустойчивостью нервной системы.

2. Обнаружено, что учащиеся Московского региона в большей степени воспринимают свою жизнь как напряжённую и трудно контролируемую, чем учащиеся, проживающие в г. Орске. Более высокий уровень воспринимаемого стресса у московских старшеклассников может быть связан с ритмом и темпом жизни мегаполиса, избыточностью событий и впечатлений в их повседневной жизни.

3. Девушки, независимо от региона проживания, имеют значимо более высокие показатели по шкале воспринимаемого стресса, чем юноши, что отражает их большую эмоциональную чувствительность и уязвимость.

4. Подтверждилась гипотеза о том, что у учащихся старшего подросткового возраста уровень воспринимаемого стресса определяется совокупностью личностных черт и переживанием личной ответственности за события своей жизни.

5. Установлены прогностические эффекты влияния личностных черт и ответственности за события своей жизни на уровень воспринимаемого стресса у старших подростков. Обнаружено, что вклад в выраженность воспринимаемого стресса вносят такие личностные черты, как нейротизм и открытость опыта, и такой компонент ответственности, как совесть.

6. Установлены модерационные эффекты влияния совести как эмоционального регулятора личной ответственности и открытости опыта как когнитивной оценки ситуации на снижение уровня воспринимаемого стресса у учащихся старшего подросткового возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lazarus R. S. Psychological Stress and the Coping Process (Психологический стресс и процесс преодоления). New York: McGraw-Hill, 1966. 466 p.
2. Lazarus R. S. Psychological Stress and Coping in Adaptation and Illness (Психологический стресс и копинг в адаптации и болезни) // International Journal of Psychiatry in Medicine. 1974. Vol. 5. № 4. P. 321–333. DOI: 10.2190/T43T-84P3-QDUR-7RTP.

3. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A Global Measure of Perceived Stress (Глобальный показатель воспринимаемого стресса) // *Journal of Health and Social Behavior*. 1983. Vol. 24. № 4. P. 385–396.
4. McCrae R. R., Terracciano A. Personality Profiles of Cultures Project. Universal Features of Personality Traits from the Observer's Perspective: Data from 50 Cultures (Проект «Личностные профили культур». Универсальные характеристики личностных качеств с точки зрения наблюдателя: данные по 50 культурам) // *Journal of personality and social psychology*. 2005. Vol. 88. № 3. P. 547–561. DOI: 10.1037/0022-3514.88.3.547.
5. Шадриков В. Д. Совесть: психолого-философский анализ // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39. № 1. С. 5–14. DOI: 10.7868/S0205959218010014.
6. Знаков В. В. Понимание субъектом правды о моральном поступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // *Психологический журнал*. 1993. Т. 14. № 1. С. 32–43.
7. Данилова Е. Е., Бегунова Л. А., Андреева Д. А. Методика «Ответственность у подростков»: разработка и описание // *Психолого-педагогические исследования*. 2024. Т. 16. № 3. С. 69–84. DOI: 10.17759/psyedu.2024160305.
8. Грецов А. Г., Азбель А. А. Психологические тесты для старшеклассников и студентов. СПб.: Питер, 2012. 208 с.
9. Золотарева А. А. Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14) // *Клиническая и специальная психология*. 2023. Т. 12. № 1. С. 18–42. DOI: 10.17759/cpscse.2023120102.
10. Божович Л. И. Личность и её формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
11. Hagan K., Lloyd E. C., Gorrell S. Annual Research Review: Neural mechanisms of eating disorders in youth – from current theory and findings to future directions (Ежегодный обзор исследований: Нейронные механизмы расстройств пищевого поведения у молодёжи – от современной теории и результатов к будущим направлениям) // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2025. № 8. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 09.09.2025).
12. Azpiazu I. L., Fernández A. R., Palacios E. G. Adolescent Life Satisfaction Explained by Social Support, Emotion Regulation, and Resilience (Удовлетворённость жизнью подростков объясняется социальной поддержкой, регулированием эмоций и жизнестойкостью) // *Frontiers in Psychology*. 2021. № 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology> (дата обращения: 09.09.2025). DOI: 10.3389/fpsyg.2021.694183.
13. Daughters S. B., Gorka S. M., Matusiewicz A. Gender Specific Effect of Psychological Stress and Cortisol Reactivity on Adolescent Risk Taking (Гендерно обусловленное влияние психологического стресса и реактивности кортизола на склонность подростков к риску) // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2013. № 5 (41). P. 749–758. DOI: 10.1007/s10802-013-9713-4.
14. Wright C. J., Milosavljevic S., Pocivavsek A. The stress of losing sleep: Sex-Specific Neurobiological Outcomes (Стресс, связанный с потерей сна: нейробиологические последствия, зависящие от пола) // *Neurobiology of Stress*. 2023. № 24. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 09.09.2025). DOI: 10.1016/j.jnstr.2023.100543.
15. Dearing C., Handa R. J., Myers B. Sex Differences in Autonomic Responses to Stress: Implications for Cardiometabolic Physiology (Половые различия в вегетативных реакциях на стресс: значение для физиологии кардиометаболизма) // *American Journal Of Physiology-Endocrinology And Metabolism*. 2022. № 323. P. 281–289. DOI: 10.1152/ajpendo.00058.2022.
16. Gjerde P. F., Block J., Block J. H. Depressive Symptoms and Personality During Late Adolescence: Gender Differences in the Externalization–Internalization of Symptom Expression (Депрессивные симптомы и личность в позднем подростковом возрасте: гендерные различия в проявлении симптомов во внешней и внутренней форме) // *Journal of Abnormal Psychology*. 1988. Vol. 97. № 4. P. 475–486. DOI: 10.1037/0021-843X.97.4.475.
17. Головей Л. А., Галашева О. С. Повседневный стресс и удовлетворённость жизнью девушек подросткового возраста // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2022. Т. 12. № 4. С. 431–448. DOI: 10.21638/spbu16.2022.403.
18. Тачилович И. О., Максимов С. А., Куракин М. С. Связь между инфраструктурой района проживания и уровнем стресса у студентов // *Профилактическая медицина*. 2024. Т. 27. № 11. С. 70–76. DOI: 10.17116/profmed20242711170.

19. Шадриков В. Д. Совесть: психолого-философский анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 5–14. DOI: 10.7868/S0205959218010014.
20. Изард К. Э. Психология эмоций / пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаевой. М.: Питер, 2006. 460 с.
21. Zuo X., Tang Y., Chen Y. The Efficacy of Mindfulness-Based Interventions on Mental Health Among University Students: a Systematic Review and Meta-Analysis (Эффективность основанных на осознанности вмешательств в психическое здоровье студентов университетов: систематический обзор и мета-анализ) // Frontiers in Public Health. 2023. № 11. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/public-health/articles>. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1259250 (дата обращения: 09.09.2025).
22. Ясин М., Колпачников В. Категория «открытость опыта» в психологическом консультировании и психодиагностике // Психологические исследования. 2022. Т. 15. № 85–86. URL: <https://psystudy.ru/num> (дата обращения: 09.09.2025). DOI: 10.54359/ps.v15i85.1230.
23. Wagner M. T., Mithoefer M. C., Mithoefer A. T. Therapeutic effect of increased openness: Investigating Mechanism of Action in MDMA-Assisted Psychotherapy (Терапевтический эффект повышенной открытости: исследование механизма действия в психотерапии с использованием МДМА) // Journal of Psychopharmacology. 2017. Vol. 31. № 8. Р. 967–974. DOI: 10.1177/0269881117711712.
24. Леонтьев Д. Ю. Предикторы и модераторы переживаний личностью критических ситуаций // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2024. Т. 34. № 2. С. 146–157. DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-146-157.

REFERENCES

1. Lazarus, R. S. (1966). *Psychological Stress and the Coping Process*. New York, McGraw-Hill publ.
2. Lazarus, R. S. (1974). Psychological Stress and Coping in Adaptation and Illness. In: *International Journal of Psychiatry in Medicine*, 5, 4, 321–333. DOI: 10.2190/T43T-84P3-QDUR-7RTP.
3. Cohen, S., Kamarck, T. & Mermelstein, R. (1983). A Global Measure of Perceived Stress. In: *Journal of Health and Social Behavior*, 24, 4, 385–396.
4. McCrae, R. R. & Terracciano, A. (2005). Personality Profiles of Cultures Project. Universal Features of Personality Traits from the Observer's Perspective: Data from 50 Cultures. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 88 (3), 547–561. DOI: 10.1037/0022-3514.88.3.547.
5. Shadrikov, V. D. (2018). Conscience: Psychological and Philosophical Analysis. In: *Psychological Journal*, 39, 1, 5–14. DOI: 10.7868/S0205959218010014 (in Russ.).
6. Znakov, V. V. (1993). Revealing the Truth About Another Person's Moral Act by the Subject: Normative Ethics and the Psychology of Moral Consciousness. In: *Psychological Journal*, 14, 1, 32–43 (in Russ.).
7. Danilova, E. E., Begunova, L. A. & Andreeva, D. A. (2024). "Responsibility of Adolescents" Methodology: Development and Description. In: *Psychological-Educational Studies*, 16, 3, 69–84. DOI: 10.17759/psyedu.2024160305 (in Russ.).
8. Gretsov, A. G. & Azbel, A. A. (2012). *Psychological Tests for High School Students and University Students*. St. Petersburg, Piter publ. (in Russ.)
9. Zolotareva, A. A. (2023). Psychometric Properties of the Russian-Language Version of the Perceived Stress Scale (PSS-4, 10, 14 versions). In: *Clinical Psychology and Special Education*, 12, 1, 18–42. DOI: 10.17759/cpse.2023120102 (in Russ.).
10. Bozhovich, L. I. (2008). *Personality and Its Formation in Childhood*. St. Petersburg, Piter publ. (in Russ.).
11. Hagan, K., Lloyd, E. C. & Gorrell, S. (2025). Annual Research Review: Neural Mechanisms of Eating Disorders in Youth – From Current Theory and Findings to Future Directions. In: *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 8. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 09.09.2025).
12. Azpiazu, I. L., Fernández, A. R. & Palacios, E. G. (2021). Adolescent Life Satisfaction Explained by Social Support, Emotion Regulation, and Resilience. In: *Frontiers in Psychology*, 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology> (accessed: 09.09.2025). DOI: 10.3389/fpsyg.2021.694183.
13. Daughters, S. B., Gorka, S. M. & Matusiewicz, A. (2013). Gender Specific Effect of Psychological Stress and Cortisol Reactivity on Adolescent Risk Taking. In: *Journal of Abnormal Child Psychology*, 5 (41), 749–758. DOI: 10.1007/s10802-013-9713-4.
14. Wright, C. J., Milosavljevic, S. & Pocivavsek, A. (2023). The Stress of Losing Sleep: Sex-Specific Neurobiological Outcomes. In: *Neurobiology of Stress*, 24. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 09.09.2025). DOI: 10.1016/j.ynstr.2023.100543.

15. Dearing, C., Handa, R. J. & Myers, B. (2022). Sex Differences in Autonomic Responses to Stress: Implications for Cardiometabolic Physiology. In: *American Journal of Physiology-Endocrinology and Metabolism*, 323, 281–289. DOI: 10.1152/ajpendo.00058.2022.
16. Gjerde, P. F., Block, J. & Block, J. H. (1988). Depressive Symptoms and Personality During Late Adolescence: Gender Differences in the Externalization–Internalization of Symptom Expression. In: *Journal of Abnormal Psychology*, 97, 4, 475–486. DOI: 10.1037/0021-843X.97.4.475.
17. Golovey, L. A. & Galasheva, O. S. (2022). Everyday Stress and Life Satisfaction in Adolescent Girls. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 12, 4, 431–448. DOI: 10.21638/spbu16.2022.403 (in Russ.).
18. Tachilovich, I. O., Maksimov, S. A. & Kurakin, M. S. (2024). The Relationship Between the Infrastructure of the Residential Area and the Level of Stress in Students. In: *Russian Journal of Preventive Medicine*, 27, 11, 70–76. DOI: 10.17116/profmed20242711170 (in Russ.).
19. Shadrikov, V. D. (2018). Conscience: Psychological and Philosophical Analysis. In: *Psychological Journal*, 39, 1, 5–14. DOI: 10.7868/S0205959218010014 (in Russ.).
20. Izard, K. E. (2006). *Psychology of Emotions*. Moscow, Piter publ. (in Russ.).
21. Zuo, X., Tang, Y. & Chen, Y. (2023). The Efficacy of Mindfulness-Based Interventions on Mental Health Among University Students: A Systematic Review and Meta-Analysis. In: *Frontiers in Public Health*, 11. URL: <https://clck.ru/3QxR7e>. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1259250 (accessed: 09.09.2025).
22. Yasin, M. & Kolpachnikov, V. (2022). The Category of “Openness to Experience” in Psychological Counseling and Psychodiagnostics. In: *Psychological Studies*, 15, 85–86. DOI: 10.54359/ps.v15i85.1230. URL: <https://psystudy.ru/num> (accessed: 09.09.2025).
23. Wagner, M. T., Mithoefer, M. C. & Mithoefer, A. T. (2017). Therapeutic Effect of Increased Openness: Investigating the Mechanism of Action in MDMA-Assisted Psychotherapy. In: *Journal of Psychopharmacology*, 31, 8, 967–974. DOI: 10.1177/0269881117711712.
24. Leontiev, D. Yu. (2024). Predictors and Moderators of Personality Experiences of Critical Situations. In: *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 34, 2, 146–157. DOI: 10.35634/2412-9550-2024-34-2-146-157 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Алла Дамировна (г. Москва) – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией научных основ детской практической психологии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; ORCID: 0000-0002-1253-8903; e-mail: alladamirovna@yandex.ru

Бегунова Людмила Анатольевна (г. Москва) – кандидат юридических наук (по психологии), ведущий научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; ORCID: 0000-0002-9704-7096; e-mail: lab6510@list.ru

Лисичкина Алена Геннадьевна (г. Москва) – научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований; ORCID: 0000-0002-5411-2396; e-mail: al1975@spartak.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla D. Andreeva (Moscow) – Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher, Head of the Laboratory, Laboratory of the Scientific Foundations of Applied Child Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research; ORCID: 0000-0002-1253-8903; e-mail: alladamirovna@yandex.ru

Lyudmila A. Begunova (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Laboratory of the Scientific Foundations of Applied Child Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research; ORCID: 0000-0002-9704-7096; e-mail: lab6510@list.ru

Alena G. Lisichkina (Moscow) – Researcher, Laboratory of the Scientific Foundations of Applied Child Psychology, Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research; ORCID: 0000-0002-5411-2396; e-mail: al1975@spartak.ru

Научная статья

УДК 331.101.3

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-73-88

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ СТУДЕНТАМИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Жемерикина Ю. И., Мусатова О. А.*, Шпагина Е. М.

МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: tmuoxa@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2025

После доработки 25.08.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Аннотация

Цель исследования – выявить актуальные тенденции выбора профессии студентами технологического вуза.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 333 студента Российского технологического университета МИРЭА (далее – РТУ МИРЭА), из них: 198 юношей и 135 девушек, обучающихся на различных специальностях технологического профиля. Распределение выборки по годам обучения следующее: 1 курс (156 человек); 2 курс (119 человек), 3 курс (34 человека), 4 курс (24 человека). Использовался «Тест мотивации выбора профессии» Л. А. Ясюковой, а также анкета удовлетворённости выбором профессии. Процедура исследования состояла из трёх этапов: информирование и сбор согласия, инструктирование и онлайн-тестирование, статистический анализ результатов.

Результаты. Выявлено доминирование внутренней мотивации выбора профессии у студентов-технологов (интерес к деятельности и познавательная активность) при значимой роли статусных мотивов. Установлены гендерные различия: у девушек преобладает ориентация на карьеру и материальные аспекты, у юношей – на содержательные характеристики профессии. На старших курсах снижается значимость коммуникативных и внешних мотивов, а также уверенность в работе по специальности. При этом большинство студентов демонстрируют высокую удовлетворённость профессиональным выбором. Подтверждена связь внутренней мотивации с уверенностью в правильности выбора профессии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в развитие теории мотивации профессионального выбора, расширяя её применение в контексте развития инженерного образования. Работа систематизирует и уточняет ключевые характеристики, значимые для выбора профессии. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению психологических особенностей профессиональной мотивации и степени удовлетворённости выбором профессии.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, мотивация выбора профессии, удовлетворённость выбранной специальностью, тест мотивации выбора профессии, психологическое обеспечение студентов высшей школы

Для цитирования: Жемерикина Ю. И., Мусатова О. А., Шпагина Е. М. Актуальные тенденции выбора профессии студентами технологического вуза // Психологические науки. 2025. № 4. С. 73–88. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-73-88>

Original research article

CURRENT TRENDS IN CAREER CHOICES MADE BY STUDENTS STUDYING AT TECHNOLOGICAL UNIVERSITIES

Yu. Zhemerikina, O. Musatova*, E. Shpagina

RTU MIREA, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: muoxa@mail.ru

Received by the editorial office 11.08.2025

Revised by the author 25.08.2025

Accepted for publication 26.08.2025

Abstract

Aim. To study both motives of professional choices among students studying at technological universities and confidence in the professional future including labor exchange needs, and satisfaction with the choice of specialty.

Methodology. The study involved 333 students studying at the RTU MIREA – 198 boys and 135 girls studying in various fields of technology. The sample distribution by year of study is 1st year (156 people); 2nd year (119 people), 3rd year (34 people), 4th year (24 people). The “Motivation Test for Choosing a Profession” (L. A. Yasyukova) was used, as well as a satisfaction questionnaire that involved the choice of profession. The research procedure consisted of three stages: informing and collecting consent, instructing and online testing, and statistical analysis of the results.

Results. The dominance of the internal motivation for choosing a profession among technology students (interest in activity and cognitive activity) with a significant role of status motives has been revealed. Gender differences have been established – girls have a predominant focus on career and material aspects, while boys have a predominant focus on the substantive characteristics of the profession. In senior years, the importance of communicative and external motives decreases, as well as confidence in working in the specialty. At the same time, most students demonstrate high satisfaction with their professional choice. The relationship between intrinsic motivation and confidence in the right choice of profession has been confirmed.

Research implications. The research contributes to the development of the theory of motivation for professional choice, expanding its application in the context of the development of engineering education. The work systematizes and clarifies the key characteristics that are important for choosing a profession. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive approach to the study of the psychological characteristics of professional motivation and the degree of satisfaction with the choice of profession.

Keywords: professional self-determination, motivation for choosing a profession, satisfaction with the chosen specialty, test of motivation for choosing a profession, psychological support for university students

For citation: Zhemerikina, Yu. I., Musatova, O. E. & Shpagina, E. M. (2025). Current Trends in Career Choices Made by Students Studying at Technological Universities. In: *Psychological Sciences*, 4, 73–88. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-73-88>

ВВЕДЕНИЕ

Подготовка квалифицированных кадров является одной из приоритетных задач системы высшего образования, что обусловлено запросами современной

экономики и общества. Особое внимание уделяется развитию технологических университетов и подготовке инженерных кадров. Если ещё столетие назад соответствие полученного образования и

последующего профессионального пути являлось устойчивой моделью построения карьеры, то в последние десятилетия наблюдается противоположная тенденция: всё чаще выпускники работают не по специальности, указанной в дипломе. Данная ситуация обращает внимание исследователей к проблемам выбора специальности обучения и желания работать по профессии в будущем у обучающихся одного из крупнейших российских вузов технологического профиля – РТУ МИРЭА.

Особую значимость данному направлению придают задачи государственного уровня, обозначенные на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию 6 февраля 2025 года. В своём обращении к присутствующим В. В. Путин подчеркнул стратегическую роль инженерного образования и обозначил конкретные практические задачи: «...Помимо решения задач сегодняшнего дня, ближайшего будущего нужно формировать задел в компетенциях на годы вперёд, чтобы нынешние школьники, студенты, аспиранты да наши учреждения – школы, колледжи, вузы – и через 15–20 лет были готовы отвечать на вызовы времени, бурных технологических изменений, были среди лучших в глобальной конкуренции. Это требование нужно обязательно закладывать в логику наших действий, ставить такую задачу при разработке новой Стратегии развития образования до 2040 года ... Сейчас нужно конкретно определить дополнительную потребность в кадрах для решения задач именно технологического лидерства для реализации соответствующих нацпроектов, расширить, дополнить прогноз, а затем – с его использованием – определить параметры государственного заказа для колледжей и вузов. Такую работу ... будем проводить на ежегодной основе...»¹.

¹ Заседание Совета по науке и образованию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/councils/by-council/6/76222> (дата обращения 11.08.2025).

С нашей точки зрения, актуальные исследования мотивов сегодняшних студентов, выбирающих специальность образования, а также субъективная (эмоциональная) оценка этого выбора и имеющихся профессиональных перспектив способны разработать систему мер повышения эффективности профессионального становления студента в период его обучения в вузе. Данная деятельность достаточна масштабна, имеет множество уровней. Одним из них является изучение актуальных тенденций выбора профессии студентами технологического вуза.

В данном контексте задачами нашего исследования послужили: выявление основ выбора специальности обучения и желание работать по профессии в будущем у обучающихся РТУ МИРЭА. На сегодняшний день РТУ МИРЭА – один из крупнейших российских университетов, осуществляющий подготовку по 112 направлениям и специальностям. В настоящее время в вузе обучается более 32 тыс. студентов. В нём проходят подготовку более 1500 иностранных студентов из 87 стран мира².

Психологическая диагностика профессионального выбора представляет значимость для изучения мотивации и прогнозирования успешности реализации личностного потенциала в трудовой деятельности. В психологии труда проблема профессионального самоопределения занимает центральное место, формируя важный аспект психологической готовности к освоению профессии.

ОБЗОР ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретической основой исследования выступили теории мотивации профессионального выбора и концепции профессионального самоопределения. В

² Сайт МИРЭА – Российского технологического университета. URL: https://wikimirea.org/wiki/МИРЭА—Российский_технологический_университет (дата обращения 11.08.2025).

отечественной традиции проблематика профессионального самоопределения и выбора профессии как части жизненного пути разрабатывается в трудах Л. А. Головей, Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Л. М. Митиной, Ю. П. Поваренкова, Н. С. Пряжникова, С. Н. Чистяковой, Т. И. Шульги, Л. А. Ясюковой и др. авторов.

Значительный вклад в понимание механизмов профессионального выбора вносят современные зарубежные исследования. Лонгитюдное исследование Дж. Столл демонстрирует динамичность профессиональных интересов в критический период профессионального становления при переходе от школьного к профессиональному образованию [1]. Модель профессиональных интересов Р. Сью вносит вклад в понимание механизмов формирования профессиональных предпочтений в контексте технологического образования [2]. Работа К. Хофф выявляет влияние профессиональных интересов подростков на успешность начала карьерного пути [3].

Особое значение для настоящего исследования имеет работа Т. И. Шульги и др., систематизирующая эмпирические данные о карьерных предпочтениях в STEM-образовании [4]. Авторы идентифицируют ключевые факторы, детерминирующие выбор образовательной и профессиональной траектории в технологических дисциплинах.

Во время развития изучения факторов профессионального выбора современные исследования подчёркивают комплексный характер этого процесса. В частности, С. Л. Леньков с соавторами выявил, что профессиональная направленность абитуриентов выступает важным предиктором успешности их профессионального становления в вузе [5].

Наряду с когнитивными и адаптационными факторами особое внимание в современных работах уделяется эмоциональным аспектам профессионального выбора. Так, Т. И. Шульга в исследовании

переживания разочарования у молодёжи 17–25 лет показывает значимость эмоциональных состояний и их влияние на жизненные траектории [6]. Дополняет эти данные работа Н. Е. Рубцовой и Г. И. Ефремовой, в которой раскрываются психологические основания концепций профессиональной направленности и их связь с креативностью [7].

Многомерность и сложность феномена профессионального самоопределения, раскрытая в современных исследованиях, находит своё отражение и в разнообразии классических теоретических подходов к его изучению. Э. Ф. Зеер предлагает комплексную модель, включающую три взаимосвязанных аспекта: социологический (решение задач, поставленных обществом), социально-психологический (баланс личных предпочтений и потребностей системы разделения труда) и дифференциально-психологический (формирование индивидуального стиля жизни) [8, с. 117]. Е. А. Климов в своей восьмифакторной модели выделяет детерминанты профессионального выбора, включая влияние социального окружения, личностные характеристики и когнитивные факторы [9, с. 121]. М. А. Череменская систематизирует основные подходы к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии, выделяя четыре концептуальных направления [10, с. 92].

Параллельно с теоретическим осмыслением проблемы выбора профессии особое внимание исследователи уделяют практическим аспектам формирования профессионального самоопределения, в частности, этапу школьного обучения как фундаменту профессиональной мотивации [11]. Л. А. Головей с соавторами подчёркивает, что выбор профессии играет решающую роль в профессиональном развитии, а его значимость проявляется в кризисах самоопределения [12].

Эмпирические исследования конкретизируют сложную структуру профессиональных предпочтений мо-

лодёжи. В частности, В. А. Емелин и Е. И. Рассказова показали, что студенты ориентируются на широкий спектр критериев выбора [13, с. 25]. Особенно ярко эта многоокритериальность проявляется в специфических областях, таких как ИТ, где к общим факторам добавляются личностные особенности и профессиональный опыт [14, с. 188].

Помимо предметно-деятельностных аспектов, важную роль в профессиональном самоопределении играют коммуникативные способности и толерантность к неопределенности [15].

Завершая теоретический обзор, следует отметить, что Е. Ю. Пряжникова определяет сущность профессионального самоопределения как процесс поиска и нахождения личностного смысла в выбираемой, осваиваемой и выполняемой трудовой деятельности [16, с. 32].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование, проведённое с помощью «Теста мотивации выбора профессии» Л. А. Ясюковой [17], который выявляет 7 видов мотивации: 1) собственно профессиональная мотивация (интерес к будущей деятельности); 2) коммуникативная мотивация (потребность в общении); 3) прагматичная мотивация (стремление к материальной обеспеченности); 4) статусная мотивация (забота о престиже); 5) социальная мотивация (важность мнения значимых людей); 6) учебная мотивация (познавательные потребности); 7) внешняя мотивация (случайные причины), позволяет нам провести анализ выраженности перечисленных видов мотивации профессионального выбора.

Ранжирование полученных данных (табл. 1) позволило констатировать, что наиболее высокий уровень мотивации (абсолютно доминирующая мотивация) выражен в собственно профессиональной мотивации (интерес к будущей деятельности). 36% опрошенных, отвечая на

вопросы, связанные с профессиональной деятельностью («возможность стать профессионалом в этой сфере», «дело, которым я буду заниматься, кажется мне интересным», «возможность реализовать умения и идеи в этой сфере»), указали максимальный балл. Ещё 26% опрошенных студентов показали, что данная мотивация является для них относительно доминирующей, но не ярко выраженной. 38% (8% и 30%) респондентов указали, что данная мотивация им не свойственна.

На второе место по значимости (34% и 24%) вышла учебная мотивация (познавательные потребности). Её содержание включает согласие с такими утверждениями: «желание получить высшее образование», «возможность получить более основательные знания в интересующей меня сфере», «меня всегда интересовали дисциплины, связанные с этой областью». Предпочтение этой мотивации выразили 34% опрошенных. У 24% студентов учебная мотивация была выявлена как доминирующая, но не ярко выраженная. Однако у 43% (8% и 35%) опрошенных данная мотивация не входит в состав приоритетов.

На третьем месте оказалась статусная мотивация (забота о престиже). На неё указали 51% (25% – абсолютно доминирующая мотивация; 26% – доминирующая, но не ярко выраженная). Мотивация статуса и престижа складывается из следующих утверждений: «сегодня – это наиболее престижная сфера деятельности», «этот вид деятельности обеспечивает почёт и уважение», «возможность сделать карьеру».

На четвёртое место вышла коммуникативная мотивация (потребность в общении): 38% респондентов (19% – абсолютно доминирующая мотивация; 19% – доминирующая, но не ярко выраженная) ответили, что учёба в вузе даст им возможность «познакомиться с новыми людьми», «общения с интересными мне людьми», «продолжить учёбу (работу) вместе со своими».

Таблица 1 / Table 1

Уровень сформированности мотивации к профессиональной деятельности по видам мотивации и анализируемым группам / The level of motivation for professional activities by type of motivation and analyzed groups

Виды мотивации	Место по рангу	Вся выборка (333 чел.)	1 курс (156 чел.)	4 курс (24 чел.)	Уровень сформированности мотивации к профессиональной деятельности
Собственно профессиональная мотивация (интерес к будущей деятельности)	1 место (62% ОДМ и АДМ)	8%	9%	8%	СНМ* (3-4)
		30%	31%	38%	НМ** (5-6)
		26%	22%	25%	ОДМ*** (7)
		36%	38%	29%	АДМ**** (8-9)
Коммуникативная мотивация (потребность в общении)	4 место (37% ОДМ и АДМ)	19%	15%	33%	СНМ* (3-4)
		44%	38%	42%	НМ** (5-6)
		21%	25%	21%	ОДМ*** (7)
		16%	21%	4%	АДМ**** (8-9)
Прагматичная мотивация (стремление к материальной обеспеченности)	5 место (36% ОДМ и АДМ)	15%	13%	17%	СНМ* (3-4)
		49%	53%	46%	НМ** (5-6)
		20%	17%	29%	ОДМ*** (7)
		16%	17%	8%	АДМ**** (8-9)
Статусная мотивация (забота о престиже)	3 место (51% ОДМ и АДМ)	12%	12%	13%	СНМ* (3-4)
		37%	38%	25%	НМ** (5-6)
		25%	19%	33%	ОДМ*** (7)
		26%	31%	29%	АДМ**** (8-9)
Социальная мотивация (важность мнения значимых людей)	7 место (12% ОДМ и АДМ)	56%	54%	63%	СНМ* (3-4)
		32%	36%	25%	НМ** (5-6)
		7%	5%	13%	ОДМ*** (7)
		5%	4%	0%	АДМ**** (8-9)
Учебная мотивация (познавательные потребности)	2 место (58% ОДМ и АДМ)	8%	8%	4%	СНМ* (3-4)
		35%	31%	46%	НМ** (5-6)
		24%	26%	33%	ОДМ*** (7)
		34%	35%	17%	АДМ**** (8-9)
Внешняя мотивация (случайные причины)	6 место (22% ОДМ и АДМ)	30%	31%	46%	СНМ* (3-4)
		48%	49%	33%	НМ** (5-6)
		10%	10%	17%	ОДМ*** (7)
		12%	10%	4%	АДМ**** (8-9)

*СНМ – совершенно несвойственная мотивация (3-4 балла).

**НМ – несвойственная мотивация (5-6 баллов).

***ОДМ – относительно доминирующая, но не ярко выраженная мотивация (7 баллов).

****АДМ – абсолютно доминирующая мотивация (8-9 баллов).

Источник: данные авторов.

Пятое место заняла прагматичная мотивация (стремление к материальной обеспеченности). О ней заявили 36% респондентов (20% – абсолютно доминирую-

щая мотивация и 16% – доминирующая, но не ярко выраженная). Её содержание складывается из следующих утверждений: «возможность получения хорошей

зарплаты», «наличие дополнительных льгот и привилегий», «отсутствие вредных и опасных для здоровья факторов».

На шестом месте оказалась так называемая внешняя мотивация (случайные причины), такие как: «чистота, комфортные условия будущей работы», «выбраный вид деятельности – спокойный, размежеванный, не требующий напряжения», «место моей будущей работы (дальнейшей учёбы) близко от дома». О ней высказались 22% опрошенных студентов (10% и 12% соответственно).

На последнее, седьмое место опрошенные студенты поставили социальную мотивацию (важность мнения значимых людей). Содержание социальной мотивации определялось такими высказываниями, как «семейные традиции», «советы родителей и других взрослых», «советы друзей». Всего о ней упомянули 12% респондентов (5% – абсолютно доминирующая мотивация и 7% – доминирующая, но не ярко выраженная). Это говорит о том, что студенты подчёркивают собственный выбор профессионального обучения и вуза.

Согласно данным таблицы 1, социальная мотивация и внешняя мотивация имеют наименьшую выраженность в выборке.

Представленные результаты свидетельствуют о том, что личностные ориентиры и мотивы для выборки приоритетны над социальными, что может быть объяснено психовозрастными особенностями выборки.

Применение статистического критерия Манна-Уитни для сравнения независимых групп выявило различия в мотивации выбора профессии в интересуемых нас группах: на первом курсе и на четвёртом бакалавриата (таблица 2), а также между девушками и юношами (таблица 3).

Значимые различия в показателях мотивации выбора профессиональной деятельности 1 и 4 курса с помощью математической обработки были отмечены по трём шкалам, т. к. настоящее исследование не носило характера лонгитюда, этот факт не может быть нами однозначно интерпретирован как спад коммуникативной мотивации, но он должен быть учтён при воспитательном и психологическом сопровождении студентов в контексте разной выраженности у студентов разного года набора.

Из полученных данных следует, что для студентов первого курса большее значение имеет возможность познакомиться и общаться с интересными людьми, когда речь идёт о выборе профессии,

Таблица 2 / Table 2

Значимые различия в показателях мотивации выбора профессиональной деятельности в группах 1-го и 4-го курсов (с применением критерия U Манна-Уитни для независимых выборок) / Significant differences in the indicators of motivation for choosing a professional activity in the 1st and 4th year groups (using the Mann-Whitney U test for independent samples)

Вопрос Теста мотивации выбора профессии (Л. А. Ясюкова)	Средний ранг		U-критерий	Уровень значимости*
	1 курс	4 курс		
«Возможность познакомиться с новыми людьми»	93,68	69,81	1375, 5	0,024
«Возможность общения с интересными мне людьми»	93,24	72,69	1444,5	0,049
«Чистота, комфортные условия будущей работы»	93,31	72,25	1434,0	0,047

*Уровень значимости равен 0,05

Источник: данные авторов.

Таблица 3 / Table 3

Значимые различия в показателях мотивации выбора профессиональной деятельности в группах юношей и девушек (с применением критерия U Манн-Уитни для независимых выборок) / Significant differences in the indicators of motivation for choosing a professional activity in groups of young men and women (using the Mann-Whitney U test for independent samples)

Вопрос Теста мотивации выбора профессии (Л. А. Ясюкова)	Средний ранг		U- критерий	Уровень значимости*
	Юноши	Девушки		
«Возможность реализовать умения и идеи в этой сфере»	175,95	153,97	11592,5	0,026
«Хочу продолжить учёбу (работу) вместе со своими»	186,52	138,38	9501	0
«Возможность получения хорошей зарплаты»	157,68	180,67	15210	0,014
«Наличие дополнительных льгот и привилегий»	178,45	150,2	11097	0,004
«Возможность сделать карьеру»	155,69	183,59	15605	0,004
«Семейные традиции»	180,66	146,97	10661	0
«Советы друзей»	177,79	151,17	11228,5	0,003
«Меня всегда интересовали дисциплины, связанные с этой областью»	178,18	150,6	11484,5	0,018
«Место моей будущей работы (далнейшей учёбы) близко от дома»	175,58	153,07	11640	0,022

*Уровень значимости равен 0,05

Источник: данные авторов.

а на четвёртом курсе такой мотив не так сильно выражен. С нашей точки зрения, это может обуславливаться удовлетворением потребности в информации о профессии и переключением на внутреннее развитие, получение необходимых знаний, приобретение профессиональных навыков.

Также мы видим различия и в так называемом внешнем мотиве – комфорные условия работы. На первом курсе он имеет большее значение, чем на четвёртом: это может быть связано с большим погружением в профессиональную среду, пониманием сущности будущей деятельности и уверенности в себе.

Значимые различия в показателях мотивации выбора профессиональной деятельности в группах юношей и девушек также дают основание сделать интересные интерпретации. Так, оказалось, что у девушек мотивация выбора профессии

в большей степени, чем у юношей, основывается на желании и возможности сделать карьеру по выбранной специальности и получать высокую зарплату.

Для юношей же важнее, чем для девушек оказались собственно профессиональные мотивы («возможность реализовать умения и идеи в этой сфере») и учебные мотивы («меня всегда интересовали дисциплины, связанные с этой областью»).

Большее значение имеет для юношей и возможность продолжить учёбу (работу) вместе со своими друзьями. На выбор профессии у юношей также повлияли семейные традиции, советы друзей. Это говорит о большем значении социального окружения для них, принадлежности к группе.

Юношей в большей степени, чем девушек интересуют льготы и близкое расположение работы и места учёбы от дома.

Перечисленные тенденции могут быть объяснены гендерными различиями и появлением у девушек «альтернативного» пути – построения собственной семьи и концентрации на уже выбранном профессиональном поприще, а у юношей продолжением «поиска себя в профессии».

В части исследования субъективного мнения об удовлетворённости выбором вектора профессионального обучения были получены следующие данные: большинство опрошенных показали высокую уверенность в правильности выбора профессии и своей успешности на рынке труда.

На вопрос «Собираетесь ли вы начать работать по специальности сразу после окончания обучения в вузе?» были получены ответы, представленные в таблице 4.

Анализ ответов студентов о своих намерениях работать по специальности после окончания вуза говорит, что большинство из них планирует работать по

специальности ($51\%+29\%=80\%$), и одна пятая часть, т. е. 20%, говорит об обратном. В целом, значимой разницы между намерениями девушек и юношей анализ не показал.

Сравнительный анализ результатов 1 курса и 4 курса выявил, что желание работать по специальности у них различается (у первокурсников бакалавриата 79%, а у студентов четвёртого курса – 54%). Как уже упоминалось выше, настоящее исследование не носило характера лонгитюда, поэтому факт не может быть нами однозначно интерпретирован как спад желания работать по специальности, но должен быть учтён при воспитательном и психологическом сопровождении студентов в контексте разной выраженности у студентов разного года набора.

На второй вопрос «Знаете ли Вы, на какие профессии Вы претендуете на рынке труда после обучения в вузе?» получены ответы, представленные в таблице 5.

Таблица 4 / Table 4

Намерение начать работать по специальности сразу после окончания обучения в вузе / The intention to start working in the relevant field immediately after graduation from a university

Ответ	Вся выборка (333 человека)	1 курс (156 человек)	4 курс (24 человека)
Нет	5%	6%	13%
Скорее, нет	16%	15%	33%
Скорее, да	51%	54%	25%
Да	29%	25%	29%

Источник: данные авторов.

Таблица 5 / Table 5

Осведомлённость о профессиях на рынке труда / Awareness of professions in the labor exchanges

Ответ	Вся выборка (333 человека)	1 курс (156 человек)	4 курс (24 человека)
Нет	3%	3%	8%
Скорее, нет	13%	15%	8%
Скорее, да	40%	37%	54%
Да	45%	46%	29%

Источник: данные авторов.

Из таблицы видно, что 85% опрошенных осведомлены о профессиях, на которые они претендуют по окончании вуза, или, по крайней мере, так считают. 16% процентов респондентов (приблизительно одна шестая часть) не знает о профессиях, по профилю которых они учатся или планируют учиться. Эта тенденция может быть объяснена либо тем фактом, что 16% опрошенных оценивают свои знания о профессии как недостаточные в силу индивидуально-психологических особенностей, либо тем, что они действительно не в полной мере узнали о том, чем им предстоит заниматься. Эта тенденция должна быть обязательно учтена подразделениями вуза, которые занимаются просветительской и профориентационной деятельностью.

Третий вопрос анкеты «В настоящее время насколько Вы уверены в правильности Вашего выбора профессии?» показал, что большинство (62%+27%=89%)

уверены в правильности своего выбора, что мы можем увидеть по таблице 6.

Анализ результатов ответов респондентов об уверенности в выборе профессии показывает, что среди тех, кто не совсем уверен, больше девушек, чем юношей (17% против 6%). Достоверные различия подтвердились и с помощью критерия Манна-Уитни для сравнения независимых групп: средний ранг в группе девушек равен 148,89, юношей – 179,35 при уровне значимости $p = 0,001$.

Сомнения в правильности выбора профессии вырастают с 8% на первом курсе до 25% по окончании обучения в бакалавриате, что также подтверждено математически: средний ранг в группе первокурсников равен 93,43, а у четверокурсников – 71,44 при уровне значимости $p = 0,022$.

Данные результаты подтверждают тезис о том, что во время обучения в вузе происходит «погружение» в профессию,

Таблица 6 / Table 6

Уверенность в правильности выбора профессии / Confidence in choice of profession

Ответ	Вся выборка (333 человека)	1 курс (156 человек)	4 курс (24 человека)
Нет	0%	0%	0%
Скорее, нет	10%	8%	25%
Скорее, да	62%	66%	63%
Да	27%	26%	13%

Источник: данные авторов.

Таблица 7 / Table 7

Представления о связи актуального обучения с будущей профессиональной деятельностью / Understanding the connection between current learning and future professional activities

Ответ	Вся выборка (333 человека)	1 курс (156 человек)	4 курс (24 человека)
Нет	4%	5%	13%
Скорее, нет	12%	8%	21%
Скорее, да	50%	52%	50%
Да	35%	35%	17%

Источник: данные авторов.

которую осваивают студенты, происходит осмысление сделанного выбора и формирование уверенности о его правильности.

Четвёртый вопрос «Ваши будущие профессиональные интересы связаны с приобретаемой (изучаемой) сейчас специальностью?» показал связь актуального обучения с будущей профессиональной деятельностью.

Большинство респондентов связывают своё обучение с будущей профессиональной деятельностью ($50\%+35\% = 85\%$). Разница между девушками и юношами невелика. Различие в ответах в сторону уменьшения с 1 курса к 4 курсу подтверждено математически: средний ранг в группе первокурсников равен 93,92, а у четверокурсников – 68,27 при уровне значимости $p = 0,014$, и это подтверждает факт разнородности выборки.

Уверенность в востребованности на рынке труда по окончании вуза у большинства респондентов (73%) высокая (от 5 до 10 баллов). Сравнение ответов студентов 1 и 4 курсов показывает, что такая уверенность падает с 77% на 1 курсе до 46% на 4 курсе бакалавриата, что также подтверждено с помощью критерия Манна-Уитни: средний ранг в группе первокурсников равен 93,99, а у четверокурсников – 67,81 при уровне значимости $p = 0,02$, что подчёркивает вариативность взглядов на востребованность на рынке труда.

Это ещё раз доказывает, что воспитательное и психологическое сопровождение на разных курсах должно учитывать факт разнородности аудитории и давать

возможность использовать систему различных мероприятий с учётом особенностей целевой аудитории.

Применения рангового коэффициента корреляции Спирмена показал следующие связи результатов, полученных с помощью анкеты удовлетворённости выбором профессии и «Теста мотивации выбора профессии».

Выявлены прямые сильные связи между намерением работать по специальности и такими мотивами выбора профессии у студентов вуза, как: 1) собственно профессиональная мотивация и интерес к будущей деятельности ($0,188^{**}$); 2) статусная мотивация или забота о престиже ($0,171^{**}$); 3) учебная мотивация или познавательные потребности ($0,250^{**}$).

Осведомлённость о профессиях на рынке труда прямо коррелирует ($0,138^*$) с профессиональной мотивацией и интересом к будущей деятельности..

Уверенность в правильности выбора профессии связана с показателями мотивации выбора: 1) собственно профессиональной мотивацией и интересом к будущей деятельности ($0,228^{**}$); 2) коммуникативной мотивацией или потребностью в общении ($0,173^{**}$); 3) статусной мотивацией или престижем ($0,192^{**}$); 4) с учебной мотивацией ($0,279^{**}$); 5) внешней мотивацией или случайными причинами ($0,155^{**}$).

Уверенность в востребованности на рынке труда по окончании вуза прямо коррелирует с такими показателями как: 1) собственно профессиональная мотивация (интерес к будущей деятельности)

Таблица 8 / Table 8

Уверенность в востребованности на рынке труда по окончании вуза / Confidence in being in demand in the job market after graduation

Ответ по 10-балльной шкале	Вся выборка (333 человека)	1 курс (156 человек)	4 курс (24 человека)
От 1–5 баллов	27%	23%	54%
От 6 до 10 баллов	73%	77%	46%

Источник: данные авторов.

Таблица 9 / Table 9

Связь показателей анкеты удовлетворённости выбором профессии и видов мотивации / Relationship between the Satisfaction Questionnaire and the Types of Motivation

Шкалы опросника мотивации к выбору профессии	Собственно профессиональная мотивация (интерес к будущей деятельности)	Коммуникативная мотивация (потребность в общении)	Прагматичная мотивация (стремление к материальной обеспеченности)	Статусная мотивация (забота о престиже)	Социальная мотивация (важность мнения значимых людей)	Учебная мотивация (познавательные потребности)	Внешняя мотивация (случайные причины)
Вопросы анкеты							
Намерение работать по специальности после окончания обучения в ВУЗе.	0,188**	-	-	0,171**	-	0,250**	-
Осведомлённость о профессиях на рынке труда	0,138*	-	-	-	-	-	-
Уверенность в правильности выбора профессии	0,228**	0,173**	-	0,192**	-	0,279**	0,155**
Уверенность в вос требованности на рынке труда по окончании вуза	0,221**	0,145**	-	0,203**	0,167**	0,185**	-
Представления о связи актуального обучения с будущей профессиональной деятельностью	0,285**	0,140*	-	0,187**	-	0,373**	-

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

Источник: данные авторов.

(0,221**); 2) коммуникативная мотивация (потребность в общении) (0,145**); 3) статусная мотивация (забота о престиже) (0,203**); 4) социальная мотивация (важность мнения значимых людей) (0,167**); 5) учебная мотивация (познавательные потребности) (0,185**).

Представления о связи актуального обучения с будущей профессиональной деятельностью напрямую связаны с такими показателями как: 1) собственно профессиональная мотивация (интерес к

будущей деятельности) (0,285**); 2) коммуникативная мотивация (потребность в общении) (0,140*); 3) статусная мотивация (забота о престиже) (0,187**); 4) учебная мотивация (познавательные потребности) (0,373**).

Ранжирование результатов выбора мотивации к профессиональной деятельности показало следующую очерёдность:

1. Собственно профессиональная мотивация (интерес к будущей деятельности): 62% (+) и 38% (-).

2. Учебная мотивация (познавательные потребности): 58% (+) и 42% (-).

3. Статусная мотивация (забота о престиже): 51% (+) и 49% (-).

4. Коммуникативная мотивация (потребность в общении): 37% (+) и 63% (-).

5. Прагматичная мотивация (стремление к материальной обеспеченности): 36% (+) и 64% (-).

6. Внешняя мотивация (случайные причины): 22% (+) и 78% (-).

7. Социальная мотивация (важность мнения значимых людей): 12% (+) и 88% (-).

В целом, проведённый анализ позволил нам констатировать то, что у студентов РТУ МИРЭА выбор технологической специальности для обучения в вузе продиктован в большей мере интересом к профессии, желанием удовлетворить потребность в знаниях и навыках, получением высокого социального статуса, которые сопровождаются положительной эмоциональной оценкой сделанного выбора.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведённое исследование выявило доминирование внутренней мотивации профессионального выбора среди студентов технологического вуза. Установлено, что ведущую роль играют собственно профессиональная мотивация (интерес к будущей деятельности) и учебно-познавательная активность, что свидетельствует о осознанности профессионального выбора большинством респондентов.

Вместе с тем значительная часть опрошенных (38%) демонстрирует низкую значимость интереса к профессии, а 42% – недостаточную выраженность учебной мотивации. Данный факт требует внимания со стороны образовательной организации, поскольку может указывать на риски дезадаптации в процессе обучения.

Важным результатом является выявление статусной составляющей профессионального выбора. Полученные

данные согласуются с исследованием А. В. Карпова и соавторов, подтверждая, что удовлетворённость работой в профессиях информационного типа существенно детерминируется метакогнитивными факторами, включая осознание престижа и перспектив профессиональной деятельности [18].

Сравнительный анализ выявил статистически значимые различия в мотивационных профилях: межкурсовые различия проявляются в динамике коммуникативных и внешних мотивов; гендерные различия отражают традиционные паттерны: инструментальную мотивацию у девушек (карьера, заработок) и профессионально-содержательную – у юношей.

Обнаруженные особенности мотивации профессионального выбора находят соответствие в данных исследований цифровой социализации современной молодёжи. В частности, работа С. Л. Ленкова [19] демонстрирует, что вовлечённость в киберсоциализацию существенно влияет на формирование личностных и профессиональных ориентаций студентов. Можно предположить, что выявленные в нашем исследовании мотивационные профили опосредованы степенью вовлечённости в цифровую среду и связанными с ней психологическими характеристиками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило комплексный характер мотивации выбора технологических специальностей, где доминирующую роль играют внутренние факторы, дополняемые статусными и прагматическими мотивами. Выявленная структура мотивационных профилей свидетельствует о важности учёта как содержательных, так и контекстуальных аспектов при работе с профессиональным самоопределением студентов.

Полученные данные выявили необходимость дифференцированного подхода к психолого-педагогическому сопровождению студентов с учётом гендерных

различий в мотивационных приоритетах, динамики мотивации на разных курсах обучения, а также влияния цифровой социализации на профессиональные ориентации.

Результаты исследования подчёркивают практическую значимость разработки адаптивных образовательных программ, учитывающих мотивационные профили студентов, целевых мероприятий по развитию профессиональной идентичности, системы психологического сопро-

вождения, направленной на укрепление внутренней мотивации, и методик формирования метакогнитивных навыков профессионального развития.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении долгосрочной динамики профессиональной мотивации в процессе освоения профессии, а также в разработке практических решений для интеграции цифровых компетенций в систему профессионального самоопределения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Stability and change in vocational interests after graduation from high school: A six-wave longitudinal study / G. Stoll, S. Rieger, B. Nagengast, U. Trautwein, J. Rounds // Journal of Personality and Social Psychology. 2021. Vol. 120. № 4. P. 1091–1116.
2. Toward a dimensional model of vocational interests / R. Su, L. Tay, H. Y. Liao, Q. Zhang, J. Rounds // The Journal of applied psychology. 2019. Vol. 104. № 5. P. 690–714.
3. Adolescent vocational interests predict early career success: Two 12 year longitudinal studies / K. Hoff, C. Chu, S. Einarsdóttir, D. A. Briley, A. Hanna, J. Rounds // Applied Psychology: An International Review. 2022. Vol. 71. № 1. P. 49–75.
4. Learners' career choices in STEM education: A review of empirical studies / T. I. Shulga, Z. F. Zaripova, R. G. Sakhieva, G. S. Devyatkin, V. A. Chauzova // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2023. Vol. 19. № 5. URL: <https://www.ejmste.com/article> (дата обращения: 10.10.2025).
5. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е., Букинич А. М. Профессиональная направленность абитуриентов вузов как предиктор успешности профессионального становления // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18. № 2. С. 103–118.
6. Шульга Т. И. Переживание разочарования молодёжью 17–25 лет // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 2. С. 33–50.
7. Рубцова Н. Е., Ефремова Г. И. Психологические основания концепций профессиональной направленности // Содействие креативности. М.: Издательство «Спутник+». 2024. С. 5–13.
8. Зеер Э. Ф., Рудей О. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности М.: МПСИ, 2008. 256 с.
9. Климов Е. А. Как выбирать профессию. М.: Просвещение, 1990. 159 с.
10. Череменская М. А. Подходы к пониманию профессионального самоопределения в социальной психологии // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 1. С. 90–100.
11. Егоренко Т. А. Методы активизации профессионального самоопределения личности на этапе допрофессионального развития: опыт зарубежных стран // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 3. С. 61–70.
12. Головей Л. А., Данилова М. В., Груздева И. А. Психоэмоциональное благополучие старшеклассников в связи с готовностью к профессиональному самоопределению // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 6. С. 63–73.
13. Емелин В. А., Рассказова Е. И. Субъективные критерии предпочтения профессии и работы в старшем подростковом и юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 1. С. 23–40.
14. Рябова А. А., Фадеева Е. В., Харькова О. А. Мотивы выбора профессии ИТ-специалиста // Инновационная наука. 2024. № 1–2. С. 186–190.
15. Сокольская М. В., Богомолова О. Ю. Толерантность к неопределенности как фактор формирования психологической готовности к профессиональной деятельности в процессе обучения в вузе // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2024. Т. 18. № 1–2. С. 110–128.
16. Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация. М.: Академия. 2008. 496 с.

17. Ярюкова Л. А. Связь мотивации выбора профессии с психологическими особенностями старшеклассников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2003. № 4. С. 122–130.
18. Карпов А. В., Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Метакогнитивная детерминация удовлетворённости работой в профессиях информационного типа // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 3. С. 86–103.
19. Cyber Socialization Engagement and Dark Tetrad of Personality among Young University Students / S. L. Lenkov, N. E. Rubtsova, M. Yu. Elagina, E. S. Nizamova // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2022. Vol. 10. № 3. P. 99–108.

REFERENCES

1. Stoll, G., Rieger, S., Nagengast, B., Trautwein, U. & Rounds J. (2021). Stability and Change in Vocational Interests after Graduation from High School: A Six-Wave Longitudinal Study. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 120, 4, 1091–1116.
2. Su, R., Tay, L., Liao, H. Y. & Zhang, Q. (2019). Rounds Toward a Dimensional Model of Vocational Interests. In: *The Journal of Applied Psychology*, 104, 5, 690–714.
3. Hoff, K., Chu, C., Einarsdóttir, S., Briley, D. A. Hanna, A. & Rounds, J. (2022). Adolescent Vocational Interests Predict Early Career Success: Two 12 year Longitudinal Studies. In: *Applied Psychology: An International Review*, 71, 1, 49–75.
4. Shulga, T. I., Zaripova, Z. F., Sakhieva, R. G., Devyatkin, G. S. & Chauzova, V. A. (2023). Learners' Career Choices in STEM Education: A Review of Empirical Studies. In: *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, 19, 5. URL: <https://www.ejmste.com/article> (accessed: 10.10.2025).
5. Lenkov, S. L., Rubtsova, N. E. & Bokinich, A. M. (2023). Professional Orientation of University Applicants as a Predictor of Successful Professional Development. In: *National Psychological Journal*, 18, 2, 103–118 (in Russ.).
6. Shulga, T. I. (2024). Experiencing Disappointment in Young People Aged 17–25. In: *Theoretical and Experimental Psychology*, 17, 2, 33–50 (in Russ.).
7. Rubtsova, N. E. & Efremova, G. I. (2024). Psychological Foundations of Concepts of Professional Orientation. In: *Promoting Creativity*. Moscow, Sputnik+ publ. (in Russ.).
8. Zeer, E. F. & Rudey, O. A. (2008). *Psychology of Professional Self-Determination in Early Youth*. Moscow, MPSI publ. 2008 (in Russ.).
9. Klimov, E. A. (1990). *How to Choose a Profession*. Moscow, Prosveshchenie publ. (in Russ.).
10. Cherenetskaya, M. A. (2024). Approaches to Understanding Professional Self-Determination in Social Psychology. In: *National Psychological Journal*, 19, 1, 90–100 (in Russ.).
11. Egorenko, T. A. (2022). Methods for Activating Professional Self-Determination of a Person at the Stage of Pre-Professional Development: Experience of Foreign Countries. In: *Journal of Modern Foreign Psychology*, 11, 3, 61–70 (in Russ.).
12. Golovey, L. A., Danilova, M. V. & Gruzdeva, I. A. (2019). Psychological Emotional Well-Being of High School Students in Connection with Their Readiness for Professional Self-Determination. In: *Psychological Science and Education*, 24, 6, 63–73 (in Russ.).
13. Emelin, V. A. & Rasskazova, E. I. (2024). Subjective Criteria for Preferences of Profession and Work in Late Adolescence and Young Adulthood. In: *National Psychological Journal*, 19, 1, 23–40 (in Russ.).
14. Ryabova, A. A., Fadeeva, E. V. & Kharkova, O. A. (2024). Motives for Choosing the IT Specialist Profession. In: *Innovative Science*, 1–2, 186–190 (in Russ.).
15. Sokolskaya, M. V. & Bogomolova, O. Yu. (2024). Tolerance of Uncertainty as a Factor in the Formation of Psychological Readiness for Professional Activity during Study at University. In: *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 18, 1–2, 110–128.
16. Pryazhnikova, E. Yu. & Pryazhnikov, N. S. (2008). *Career Guidance*. Moscow, Academy publ. (in Russ.).
17. Yasyukova, L. A. (2003). The Relationship between the Motivation for Choosing a Profession and the Psychological Characteristics of High School Students. In: *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 4, 122–130 (in Russ.).
18. Karpov, A. V., Lenkov, S. L. & Rubtsova, N. E. (2021). Metacognitive Determination of Job Satisfaction in Information-Related Professions. In: *Russian Psychological Journal*, 18, 3, 86–103 (in Russ.).

19. Lenkov, S. L., Rubtsova, N. E., Elagina, M. Yu. & Nizamova, E. S. (2022). Cyber Socialization Engagement and Dark Tetrad of Personality among Young University Students. In: *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 10, 3, 99–108.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жемерикина Юлия Игоревна (г. Балашиха) – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук МИРЭА – Российского технологического университета; ORCID: 0000-0001-9106-6803; e-mail: yulkazh@yandex.ru

Мусатова Оксана Алексеевна (г. Москва) – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук МИРЭА – Российского технологического университета; ORCID: 0000-0001-8893-4059; e-mail: muoxa@mail.ru

Шпагина Елена Михайловна (г. Москва) – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук МИРЭА – Российского технологического университета; ORCID: 0000-0003-3325-3402; e-mail: shpaginaelena@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia I. Zhemerikina (Balashikha) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Social Sciences and Humanities, RTU MIREA;
ORCID: 0000-0001-9106-6803; e-mail: yulkazh@yandex.ru

Oksana A. Musatova (Moscow) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Social Sciences and Humanities, RTU MIREA;
ORCID: 0000-0001-8893-4059; e-mail: muoxa@mail.ru

Elena M. Shpagina (Moscow) – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Social Sciences and Humanities, RTU MIREA;
ORCID: 0000-0003-3325-3402; e-mail: shpaginaelena@yandex.ru

Научная статья

УДК 37.015.3

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-89-98

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ДЕТЕЙ С НЕРОДНЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Коповой А. С.*, Сидячева Н. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: mkrass@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.09.2025

После доработки 19.09.2025

Принята к публикации 23.09.2025

Аннотация

Цель. Изучение специфики психолого-педагогического сопровождения адаптации детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком в образовательной организации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет характеристика основных групп детей-иностранных граждан в зависимости от региона исхода, а также факторы, влияющие на успешность их адаптации в общеобразовательной организации. Источником данных стали аналитические отчёты общеобразовательных организаций о реализации комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования, в Московской области на период до 2025 г. А также данные региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования определяется необходимостью учёта специфики каждой отдельной категории детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком при организации работы по психолого-педагогическому сопровождению данной категории обучающихся.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о том, что адаптация ребёнка с неродным русским языком в общеобразовательной организации является сложным результатом взаимодействия участников образовательных отношений, где семья, выступая первичным социальным институтом, во многом определят успешность этого процесса.

Ключевые слова: адаптация, дети-иностранные граждане, дети с неродным русским языком, психолого-педагогическое сопровождение, образовательные отношения

Благодарности и источники финансирования. Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта Государственного университета просвещения на тему НИР: «Психолого-педагогическая адаптация и аккультурация детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком в общеобразовательной организации». Приказ от 30.06.2025 № 1189.

Для цитирования: Коповой А. С., Сидячева Н. В. Особенности психолого-педагогического сопровождения процесса адаптации детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком в общеобразовательной организации // Психологические науки. 2025. № 4. С. 89–98. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-89-98>

Original research article

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT REQUIRED FOR ADAPTATION PROCESS OF BOTH CHILDREN WHO ARE FOREIGN CITIZENS AND WHOSE NATIVE LANGUAGE IS NOT RUSSIAN IN A GENERAL EDUCATIONAL ORGANIZATION

A. Kopovoy*, N. Sidyacheva

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e -mail: mkrass@yandex.ru

Received by the editorial office 08.09.2025

Revised by the author 19.09.2025

Accepted for publication 23.09.2025

Abstract

Aim. To study the specifics of psychological and pedagogical support for the adaptation of children who are foreign citizens and children whose native language is not Russian in an educational institution.

Methodology. The characteristics of the main groups formed by children who are foreign citizens based on their region of origin, as well as factors influencing their successful adaptation to mainstream education are the main interest of the study. The data source includes analytical reports from mainstream education institutions on the implementation of a set of measures for the socialization and psychological adaptation of minor foreign nationals enrolled in preschool, primary, basic, and secondary general education, secondary vocational, and higher education programs in the Moscow Region through 2025. Data from the regional electronic monitoring system for the state and development of the Moscow Region education system was also included.

Results. It is concluded that the adaptation of a child whose native language is not Russian in a general education institution is a complex result of the interaction of educational stakeholders, where the family as the primary social institution, largely determines the success of this process.

Research implications. The theoretical and practical significance of this study is determined by the need to consider the specific characteristics of each individual category of children who are foreign citizens and children whose native language is not Russian when organizing psychological and pedagogical support for this category of students.

Keywords: adaptation, foreign children, children whose native language is not Russian, psychological and pedagogical support, educational relations

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of an internal grant of Federal State University of Education on the topic of research: "Psychological and pedagogical adaptation and acculturation of foreign children and children with a non-native Russian language in a general education organization." Order no. 1189, June 30, 2025

For citation: Kopova, A. S. & Sidyacheva, N. V. (2025). Features of Psychological and Pedagogical Support Required for Adaptation Process of Both Children Who are Foreign Citizens and Whose Native Language is not Russian in a General Educational Organization. In: *Psychological Sciences*, 4, 89–98. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-89-98>

ВВЕДЕНИЕ

Анализ отечественных и зарубежных исследований последних лет показывает, что миграционные процессы, обусловленные неравномерностями экономического развития некоторых стран и политической нестабильностью в отдельных регионах планеты, характерны для большинства развитых государств мирового сообщества. Как следствие этого, актуализируется проблема адаптации детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком, отличающаяся многогранностью и широким спектром изучаемых факторов и затрагивающая различные аспекты: философские (анализ сущности миграционных процессов и их специфики на современном этапе), политические (выявление регионов, благоприятствующих или препятствующих миграционным процессам), экономические (исследование возможностей для оптимальной адаптации мигрантского населения), социологические (сбор аналитических данных, отражающих динамику миграционных процессов в отдельных регионах планеты), культурологические (выявление условий, способствующих интеграции мигрантов в социокультурную среду местного сообщества), психологические (рассмотрение условий конструктивного разрешения конфликтных и напряжённых ситуаций) [1], педагогические (работа образовательных учреждений по интеграции детей-мигрантов в образовательную среду), этнические (учёт специфики менталитета различных этнических групп для налаживания активного взаимодействия) [2].

В ряду данных аспектов наиболее разработанными являются социальный и психологический, методологической базой в исследовании которых выступают работы Г. Айзенка, Г. М. Андреевой, Ф. Б. Березина, Г. Гартмана, Л. Н. Гумилева, А. А. Налчаджяна, Б. Д. Парыгина, Л. Филипса, Р. Хэнки.

С учётом данных исследований на современном этапе разрабатываются раз-

личные направления проблемы адаптации мигрантов: стрессогенные воздействия новой культуры (С. Бочавер, Дж. Бери, К. Обергом, Г. Триандис, А. Ферхнем и др.); влияние миграционных процессов на межнациональные отношения (О. Г. Буховец, Р. А. Костин, И. Д. Макеев, В. Н. Петров, С. В. Рязанцев, С. С. Самонина, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Тощенко) [3; 4; 5]; адаптация этнических мигрантов к новым условиям жизни (В. С. Айрапетов, А. С. Ахиезер, И. М. Бадыштова, В. В. Гриценко, Ю. П. Дощинин, В. В. Константинов, Н. Н. Лапин, В. Н. Титов, Т. И. Шульга); исторические, демографические и структурные особенности миграционных процессов (В. С. Агеев, Ю. В. Арутюнян, В. Н. Куликов, З. В. Сикевич, А. А. Сусоколов, П. Н. Шихирев) [6; 7]; миграционные процессы и межнациональная толерантность (А. Г. Асмолов, А. А. Леонтьев, В. Максакова, А. В. Перцев, С. Полякова, Б. Э. Риэрдон, Л. И. Сёмина, Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Д. Шарова); адаптация мигрантов к новой географической среде (Р. М. Баевский, Ю. М. Десятникова, Н. М. Лебедева, А. Б. Мулдашева) и др. [8; 9].

Необходимо отметить, что в настоящий момент в правовом поле российского законодательства используется несколько терминов, схожих по смыслу, но тем не менее не тождественных. Это «дети-мигранты», «дети с миграционной историей», «дети-иностранные граждане», «дети с неродным русским языком» и «дети-инофоны». Для современной образовательной организации, если мы говорим о процессе адаптации ребёнка, важно в первую очередь, на каком языке он говорит, т. к. язык является основным средством адаптации в образовательном пространстве. Каждый из перечисленных терминов употребляется в определённом контексте. Если же рассматривать процесс психолого-педагогического сопровождения адаптации обучающихся в общеобразовательной организации,

то целесообразно использовать термин «дети с неродным русским языком».

На постсоветском пространстве миграционные процессы носят спорадический характер. Можно выделить несколько основных направлений развития миграционной ситуации в России как одном из центров притяжения миграционных потоков [2; 10].

Во-первых, это миграции из стран Средней Азии, которая носит волнообразный характер. Волны обусловлены социально-политической ситуацией как в России, так и в регионах исхода мигрантов.

В настоящий момент более привлекательными для мигрантов являются регионы центральной европейской части России и в первую очередь Москва и Московская область, что обусловлено во многом простотой поиска работы, а также достаточно многочисленными объединениями самих мигрантов в форме некоммерческих организаций, диаспор, которые создают некую инфраструктуру, способствующую адаптации своих соотечественников, прибывших в Россию.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ

На современном этапе это направление миграции характеризуется некоторыми особенностями. Если ранее мигранты из стран Средней Азии просто приезжали на заработки и значительную часть заработанных средств отправляли на Родину, где постоянно проживали члены их семей, то в настоящий момент мы видим тенденцию к миграции целых семей, где есть один работающий глава семьи, иногда работающие супруги, а также несколько их детей. Впоследствии к ним присоединяются близкие родственники старших поколений. Эта ситуация вполне типична, например, для Московской области. И миграционная нагрузка в некоторых муниципалитетах Московской области обусловлена именно этим трендом.

Соответственно, образовательные организации региона также испытывают

определенную миграционную нагрузку и нуждаются в разработке и реализации специфических механизмов адаптации детей с неродным русским языком.

По наиболее актуальным доступным данным региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области на 2023–2024 учебный год в общеобразовательных организациях обучалось 31776 человек, из которых 12755 человек (40,14%) из стран Средней Азии (рис. 1).

Во-вторых, это миграция из стран западной части постсоветского пространства, в первую очередь из Белоруссии, Украины и Молдавии. В отличие от мигрантов из Средней Азии, мигранты из западных постсоветских стран сразу приезжают с семьями, более ориентированы на интеграцию, более принимающие социум.

Кроме того, в большинстве случаев и дети, и их родители владеют русским языком как родным, что значительно упрощает адаптацию детей в общеобразовательной организации. Необходимо отметить, что мигранты из этих стран ориентируются на скорейшее получение гражданства, на скорейшую успешную интеграцию и связывают и своё будущее, и будущее своих детей с Россией.

Кроме того, в большинстве случаев родители обучающихся из западных стран постсоветского пространства имеют более высокий уровень образования по сравнению с родителями обучающихся из стран Средней Азии. Это люди с среднепрофессиональным или высшим образованием, которые выбирают работу по специальности, активно взаимодействуют с общеобразовательной организацией при построении образовательной траектории своих детей. Нередко у них уже есть устоявшиеся социальные контакты в принимающем социуме (родственники, знакомые, ранее переехавшие и успешно адаптировавшиеся, либо изначально проживающие на территории регионов России).

Рис. 1 / Fig. 1. Распределение обучающихся из Средней Азии в общеобразовательных организациях Московской области по странам исхода / Distribution of students from Central Asia at general education organizations of the Moscow Region by country of origin

Источник: данные региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области на 2023–2024 учебный год¹.

Например, по данным региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области на 2023–2024 учебный год, в общеобразовательных организациях обучалось 10175 человек из Беларуси, Украины и Молдовы, что составляет 32,02% от всего числа детей-иностранных граждан (рис. 2).

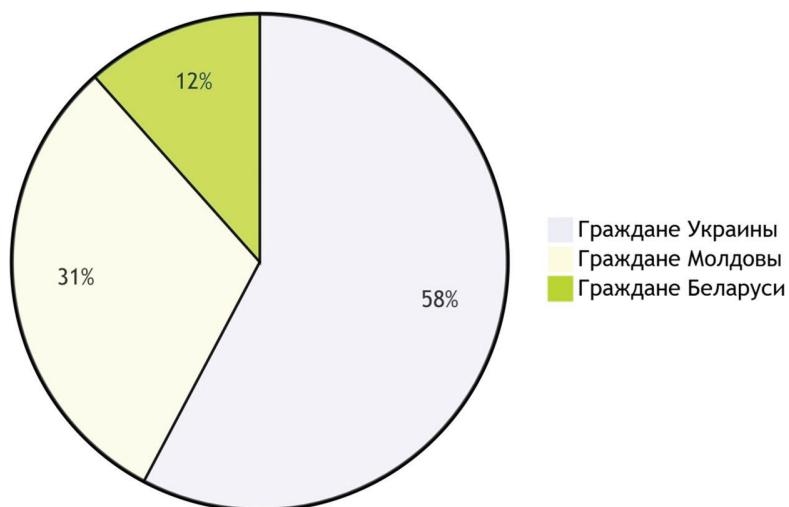
В-третьих, это миграция из стран Закавказья, таких как Армения, Грузия и Азербайджан. Дети из закавказских государств имеют более низкий уровень владения русским языком, нежели чем их сверстники из Белоруссии, Украины и Молдовы, но лучше, чем дети из стран Средней Азии. Семьи детей из стран Закавказья характеризуются тем, что родители также имеют достаточно высокий образовательный уровень по сравнению с выходцами из среднеазиатских стран. Кроме того, родители часто владеют русским языком на хорошем уровне, в отличие от родителей и детей из стран Средней Азии. Хорошее знание родителями языка принимающего социума ускоряет процесс адаптации, делает его

менее травматичным для самого обучающегося.

По данным региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области на 2023–2024 учебный год, в общеобразовательных организациях обучалось 8343 человека из государств Закавказья, что составляет 26,26% от всего числа детей-иностранных граждан (рис. 3).

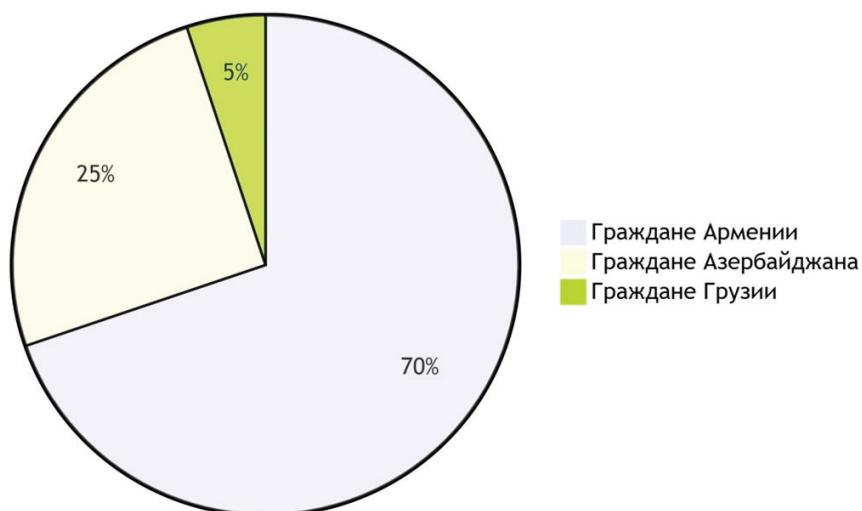
Поступая в общеобразовательную организацию для обучения, ребёнок с неродным русским языком часто является гражданином Российской Федерации, имеющим опыт проживания в иной культурной и языковой среде в стране исхода, получившим гражданство до поступления в образовательную организацию, либо является гражданином Российской Федерации, родившимся на территории Российской Федерации, но воспитывавшимся в языковом пространстве страны исхода родителей. Обе эти категории об

¹ Документы Министерства образования МО. URL: <https://mo.mosreg.ru/dokumenty> (дата обращения: 10.10.2025).

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение обучающихся из Беларуси, Украины и Молдовы в общеобразовательных организациях Московской области по странам исхода / Distribution of students from Belarus, Ukraine and Moldova at general education organizations of the Moscow Region by country of origin

Источник: данные региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области на 2023–2024 учебный год¹.

Рис. 3 / Fig. 3. Распределение обучающихся из Закавказья в общеобразовательных организациях Московской области по странам исхода / Distribution of students from Transcaucasia at general education organizations of the Moscow Region by country of origin

Источник: данные региональной системы электронного мониторинга состояния и развития системы образования Московской области на 2023–2024 учебный год².

¹ Документы Министерства образования МО. URL: <https://mo.mosreg.ru/dokumenty> (дата обращения: 10.10.2025).

² Там же.

учающихся стали довольно многочисленными, особенно в регионах с высокой миграционной активностью, например, в Московской области [11].

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ статистических данных и практики работы образовательных организаций по адаптации детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком, а также результаты собственных исследований показывают необходимость организации специального психолого-педагогического сопровождения этой категории обучающихся, в первую очередь – выходцев из стран Средней Азии.

Детерминанты успешной адаптации ребёнка с неродным русским языком в общеобразовательной организации.

Анализ практики работы общеобразовательных организаций, проведённый на основе отчётов о реализации комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования, в Московской области на период до 2025 г., утверждённого Распоряжением Министерства образования Московской области от 30.11.2022 № Р-772¹, позволяет обозначить основными детерминантами,

определяющими успешность адаптации ребёнка с неродным русским языком в общеобразовательной организации, следующие:

1. Включённость родителей в процесс адаптации, их заинтересованность в обеспечении получения качественного образования ребёнком, а также в построении его образовательной траектории.

2. Образовательный уровень самих родителей. Часто родители ребёнка с неродным русским языком не могут оказать обучающемуся посильную помощь в освоении образовательной программы, сами имеют низкий уровень заинтересованности в изучении языка принимающего социума, т. к. это не является необходимостью в их профессиональной деятельности. В этих ситуациях мы часто имеем возможность наблюдать, что ребёнок с неродным русским языком осваивает его успешнее в образовательной организации, чем родители, проживающие в РФ.

3. Важными являются обстоятельства, которые побудили семью ребёнка сменить место жительства, переехать. Если переезд является осознанным выбором семьи, она в большей степени заинтересована в адаптации и интеграции в принимающий социум, что влияет на успешность адаптации ребёнка в образовательной организации.

4. Одним из важнейших условий является язык семейного общения. Если язык принимающего социума – русский язык, он используется в быту, то успешность освоения языка значительно повышается, и это способствует успешности адаптации ребёнка в общеобразовательной организации, т. к. основным средством общения становится этот язык.

Дети с неродным русским языком в зависимости от влияния вышеперечисленных детерминант имеют определённые особенности поведения. Часто дети, не владеющие русским языком, имеющие низкий уровень адаптации, имеют довольно высокий уровень тревожности, враждебности к другим обучающимся.

¹ Распоряжение Министерства образования Московской области от 30.11.2022 № Р-772 «Об утверждении Комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования, в Московской области на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428149 (дата обращения: 12.09.2025).

Кроме того, на поведение в значительной степени влияет ранее усвоенная норма поведения, которая может отличаться от нормы, принятой в принимающем социуме. Например, по отношению к сверстникам противоположного пола или к педагогу [11].

По мнению О. Б. Гукаленко и И. Б. Левицкой, для успешной адаптации детей с неродным русским языком необходимо создавать единое поликультурное пространство, т. к. потенциал социально-адаптационных возможностей поликультурного образовательного пространства намного выше [12; 13]. Важным условием организации работы по эффективной адаптации детей иностранных граждан и детей с неродным русским языком является своевременная диагностика неуспешности и определение обучающихся группы риска в данной категории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, адаптация ребёнка с неродным русским языком в общеобразовательной организации является сложным результатом взаимодействия участников образовательных отношений.

Семья, выступая первичным социальным институтом, во многом определяет успешность этого процесса. В образовательных организациях, в которых, по данным отчётов о реализации комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования в Московской области на период до 2025 г. была специально организована работа с семьями на постоянной основе: выше стали успеваемость и социальная активность детей-иностранных граждан и детей с неродным русским языком. Следовательно, эффективное психологическое сопровождение данной категории обучающихся не может ограничиваться работой образовательной организации и должно выстраиваться как комплексная система, активно вовлекающая семью в партнёрское взаимодействие и учитывающая всю многогранность социального контекста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ножичкина Л. В. Социально-психологического сопровождение взаимной адаптации мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев и принимающего населения в условиях поликультурного образовательного пространства // Известия Института инженерной физики. 2009. № 1 (11). С. 78–82.
2. Шульга Т. И., Байбородова Э. Ю., Крамаренко Н. С. Психологические особенности взаимодействия обучающихся школьных коллективов в поликультурном образовательном пространстве: психологические аспекты: монография. М.: Государственный университет просвещения, 2024. CD-ROM.
3. Солдатова Г. У. Практическая психология вынужденной миграции: социокультурный подход и проблемы адаптации // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой» (Хабаровск, 16–17 ноября 2016 года) / под ред. Е. В. Кулеш. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2016. С. 481–487.
4. Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Храмова М. Н. Миграционные процессы в странах АСЕАН и их влияние на Российскую Федерацию // АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дileммы / под ред. В. М. Мазырина, Е. В. Колдуновой. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 477–511.
5. Стефаненко Т. Г. Компоненты этнической идентичности: когнитивный, аффективный, поведенческий // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 38–43.
6. Роганова А. Е., Константинов В. В. Динамика отношения представителей принимающего населения к беженцам и вынужденным переселенцам // Человеческий капитал. 2024. № 8 (188). С. 146–154. DOI: 10.25629/HC.2024.08.15.

7. Гриценко В. В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Институт психологии РАН, 2002. 252 с.
8. Лебедева Н. М. Идентичность, миграция и межкультурные отношения на постсоветском пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2024. Т. 21. № 2. С. 353–359. DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-353-359.
9. Коповой А. С., Мазалова М. А., Штых И. В. Адаптация детей-мигрантов в условиях массовой общеобразовательной школы. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2007. 191 с.
10. Psychometric properties of smartphone addiction inventory (spai) in Russian context / A. R. Bayanova, A. A. Chistyakov, M. O. Timofeeva, V. V. Nasonkin, T. I. Shulga, V. F. Vasyukov // Contemporary Educational Technology. 2022. Vol. 14. № 1. URL: <https://www.cedtech.net> (дата обращения: 10.10.2025).
11. Коповой А. С., Давыдов Д. А., Коповая О. В. Специфика адаптации детей-мигрантов и детей с неродным русским языком в образовательных организациях Московской области // Инновационные проекты и программы в образовании. 2024. № 4 (94). С. 49–53.
12. Гукаленко О. В., Левицкая И. Б. Проблема адаптации детей-мигрантов и их семей в многокультурном социуме // Теория, практика и перспективы образования, поликультурного воспитания, карьеры и интеграции беженцев, мигрантов и их детей в современном мире. Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ. 2005. 106 с.
13. Смирнов В. М. Основные подходы к проблеме миграционной безопасности // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: материалы III Международной научно-практической конференции, (Пенза, 11–12 марта 2016 года). Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. С. 212–215.

REFERENCES

1. Nozhichkina, L. V. (2009). Social, Psychological, and Pedagogical Support for Mutual Adaptation of Migrants, Refugees, Internally Displaced Persons, and the Host Population in a Multicultural Educational Environment. In: *Bulletin of the Institute of Engineering Physics*, 1 (11), 78–82 (in Russ.).
2. Shulga, T. I., Bayborodova, E. Yu. & Kramarenko, N. S. (2024). *Psychological Characteristics of Schoolchildren's Interaction in a Multicultural Educational Environment: Psychological Aspects*. Moscow: Federal State Pedagogical University publ., CD-ROM (in Russ.).
3. Soldatova, G. U. (2016). Practical Psychology of Forced Migration: A Sociocultural Approach and Adaptation Problems. In: Kulesh, E. V., ed. *Russia in the World Community: Semantic Space of Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Forum "Eastern Vector of Migration Processes: Dialogue with Russian Culture" (Khabarovsk, November 16–17, 2016)*. Khabarovsk, Pacific National University publ., pp. 481–487 (in Russ.).
4. Pismennaya, E. E., Ryazantsev, S. V. & Khramova, M. N. (2023). Migration Processes in ASEAN Countries and Their Impact on the Russian Federation. In: *ASEAN on the Path to Integration: Achievements, Challenges, Dilemmas*. Moscow: Aspect publ., pp. 477–511 (in Russ.).
5. Stefanenko, T. G. (2024). Components of Ethnic Identity: Cognitive, Affective, and Behavioral. In: *World of Psychology*, 3 (39), 38–43 (in Russ.).
6. Roganova, A. E. & Konstantinov, V. V. (2024). Dynamics of the Attitude of Representatives of the Host Population to Refugees and Forced Displacements. In: *Human Capital*, 8 (188), 146–154. DOI: 10.25629/HC.2024.08.15 (in Russ.).
7. Gritsenko, V. V. (2002). *Social and Psychological Adaptation of Migrants in Russia*. Moscow, Institute of Psychology of the RAS publ. (in Russ.).
8. Lebedeva, N. M. (2024). Identity, Migration, and Intercultural Relations in the Post-Soviet Space. In: *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 21, 2, 353–359. DOI: 10.22363/2313-1683-2024-21-2-353-359 (in Russ.).
9. Kopovoy, A. S., Mazalova, M. A. & Shtykh, I. V. (2007). *Adaptation of Migrant Children in Comprehensive School*. Penza: Perm State Pedagogical University named after V. G. Belinsky publ. (in Russ.).
10. Bayanova, A. R., Chistyakov, A. A., Timofeeva, M. O., Nasonkin, V. V., Shulga, T. I. & Vasyukov, V. F. (2022). Psychometric Properties of the Smartphone Addiction Questionnaire (SPAQ) in the Russian Context. In: *Modern Educational Technologies*, 14, 1. URL: <https://www.cedtech.net> (accessed: 10.10.2025).

11. Kopovoy, A. S., Davydov, D. A. & Kopovaya, O. V. (2024). Specifics of Adaptation of Migrant Children and Children with Russian as a Second Language in Educational Organizations of the Moscow Region. In: *Innovative Projects and Programs in Education*, 4 (94), 49–53 (in Russ.).
12. Gukalenko, O. V. & Levitskaya, I. B. (2005). The Problem of Adaptation of Migrant Children and Their Families in a Multicultural Society. In: *Theory, Practice, and Prospects of Education, Multicultural Upbringing, Career, and Integration of Refugees, Migrants, and Their Children in the Modern World*. Rostov-on-Don: Russian State Pedagogical University publ. (in Russ.).
13. Smirnov, V. M. (2016). The Main Approaches to the Problem of Migration Security. In: *Social and Psychological Adaptation of Migrants in the Modern World: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Penza, March 11–12, 2016)*. Penza: Penza State University publ., pp. 212–215 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коповой Андрей Сергеевич (г. Москва) – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения; ORCID: 0000-0002-7286-8293; e-mail: mkrass@yandex.ru

Сидячева Наталья Владимировна (г. Москва) – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной и педагогической психологии Государственного университета просвещения; ORCID: 0000-0001-6454-964X; e-mail: sidna@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey S. Kopovoy (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education; ORCID: 0000-0002-7286-8293; e-mail: mkrass@yandex.ru

Natalia V. Sidyacheva (Moscow) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education; ORCID: 0000-0001-6454-964X; e-mail: sidna@bk.ru

Научная статья

УДК 377:004

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-99-112

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЦИФРОВЫХ СРЕДАХ: АНАЛИЗ ОДНОГО ПАРАДОКСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФОКУС-ГРУПП)

Патраков Э. В.*, Литовченко А. Н.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Поступила в редакцию 30.10.2025

После доработки 03.11.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Аннотация

Цель. Обсуждение парадокса, заключающегося в том, что при высоком уровне технооптимизма, ценности открытости изменениям, педагоги испытывают преимущественно негативное отношение к цифровизации образования, неудовлетворённость образовательным процессом, включающим цифровые технологии.

Процедура и методы. Для углублённого анализа этого явления было организовано проведение двух фокус-групп, участие в которых приняли педагоги направлений «Философия» и «Педагогика» Уральского федерального университета ($n = 29$). Возраст 24–60 лет. Все участники имеют опыт взаимодействия с цифровой средой в педагогической деятельности от 2 до 20 лет. Вопросы фокус-групп посвящены выявлению возможных причин обозначенного парадокса.

Результаты. Были определены причины существующего парадокса, выраженные в дефиците культуры взаимодействий в цифровых средах, качественных ресурсов цифровой среды, высокой интенсивности цифровизации и в консерватизме самого института образования. К делегированию обучения цифровой среде педагоги относятся с осторожностью, считая, что передача когнитивных операций (анализа, синтеза) и оценки не должны затрагивать развивающий потенциал образовательного процесса. Возможное разрешение описанного парадокса мы видим в включении представителей участников образовательного процесса в систему разработки цифровых продуктов, в тщательной психолого-педагогической экспертизе разрабатываемых цифровых образовательных сред.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в обозначении парадокса, что при высоком уровне технооптимизма, ценности открытости изменениям, педагоги испытывают негативное отношение к цифровизации образования, неудовлетворённость образовательным процессом, включающим цифровые технологии. Также, выявлены и структурированы возможные причины противоречия. Определены дальнейшие векторы исследования обозначенного парадокса. На основе проведённого исследования могут быть разработаны рекомендации по модернизации цифровых образовательных сред.

Ключевые слова: взаимодействия в цифровых средах, педагоги, риски и ресурсы, цифровизация образования

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Правительства Свердловской области, проект № 24-28-20414 «Адаптация к профессиональной деятельности в цифровой среде: «цена» и ценности (на материале социономических профессий)».

Для цитирования: Патраков Э. В., Литовченко А. Н. Взаимодействия субъектов образовательного процесса в цифровых средах: анализ одного парадокса (на материале фокус-групп) // Психологические науки. 2025. № 4. С. 99–112. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-99-112>

Original research article

INTERACTIONS OF EDUCATIONAL SUBJECTS IN DIGITAL ENVIRONMENTS: PARADOX ANALYSIS (BASED ON FOCUS GROUPS)

E. Patrakov^{*}, A. Litovchenko

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg,
Russian Federation*

^{*} Corresponding author, e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Received by the editorial office 30.10.2025

Revised by the author 03.11.2025

Accepted for publication 07.11.2025

Abstract

Aim. To present and discuss the following paradox – despite a high level of technological optimism and the value of openness to change, teachers have a predominantly negative attitude towards the digitalization of education and are dissatisfied with the educational process that includes digital technologies.

Methodology. A discussion was organized using the focus group method, in which teachers of the Philosophy and Pedagogy departments of the Ural Federal University ($n = 29$) took part. Age – 24–60 years. All participants have experience of interaction with the digital environment in pedagogical activity from 2 to 20 years. The focus group questions were devoted to the analysis of possible reasons for the indicated paradox.

Results. The reasons for the existing paradox were identified, expressed in the lack of culture of interaction in digital environments, high-quality resources of digital environments, high intensity of digitalization, and the conservatism of the educational process itself. Educators are cautious about delegating learning to the digital environment, believing that the transfer of cognitive operations (analysis, synthesis) and evaluation should not affect the developing potential of the educational process. A possible solution to the described paradox is the inclusion of representatives of participants in the educational process in the digital product development system, a thorough psychological and pedagogical examination of the digital educational environments being developed.

Research implications. The paradox is identified: despite a high level of techno-optimism and values of openness to change, teachers have a negative attitude toward the digitalization of education and are dissatisfied with the educational process that incorporates digital technologies. Possible causes of this contradiction are identified and structured, and the risks of delegating pedagogical functions to the digital environment are conceptualized. Further research vectors for this paradox are identified. Based on the research conducted, recommendations can be developed for modernizing the eco-psychological component of the digital educational environment.

Keywords: interactions in digital environments, risks and resources, digitalization of education, teachers

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation and the Government of Sverdlovsk Region, project No. 24-28-20414 "Adaptation to vocational activity in the digital environment: "cost" and values (based on the study of socioeconomic professions)".

For citation: Patrakov, E. V. & Litovchenko, A. N. (2025). Interactions of Educational Subjects in Digital Environments: Paradox Analysis (Based on Focus Groups). In: *Psychological Sciences*, 4, 99–112. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-99-112>

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня есть две полярные точки зрения на эффективность применения цифровых образовательных сред (ЦОС). Крайне позитивная заключается в том, что информационное общество в целом позволяет субъекту обучаться с повышенной эффективностью за счёт доступа к большому объёму научных данных и образовательных ресурсов, возможности дистанционной коммуникаций с разными преподавателями [1, с. 38; 2]. Также, по мнению авторов, внедрение цифровых технологий, при условии их разнообразия, ориентирует обучающихся на поисковую активность, развивает самостоятельность и способность к анализу информации. Существенным положительным эффектом цифровизации в образовании называют сокращение социально-психологической дистанции между учителем и учениками, что способствует переходу к «субъект-субъектной» структуре образовательного процесса [3, с. 37]. В негативных оценках цифровых образовательных сред указывается на отсутствие или дефицит возможности именно межличностной коммуникации, необходимостью регулярного освоения постоянно обновляющихся цифровых технологий; есть и прямые указания на то, что при дефиците опыта взаимодействия с цифровыми средствами педагогов могут быть прочие ограничивающие факторы [4, с. 62]. Имеют место и нейтральные позиции, заключающиеся в том, что применение ЦОС имеет как преимущества, так и недостатки для всех участников образовательного процесса [5, с. 338; 6, с. 154;].

При этом позитивное отношение к новым технологиям рассматривается как предиктор успешности взаимодействий в цифровых образовательных средах [7].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ЦИФРОВЫХ СРЕДАХ

В исследованиях, проведённых нами ранее, выявлена следующая совокупность факторов, которые позволяют обеспечивать успешное взаимодействие в ЦОС [8, с. 370; 9, с. 29; 10]:

1) положительное отношение к новым (инновационным) технологиям в целом, умеренный технооптимизм и отсутствие технофобии;

2) высокая степень сформированности навыков владения цифровыми технологиями в профессиональной деятельности;

3) наличие заинтересованности в цифровых взаимодействиях всех участников образовательного процесса;

4) высокая степень соответствия программного продукта (цифровых средств) образовательным целям и задачам.

В той или иной степени аналогичные позиции мы встречаем и у других исследователей, но прежде всего, с акцентом на необходимость обучения педагогов [11] либо на специфику взаимодействий – насколько цифровая среда позволяет всем участникам образовательного процесса эффективно взаимодействовать. Так, А. Бэч и Ф. Тиэл акцентируют внимание на следующих характеристиках таких взаимодействий: организация учебного процесса (тайминг, постановка задач),

ясность вводной информации, возможность активности, групповой климат, соответствие обучения пониманию своей профессиональной успешности, удовлетворение [12].

В этой связи для представителей социономических профессий в целом и педагогов, в частности, переход к взаимодействиям в цифровой среде не может быть однозначно определён как регрессирующий или развивающий различные характеристики субъекта (потребность в профессиональном росте, мотивацию или др.). Например, ранее нами была разработана методика оценки трансформации взаимодействий в цифровых средах, которая показала, что следующие характеристики: конструктивность решения проблем, ценностное отношение к личности, культура межличностных отношений повышаются при отсутствии профессионального выгорания, вызванного интенсивной цифровизацией [7, с. 371].

Речь идёт о двух аспектах цифровизации образования, которые мы можем представить как противоречие между потенциальными возможностями цифровой среды в повышении качества образования, развитии взаимодействий и характеристиками самих субъектов, по различным причинам затрудняющимся актуализировать обозначенный потенциал, даже при технооптимизме.

Исследователи преимущественно ориентируются на необходимость адаптации самих педагогов к условиям взаимодействия в цифровой среде. Значительный вклад оказывают эргономические свойства рабочего пространства [13, с. 31], индивидуально-типологические особенности личности, адаптационный потенциал, толерантность к неопределенности [14, с. 118; 6, с. 155;]. Важным компонентом определяют формирование цифровой грамотности как индивидуальных технологических и интеллектуальных навыков для жизни в цифровом обществе [5, с. 337]. Также ресурс адаптации исследователи видят в разработке и внедрении

инновационных педагогических технологий, которые позволят создать условия для развития цифровых компетенций педагогов и обучающихся [15, с. 207].

С другой стороны, для построения системы организации обучения и воспитания требуется как адаптация студентов и сотрудников к образовательной среде, так и адаптация образовательной среды под нужды участников образовательного процесса. Подобное правило справедливо и для цифровой среды, условия для эффективного взаимодействия в которой остаются недостаточно изученными, как и дискуссионным остаётся понятие эффективности. Например, можно ли говорить о высокой эффективности образовательного процесса при активном применении программ искусственного интеллекта и генерации текста?

Исследователи предлагаются методы нивелирования проблем внедрения ЦОС, заключающиеся в расширении ресурса цифровых возможностей образовательных учреждений. В частности, предлагаются создание единой образовательной платформы, введение дополнительных курсов повышения квалификации, создание автоматизированных систем методической поддержки и др. [16, с. 1808]. При этом психологическое содержание (характеристики взаимодействия человека с цифровой средой) внедряемых цифровых продуктов достаточно размыто. Например, и по сей день актуальна тема развития субъекта в цифровых образовательных средах. Какими конкретно цифровыми решениями можно это обеспечить?

Стоит также отметить феномен переноса навыков, моделей взаимодействия из доцифровой среды в цифровую и обратно. Интерференция (слияние, объединение) доцифровой и цифровой сред приобретает всеобъемлющий характер, затрагивая как организационные, так и непосредственно содержательные аспекты профессиональной деятельности [8, с. 370]. Перенос навыков из доцифровой

среды в цифровую осложнён коммуникативными факторами (жесты, интонации, выразительности речи и др.) и факторами ощущений (по модальности: кинестетические, запах, звук), которые ещё не могут быть в полной мере перенесены в цифровую среду. В этой связи возникает необходимость приобретения новых цифровых навыков в условиях стремительного процесса цифровизации, обозначенного как: «совокупность последовательных актов в различных сферах жизнедеятельности, применяемых с целью улучшения качества и повышения эффективности определённых процессов при помощи цифровых технологий» [17, с. 291]. Иными словами, по-прежнему колossalный потенциал межличностного общения пока «застревает» в алгоритмах «цифровых» коридоров. Возрастающая автоматизация при одновременной стандартизации деятельности педагога преобразует структуру деятельности: формально цели не изменяются, но изменение способов их достижения вносит изменения в само педагогическое целеполагание в сторону большей формализации, что вносит вклад в развитие компонента знаний. Но обеспечивает ли оно личностное развитие? Педагогическая деятельность приобретает всё больший характер инновационной деятельности. Вместе с тем, некоторые трудовые функции делегируются ЦОС. С одной стороны, подобная трансформация стимулирует раскрытие творческого потенциала педагога (создание новых методов), с другой, требует высокого уровня профессиональной и социальной рефлексии (новые методы и условия должны быть «экологичны» в отношении субъекта). Таким образом, цифровизация в сфере образования стала неотъемлемой частью современного образовательного процесса, породив возможность повышения производительности труда в количественном выражении, но вместе с тем, озnamеновала проблему определения места педагога как субъек-

та профессиональной деятельности [18, с. 67].

Готовность профессиональных сообществ к технологическим инновациям изменяется в зависимости от уровня доверия, которое складывается из объективных и субъективных причин. В работах А. Ю. Акимовой и А. А. Обознова изучаются особенности проявления феноменов доверия и недоверия к технике и связь этих феноменов с различными видами доверия [19, с. 133]. Установлено, что низкий уровень доверия к окружающим людям отражается в недоверии к технике как неспособность справиться с возложенными на неё задачами. Однако внедрение технологий в сферу деятельности «человек-человек» представляется ещё более затруднительным в силу многомерности человека как объекта труда и чрезвычайно тонкой и чувствительной ткани всей педагогической деятельности. Всё это, с одной стороны, может создавать предпосылки для возникновения различных страхов и опасений относительно новых технологий (технофобии), основанных на не всегда обоснованных убеждениях, а с другой стороны – способствовать недооценке или переоценке возможностей новых технологий, что приводит к завышенным ожиданиям относительно автоматизации и к более лёгкой утрате доверия при несоответствии этих ожиданий. Напротив, термин «технофилия» отражает преимущественно положительное отношение к большинству технологий. Для него характерны энтузиазм и сильное желание использовать технические новшества, получение чувственного удовольствия от процесса их использования, большая открытость новому [20, с. 180], а также более лёгкая адаптация к трансформациям общества, вызванным внедрением новых технологий.

Одновременно с эмоциональным компонентом отношения к новым технологиям (технофобией-технофилией), авторы выделяют когнитивный компонент, выраженный в континууме техноопти-

мизм-технопессимизм [20, с. 173]. Под технооптимизмом мы подразумеваем мировоззренческую и жизненную позицию, в соответствии с которой техническим достижениям и научно-техническому прогрессу в целом придаётся первостепенное значение в преодолении социальных проблем [21, с. 303].

Таким образом, положительное отношение к технологическим изменениям не менее важно, чем само развитие этих технологий. Взаимодействия педагога в цифровой среде обусловлены: во-первых, отношением (в континууме технооптимизм-технопессимизм и технофобия-технофилия) к внедрению цифровых технологий в профессиональную деятельность, во-вторых, ценностями, которые способствуют принятию технологические инновации, активному взаимодействию с цифровой средой, используя её как ресурс для дальнейшего развития. Но, несмотря на определённость вышеуказанных характеристик, обозначенное в начале работы противоречие остаётся неразрешённым.

Цель исследования – выявление причины парадокса – наличия негативного отношения к цифровизации образования у педагогов, преподавателей, в сочетании с ценностью открытости изменениям, технооптимизмом.

Гипотеза – причина негативного отношения к цифровизации образования в сочетании с ценностями открытости изменениям, технооптимизмом обусловлена тем, что первичной ценностью для педагога выступает (или может выступать) *качественное* образование обучающихся; а такая цель может входить в противоречие с дефицитом ресурсов применения цифровых образовательных сред как средств развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для подтверждения гипотезы были проведены фокус-группы на тему: «Адаптация педагогов к цифровой среде и адаптация цифровых сред к деятель-

ности педагогов». Для фокус-групп были сформулированы следующие вопросы:

1. В ряде исследований выявлено, что педагоги имеют выраженное опасение цифровых сред, сочетая это с ценностями открытости изменениям. Как вы считаете, (1) есть ли такое противоречие и (2) чем оно может быть обусловлено?

2. Какие опасения могут иметь педагоги в отношении цифровых технологий? Разделите их на четыре группы. Опасения, связанные с: личностью преподавателя, процессом преподавания, результатом преподавания; с самими цифровыми технологиями.

3. Какие проблемы взаимодействия участников образовательного процесса, опосредованного цифровой средой, вы видите? Разделите их на три категории: интерфейс (интуитивная понятность программы), скорость выполнения, количество операций для достижения цели. Какие ещё могут быть выделены показатели?

4. Как Вы полагаете, каковы ценности педагогов, которые способствуют или, наоборот, мешают интеграции цифровых технологий и деятельности педагога (возможна дискуссия о разделении ценностей, навыков).

5. Как Вы думаете, что в будущем педагог готов делегировать цифровой среде? Возможно ли делегирование когнитивных операций? Возможно ли отчуждение трудовой функции оценки обучающихся?

6. Какие при таком отчуждении могут быть риски для самих педагогов, для системы образования, для обучающихся? Кто или что ещё может подвергаться риску?

7. Как мы можем снижать такие риски, если они есть?

ОПИСАНИЕ ВЫБОРКИ

Исследование проводилось в первой половине 2025 г. на базе ФГАОУ ВО УрФУ, г. Екатеринбург.

На первом этапе была сформирована выборка из числа профессорско-препо-

давательского состава (N= 29 чел.), включающая сотрудников в возрасте от 24 до 60 лет, с опытом взаимодействия в цифровых средах от 2 до 20 лет (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Основные показатели выборки /
Key sample indicators**

Основные показатели выборки	<i>M</i>	<i>SD</i>
Возраст	43,71	13,36
Общий стаж	18,14	11,74
Стаж взаимодействия в цифровой среде	13,71	6,87

Источник: данные авторов.

В качестве ключевой темы дискуссии был озвучен парадокс, показанный в предшествующих исследованиях: при высоком уровне технооптимизма, ценностях открытости изменениям, педагоги испытывают преимущественно негативное отношение к цифровизации образования.

**АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ
ФОКУС-ГРУППЫ**

Обсуждение вопроса об опасении цифровых сред

Респонденты вне зависимости от стажа профессиональной деятельности и взаимодействий в цифровых средах признают обозначенное противоречие, связывая его с несколькими факторами:

1. Дефицит или отсутствие культуры взаимодействия с цифровыми средами или опосредованно цифровыми средами, с другими участниками образовательного процесса и как важная часть дефицита культуры – дефицит компетенций и опыта взаимодействия с цифровыми ресурсами, которые повышают уровень тревожности и недоверия к новым технологиям.

2. Дефицит ресурсов цифровой среды для качественного взаимодействия (с трансляцией ценностей, смыслов и т. д.) с участниками образовательного процесса, что ограничивает возможность применять цифровую среду как развивающую.

3. Высокая интенсивность цифровизации, названная как «агрессивная», сопровождающаяся дефицитом времени для рефлексии происходящих изменений как учебного процесса, так и собственных трансформаций.

4. Консерватизм профессии; педагогика традиционно ориентирована на сохранение устоявшихся практик и методов воспитания, многие педагоги испытывают трудности с внедрением новых подходов, особенно тех, которые требуют освоения современных инструментов, ценность которых для профессиональной успешности не вполне очевидна.

1. Цифровизация – угроза межличностному взаимодействию; для многих преподавателей использование цифрового пространства воспринимается как угроза личностному взаимодействию с учениками, уменьшению личного контакта и эмоциональной связи, что также формирует негативное отношение.

Анализ участниками обозначенных противоречий представлен в таблице 2.

По мнению всех респондентов, противоречия могут быть разрешены через две группы факторов:

Во-первых, *интеграция цифровой среды* как педагогического средства достижения образовательных целей, с логикой, требованиями развивающего обучения. Можно сказать, что респонденты говорят о формировании «цифровой культуры», которая кроме ценностно-смысовых характеристик включает формирование компетенций, необходимых для эффективного взаимодействия с цифровой средой и опосредованно цифровой средой.

Во-вторых, пересмотр квалиметрических требований к цифровым образовательным средам с точки зрения их психологической «асептики», их возможностей удовлетворять запрос участников образовательной деятельности.

Обсуждение вопроса об опасениях

Опасения педагогов в отношении цифровых технологий, в первую очередь, выражены в необходимости выполнения

Таблица 2 / Table 2

Ответы участников фокус-группы на вопрос о наличии противоречия / Responses of focus group participants to the question about the presence of a contradiction

Причина	Ответы участников
<i>Дефицит культуры взаимодействия</i>	<p>«Не созданы условия и не сформирована культура для безопасного взаимодействия участников образовательного процесса в цифровой среде» (например, дистанционное общение на занятиях всегда должно сопровождаться деловой визуализацией);</p> <p>«На данный момент в цифровой среде существует проблема отсутствия экологии взаимодействия педагога и студента», т. е. сбережения психических ресурсов субъектов (сложные процедуры действий в цифровых средах);</p> <p>«Для взаимодействия с цифровой средой навыки системно не формируются. Нет (или дефицит) методической поддержки именно как цифровой педагогики, которая не снижает качество педагогики традиционной»</p>
<i>Дефицит ресурсов цифровой среды</i>	<p>«Большое количество цифровых программ, в которых сложно передать всё многообразие возможностей речи, движений, это просто «говорящая голова» с презентацией, роликами и тестами»;</p> <p>«Мы не видим реакции, глаз слушателей»;</p> <p>«Теряется невербальный компонент общения педагога и студента»;</p> <p>«Цифровые платформы не работают или работают плохо и в них мы вынуждены работать» (проблема качества передачи всех аспектов речи)</p>
<i>Высокая интенсивность цифровизации</i>	<p>«Необходимо выполнять двойную работу, как в цифровом, так и в «традиционном» формате, отнимает очень много времени»;</p> <p>«Опасения о месте роли личности в педагогической деятельности: что останется педагогу, если большая часть работы может быть передана ЦОС? Теряется значимость личности самого педагога. Опасаемся, что нас просто заменят роботами»;</p> <p>«Компьютерные программы действительно необходимы сегодня, но не стоит забывать и про навыки, талант, личность самого педагога»</p>
<i>Консерватизм профессии</i>	«Некоторые преподаватели могут негативно относится к цифровым технологиям, т. к. не очевидна педагогическая эффективность новых технологий, теряется возможность качественного контроля качества образовательного процесса»
<i>Восприятие цифровой среды как угрозы</i>	«Цифровая среда сегодня становится опасным местом для взаимодействия, по разным причинам, как субъективным, так и объективным»

Источник: данные авторов.

двойной работы: в «традиционном» и цифровом виде. Несмотря на большое количество цифровых продуктов, проблема двойной работы обусловлена низким качеством программ: недостаточная скорость обработки данных, ошибки при сохранении информации, визуально не-

комфортные интерфейсы. Большое количество цифровых платформ при их относительно невысоком качестве приводит к повышению количества времени, необходимого на освоение и работу в них. Одновременно с этим, респонденты отметили отсутствие единой системы мето-

дической поддержки. Среди возможных психологических потерь участники привели несформированность навыков поиска, анализа и обобщения информации, которая бы улучшила взаимодействия в цифровых средах. Также взаимодействие участников образовательного процесса в цифровой среде лишает невербального и частично просодического компонента взаимодействия (выразительность речи) из-за технических средств, что сильно обедняет качество обучения. Были приведены общие для цифровых сред проблемы конфиденциальности информации.

Проблемы взаимодействия участников образовательного процесса, опосредованные цифровой средой, были разделены на четыре категории:

Интерфейс:

- отсутствие интуитивной понятности программ и существенные технические ограничения для хранения и визуализации информации;

- искажение информации при передаче, вызванные ограниченностью технических возможностей платформ или трудностями взаимопонимания, например, в больших чатах, необходимостью уточнения терминологического аппарата цифровых сред.

Скорость выполнения:

- скорость понимания содержания взаимодействия, снижающаяся с учётом искажений информации.

Количество операций:

- качество продуктов цифровой среды, вызывающее необходимость дополнительного поиска информации по работе с ними;

- необходимость большого количества времени для освоения новых платформ при их постоянном обновлении;

- избыточное количество манипуляций для выполнения простых действий;

- отсутствие оптимизации процессов, увеличение временных затрат (например, процесс завершения занятия при необходимости может автоматически перево-

дить на тестирование, что снизит временные издержки).

Отметим, что проблемы взаимодействия преимущественно высказывали сотрудники с большим педагогическим стажем. Молодые педагоги выражали своё мнение вслед за более опытными коллегами, частично соглашаясь с их позицией.

В обсуждении вопроса о том, *какие ценности* педагогов способствуют успешному применению цифровых сред, были противоречивые высказывания. Молодые педагоги говорили об отсутствии ценностной детерминации, либо не считали её определяющей, а решающее значение отдавали содержанию и целям взаимодействий в цифровых средах. Сотрудники с большим педагогическим стажем преимущественно негативно относятся к цифровым платформам вследствие риска потери контроля качества образования. Вероятно, здесь имеет место консерватизм и осознанное желание использовать традиционные формы. Все респонденты согласились, что интенсивно-вынужденные взаимодействия в цифровых средах приводят к профессиональной деформации. Благоприятными ценностями для интеграции могут быть ценности открытости изменениям, ориентация на инновационные технологии образования (табл. 3).

Дискуссия о том, что в будущем педагог готов делегировать цифровой среде?

Респонденты признают, что часть операций (в том числе и когнитивных) могут быть делегированы цифровой среде, отмечая, что эти операции не должны затрагивать непосредственно образовательный процесс. Некоторые задачи, например, проведение расчётов при работе с большим объёмом данных, могут быть переданы полностью цифровой среде. Но при решении задач, имеющих развивающий потенциал как для обучающихся, так и для педагогов, цифровая среда должна быть лишь средством наглядного представления информации, но не её обработки. По этой же причине существует

Таблица 3 / Table 3

Ответы испытуемых о ценностях, которые способствуют или препятствуют интеграции цифровых технологий и деятельности педагогов / Respondents' responses regarding values that facilitate or hinder the integration of digital technologies and teachers' activities

Ценности, способствующие интеграции	Ценности, препятствующие интеграции
Открытость изменениям	Консерватизм
Стремление к инновациям	Стремление к традиционным формам обучения
Карьерный рост	Стабильность
Авантуризм	Контроль

Источник: данные авторов.

негативное отношение к автоматизации системы оценивания. Несовершенство методов оценивания в отрыве от субъекта может привести к разному уровню компетенций у обучающихся (обратим внимание – речь идёт о гуманитарных специальностях).

Возможные риски делегирования различных профессиональных функций цифровой среде были разделены на четыре категории (табл. 4).

Как мы можем снижать такие риски, если они есть?

Возможное решение вышеописанных проблем педагоги видят во внедрении творческих задач при взаимодействии с цифровой средой, при постоянной методической поддержке. Также необходимо определение общих требований для всех участников образовательного процесса на уровне государства (например, можно ли использовать смартфон на уроке).

Иными словами, когнитивные операции могут быть частично переданы цифровой среде, при условии сохранения субъектности участников образовательной деятельности.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диагностический инструментарий, выявляющий отношение к новым технологиям, показывает сам факт отношения, но не его возможные причины. Это означает, что исследователям открыто огромное пространство поиска, вклад

в который и попытались внести авторы этой статьи.

В ответах респондентов прослеживается явная неудовлетворённость вынужденностью взаимодействия в цифровых средах при минимальной заинтересованности, а также недостаточной адаптированности сред под нужды образовательного процесса. Но это ещё не говорит о самом парадоксе.

Причины парадокса, обозначенного в цели исследования, могут быть обусловлены следующими факторами:

1. Педагоги, особенно в сочетании с собственным исследовательским опытом в гуманитарной сфере, весьма остро воспринимают дефицит культуры взаимодействия с цифровыми средами или опосредованно цифровыми средами с другими участниками. Иными словами, готовность к обучению работе с цифровыми средами должна насыщаться *смыслами* образовательной деятельности, а не просто передачей знаний.

2. Присутствует дефицит ресурсов цифровой среды для качественного взаимодействия (с трансляцией ценностей, смыслов и т. д.) с участниками образовательного процесса воспринимается как риск профессиональной успешности.

3. Присутствует высокая интенсивность цифровизации, названная как «агрессивная», сопровождающаяся дефицитом времени для рефлексии происходящих изменений учебного процесса.

Таблица 4 / Table 4

Возможные риски отчуждения операций и оценки цифровой среде / Potential risks of divestment of operations and assessment in the digital environment

...для самих педагогов	... для системы образования	...для обучающихся	...для родителей
<ul style="list-style-type: none"> – ухудшение здоровья, вследствие постоянного взаимодействия с цифровой средой, – потеря экспертизы, контроля, управления образовательным процессом, – потеря «себя как личности» при подмене ценности обучения на передачу знаний, – воспитательные цели в цифровой среде. Они пока не могут быть обеспечены, как раньше (в «доцифровой» среде), но с формированием цифровой культуры такое потенциально возможно, – финансовые потери после автоматизации функционала педагога (риски замены), – потеря профессиональных навыков «живого» общения, – снижение статуса в образовательном сообществе 	<ul style="list-style-type: none"> – зависимость системы образования от цифровой среды, её разработчиков и обладателей, – развитие и распространение механизмов обмана систем оценивания, – возможное ухудшение качества подготовки специалистов, – уменьшение креативности и уникальности педагогических методик, связанных с педагогом (риск акцент на унификацию методик) 	<ul style="list-style-type: none"> – формирование зависимость студентов от цифровых образовательных сред, – снижение уровня критического мышления, – потеря (снижение) глубины понимания материала, в следствии упрощения поиска информации 	<ul style="list-style-type: none"> – низкий уровень цифровой культуры может не позволить быть в курсе процесса цифровизации и вовремя (оперативно) реагировать на изменения и проблемы

Источник: данные авторов.

4. Консерватизм профессии ни в коей мере не синонимичен ретроградству и технофобии или технопессимизму; педагогика традиционно ориентирована на сохранение устоявшихся практик и методов развития и воспитания, многие специалисты испытывают трудности с внедрением новых подходов, особенно тех, которые требуют освоения современных инструментов, ценность которых для профессиональной успешности не вполне очевидна.

5. Для многих преподавателей использование цифрового пространства воспринимается как угроза личностному взаимодействию с учениками, уменьшению личного контакта и эмоциональной связи, что также формирует негативное отношение.

Прикладное значение исследования. Авторы полагают, что данное исследование может внести вклад не столько в программы обучения педагогов работе в цифровых средах, сколько в развитие самих цифровых образовательных сред.

Суть рекомендаций заключается в том, чтобы в ходе разработки программ соотносить учебное действие в «доцифровой» среде и его преломление в цифровой, в уточнении возможностей ЦОС в оценке, рефлексии результатов не только знаний, но и ценностного компонента образования. Полагаем, делегирование операций и оценки в деятельности педагога цифровой среде не должно затрагивать раз-

вивающий потенциал образовательного процесса.

Также мы видим потенциал в том, чтобы доработать методики исследования отношения к новым технологиям, обогатив их рефлексивным компонентом. Ответ на вопрос: «Почему именно человек опасается технологий?» может быть так же важен, как и сама констатация факта опасения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокова М. Г. Электронный курс как цифровой образовательный ресурс смешанного обучения в условиях высшего образования // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 1. С. 36–50. DOI: 10.17759/pse.2020250104.
2. Kiryakova G., Kozhuharova D. The Digital Competences Necessary for the Successful Pedagogical Practice of Teachers in the Digital Age // Education Sciences. 2024. № 14. URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.3390/educsci14050507.
3. Цифровой поворот в российском образовании: от проблем к возможностям / Л. В. Баева, С. А. Храпов, И. М. Ажмухамедов, А. В. Григорьев, В. Ю. Кузнецова // Ценности и смыслы. 2020. № 5 (69). С. 28–44.
4. Шмидт К. Ю. Цифровые технологии в образовательном процессе: потенциальные риски // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 4. С. 62–67. DOI: 10.24158/spp.2024.4.8.
5. Везиров Т. Г., Бабаян А. В. Формирование цифровой грамотности современного педагога // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 1А. С. 336–340. DOI: 10.34670/AR.2021.42.41.041.
6. Хайруллин Р. А., Водопьянова Н. Е. Профессиональная адаптация и дезадаптация субъектов труда в условиях цифровизации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 1 (66). С. 150–157. DOI: 10.26456/vtspued/2024.1.150.
7. Factors Influencing University Students' Adoption of Digital Learning Technology in Teaching and Learning / A. M. Sayaf, M. M. Alamri, M. A. Alqahtani, W. M. Alrahmi // Sustainability. 2022. № 14 (1). URL: <https://www.mdpi.com> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.3390/su14010493.
8. Панов В. И., Патраков Э. В. Трансформация социальных взаимодействий высокоорганизованных групп в условиях цифровизации: экопсихологическая модель // История, современность и перспективы развития психологии в системе Российской Академии наук: материалы Международной юбилейной научной конференции, посвящённой 50-летию создания Института психологии РАН (Москва, 16–18 ноября 2022 года) / под ред. Д. В. Ушакова, А. Л. Журавлева, А. В. Махнач, Н. Е. Харламенковой, А. В. Юревич, И. И. Ветровой. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2022. С. 370–372.
9. Патраков Э. В., Белов А. А. Цифровая трансформация характеристик профессиональной деятельности и коммуникации педагогов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30. № 3. С. 27–35. DOI: 10.34216/2073-1426-2024-30-3-27-35.
10. Патраков Э. В., Водопьянова Н. Е. Цифровизация: цена и ценности // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 3. С. 16–25.
11. Aldhafeeri F. M., Alotaibi A. A. Effectiveness of digital education shifting model on high school students' engagement // Journal of Education and Information Technologies. 2022. № 27. P. 6869–6891. DOI: 10.1007/s10639-021-10879-4.
12. Bach A., Thiel F. Collaborative online learning in higher education – quality of digital interaction and associations with individual and group-related factors // Frontiers in Education. 2024. № 9. URL: <https://www.frontiersin.org> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.3389/feduc.2024.1356271.
13. Сергеев С. Ф. Методологические проблемы инженерной психологии и эргономики техногенного мира // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 25–33. DOI: 10.31857/S020595920020493-8.
14. Резер Т. М., Синякова М. Г. Отношение к неопределенности современных студентов в услови-

- ях постковидной цифровой трансформации высшего образования // Психология человека в образовании. 2023 Т. 5. № 1. С. 114–123. DOI: 10.33910/2686-9527-2023-5-1-114-123.
15. Адаптация педагогических технологий к условиям цифровой образовательной среды / А. Ю. Анисимов, А. Н. Алексахин, С. А. Алексахина, Л. С. Байтимерова Л. С. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2024. № 6. С. 202–210. DOI: 10.37493/2307-907X.2024.6.21.
  16. Безвиконная Е. В., Богдашин А. В., Портнягина Е. В. Адаптация молодых специалистов в условиях цифровизации // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 11. С. 1797–1812. DOI: 10.18334/M.9.11.116504.
  17. Соленая О. А., Яковлева А. А. Проблема представления термина «цифровизация»: отечественный и зарубежный опыт // Культура и природа политической власти: теория и практика: сборник научных трудов / под ред. А. А. Кермво. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 289–293.
  18. Патраков Э. В. Цифровая трансформация субъекта труда: социальные взаимодействия, концепции, перспективы исследования // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 2. С. 66–73. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-2-66-73.
  19. Акимова А. Ю. Доверие и недоверие человека технике: социально-психологический подход / под ред. А. А. Обознова. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2020. С. 133–134.
  20. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И. Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 170–188. DOI: 10.17759/sps.2021120410.
  21. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2020. 594 с. DOI: 10.38098/soc.2020.88.75.001.

REFERENCES

1. Sorokova, M. G. (2020). E-Course as a Digital Educational Resource for Blended Learning in Higher Education. In: *Psychological Science and Education*, 25, 1, 36–50. DOI: 10.17759/pse.2020250104 (in Russ.).
2. Kiryakova, G. & Kozhuharova, D. (2024). The Digital Competences Necessary for the Successful Pedagogical Practice of Teachers in the Digital Age. In: *Education Sciences*, 14. URL: <https://www.mdpi.com> (accessed: 10.10.2025). DOI: <https://doi.org/10.3390/educsci14050507>.
3. Baeva, L. V., Khrapov, S. A., Azhmukhamedov, I. M., Grigoriev, A. V. & Kuznetsova V. Yu. (2020). The Digital Turn in Russian Education: From Problems to Opportunities. In: *Values and Meanings*, 5 (69), 28–44 (in Russ.).
4. Schmidt, K. Yu. (2024). Digital Technologies in the Educational Process: Potential Risks. In: *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 4, 62–67. DOI: 10.24158/spp.2024.4.8 (in Russ.).
5. Vezirov, T. G. & Babayan, A. V. (2021). Formation of Digital Literacy of a Modern Teacher. In: *Pedagogical Journal*, 11, 1A, 336–340. DOI: 10.34670/AR.2021.42.41.041 (in Russ.).
6. Khairullin, R. A. & Vodopyanova, N. E. (2024). Professional Adaptation and Maladaptation of Labor Subjects in the Context of Digitalization. In: *Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 1 (66), 150–157. DOI: 10.26456/vtspyped/2024.1.150 (in Russ.).
7. Sayaf, A. M., Alamri, M. M., Alqahtani, M. A. & Alrahmi, W. M. (2022). Factors Influencing University Students' Adoption of Digital Learning Technology in Teaching and Learning. In: *Sustainability*, 14 (1). URL: <https://www.mdpi.com> (accessed: 10.10.2025). DOI: <https://doi.org/10.3390/su14010493>.
8. Panov, V. I. & Patrakov, E. V. (2022). Transformation of Social Interactions of Highly Organized Groups in the Context of Digitalization: An Ecopsychological Model. In: *History, Modernity and Prospects for the Psychological Development in the System of the Russian Academy of Sciences: Proceedings of the International Jubilee Scientific Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Establishment of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, November 16–18, 2022)*. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences publ., 370–372 (in Russ.).
9. Patrakov, E. V. & Belov, A. A. (2024). Digital Transformation of the Characteristics of Teachers' Professional Activity and Communication. In: *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 30, 3, 27–35. DOI: 10.34216/2073-1426-2024-30-3-27-35 (in Russ.).

10. Patrakov, E. V. & Vodopyanova, N. E. (2024). Digitalization: Price and Values. In: *Questions of Psychology*, 70, 3, 16–25 (in Russ.).
11. Aldhafeeri, F. M. & Alotaibi, A. A. (2022). Effectiveness of Digital Education Shifting Model on High School Students' Engagement. In: *Journal of Education and Information Technologies*, 27, 6869–6891. DOI: 10.1007/s10639-021-10879-4.
12. Bach, A. & Thiel, F. (2024). Collaborative Online Learning in Higher Education – Quality of Digital Interaction and Associations with Individual and Group-Related Factors. In: *Frontiers in Education*, 9. UR: <https://www.frontiersin.org> (accessed: 10.10.2025). DOI: 10.3389/feduc.2024.1356271.
13. Sergeev, S. F. (2022). Methodological Problems of Engineering Psychology and Ergonomics of the Technogenic World. In: *Psychological Journal*, 43 (3), 25–33. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920020493-8> (in Russ.).
14. Rezer, T. M. & Sinyakova, M. G. (2023). Attitudes Towards Uncertainty of Modern Students in the Post-COVID Digital Transformation of Higher Education. In: *Human Psychology in Education*, 5 (1), 114–123. DOI: 10.33910/2686-9527-2023-5-1-114-123.
15. Anisimov, A. Yu., Aleksakhin, A. N., Aleksakhina, S. A., Baytimerova L. S. (2024). Adaptation of Pedagogical Technologies to the Conditions of the Digital Educational Environment. In: *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 6, 202–210. DOI: 10.37493/2307-907X.2024.6.21 (in Russ.).
16. Bezvikkonnaya, E. V., Bogdashin, A. V. & Portnyagina, E. V. (2022). Adaptation of Young Specialists in the Context of Digitalization. In: *Labor Economics*, 9 (11), 1797–1812. DOI: 10.18334M.9.11.116504 (in Russ.).
17. Solenaya, O. A. & Yakovleva, A. A. (2023). The Problem of Presenting the Term “Digitalization”: Domestic and Foreign Experience. In: *The Culture and Nature of Political Power: Theory and Practice*. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University publ., 289–293 (in Russ.).
18. Patrakov, E. V. (2021). Digital Transformation of the Subject of Labor: Social Interactions, Concepts, and Research Prospects. In: *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 27, 2, 66–73. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-2-66-73 (in Russ.).
19. Akimova, A. Yu. (2020). *Human Trust and Distrust in Technology: Socio-Psychological Approach*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS publ. (in Russ.).
20. Soldatova, G. U., Nestik, T. A. & Rasskazova, E. I. (2021). Psychodiagnostics of Technophobia and Technophilia: Development and Testing of a Questionnaire on Attitudes Toward Technology for Adolescents and Parents. In: *Social Psychology and Society*, 12, 4, 170–188. DOI: 10.17759/sps.2021120410 (in Russ.).
21. Nestik, T. A. & Zhuravlev, A. L. (2020). *A Person in the Context of Global Risks: Social and Psychological Analysis*. Moscow: Institute of Psychology of the RAS publ. DOI: <https://doi.org/10.38098/soc.2020.88.75.001> (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Патраков Эдуард Викторович (г. Екатеринбург) – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий учебной лабораторией Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

ORCID: 0000-0001-7564-9136; e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Литовченко Александр Николаевич (Екатеринбург) – ассистент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

ORCID: 0009-0007-2859-7768; e-mail: a.n.litovchenko@urfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Eduard V. Patrakov (Ekaterinburg) – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Head of the Educational Laboratory, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;

ORCID: 0000-0001-7564-9136; e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru

Alexander N. Litovchenko (Ekaterinburg) – Assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin;

ORCID: 0009-0007-2859-7768; e-mail: a.n.litovchenko@urfu.ru

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-113-121

ДРУЖБА ПОДРОСТКОВ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Сорокоумова Г. В.

Нижегородский государственный лингвистический университет, г. Нижний Новгород,

Российская Федерация

e-mail: galsors@mail.ru

Поступила в редакцию 15.10.2025

После доработки 27.10.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Аннотация

Цель статьи – теоретический анализ зарубежной и отечественной психолого-педагогической литературы по проблеме межличностных отношений и дружбы в цифровую эпоху.

Процедура и методы. Проанализированы исследования, изучающие ведущие виды деятельности в подростковом возрасте, роль дружбы современных подростков как фактора позитивной социализации, связь дружбы с личностными особенностями подростков, новые социальные феномены (net-дружба, виртуальная идентичность, феномен социальных сетей в Интернете и др.), особенности онлайн-дружбы как инструмента социализации.

Результаты. Сделаны выводы о необходимости исследовать взаимосвязи дружбы подростков и их опыта участия в кибербуллинге, дружбу подростков как протективный фактор вовлечённости в цифровое самоповреждающее поведение (Digital self-harm); разрабатывать профилактические программы, направленные на формирование глубокой, эмоционально насыщенной дружбы.

Теоретическая и/или практическая значимость статьи заключается в раскрытии потенциала подростковой дружбы и необходимости исследований влияния дружбы на социализацию и психологическое благополучие современных подростков.

Ключевые слова: дружба подростков, цифровая социализация подростков, профилактика цифровых девиаций

Для цитирования: Сорокоумова Г. В. Дружба подростков в цифровую эпоху: постановка проблемы // Психологические науки. 2025. № 4. С. 113–121. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-113-121>

Original research article

TEENAGE FRIENDSHIP IN THE DIGITAL ERA: PROBLEM STATEMENT

G. Sorokoumova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

e-mail: galsors@mail.ru

Received by the editorial office 15.10.2025

Revised by the author 27.10.2025

Accepted for publication 30.10.2025

Abstract

Aim. To theoretically analyze foreign and domestic psychological and pedagogical literature on the problem of interpersonal relationships and friendship in the digital era.

Methodology. The article analyzes studies on the leading activities of adolescents, the role of friendship in modern adolescents as a factor of positive socialization, the relationship between friendship and personality traits of adolescents, new social phenomena (Net-friendship, virtual identity, the phenomenon of social networks on the Internet, etc.), and the features of online friendship as a tool for socialization.

Results. Conclusions are drawn about the need to investigate the relationship between adolescent friendship and their experience of participating in cyberbullying, adolescent friendship as a protective factor of involvement in digital self-harm, and to develop preventive programs aimed at forming deep, emotionally intense friendships.

Research implications. Potential of adolescent friendship and the need to study the impact of friendship on the socialization and psychological well-being of modern adolescents are revealed.

Keywords: friendship of teenagers, digital socialization of teenagers, prevention of digital deviations

For citation: Sorokoumova, G. V. (2025). Teenage Friendship in the Digital Era: Problem Statement. In: *Psychological Sciences*, 4, 113–121. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-113-121>

ВВЕДЕНИЕ

Изучение влияния цифровых технологий на межличностные отношения современных подростков чрезвычайно важно и актуально для теоретического исследования и практического применения.

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме межличностных отношений современных подростков позволил увидеть, что потребность в принадлежности присуща всем людям и является фундаментальной человеческой мотивацией, врождённым качеством, имеет эволюционную основу. По мнению Р. Баумейстер, М. Р. Лири, в результате эволюционного отбора сформировались механизмы, которые объединяют отдельных людей в социальные группы и позволяют им выстраивать длительные отношения: склонность ориентироваться на других представителей своего вида, склонность испытывать эмоциональный дискомфорт при отсутствии социальных контактов или отношений, а также склонность испытывать удовольствие или положительные эмоции от социальных контактов и родственных связей. Отсутствие чувства принадлежности, как считают исследователи, – это серьёзная

депривация, которая вызывает множество негативных последствий [1].

Спецификой современной ситуации является появление новых проблем, связанных с межличностными отношениями и дружбой подростков. Эти новые социальные феномены пока недостаточно изучены в силу разных объективных и субъективных причин.

Потенциал педагогических воздействий и психологических вмешательств, основанный на понимании особенностей дружбы подростков в цифровую эпоху, весьма значителен. Дружба может выступать фактором позитивной социализации современных подростков, защищая от негативных влияний цифровой среды и снижая риски асоциального и деструктивного поведения. Для решения многих вопросов безопасности образовательной среды необходимо исследовать взаимосвязи дружбы подростков и новые социальные феномены: влияние дружбы на участие в кибербуллинге, дружбу подростков как протективный фактор вовлечённости в цифровое самоповреждающее поведение (Digital self-harm) и др.

Цель статьи – теоретический анализ зарубежной и отечественной психолого-

педагогической литературы по проблеме межличностных отношений и дружбы в цифровую эпоху для профилактики цифровых девиаций.

ДРУЖБА КАК ВЕДУЩИЙ ТИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В психологической литературе существуют различные точки зрения на ведущую деятельность в подростковом возрасте: «интимно-личностное общение» по Д. Б. Эльконину и Т. В. Драгуновой, «общественно-полезная деятельность» по Д. И. Фельдштейну, «общественно-значимая деятельность» по В. В. Давыдову, референтно-значимая деятельность по С. А. Беличевой, «проектная деятельность» по К. Н. Поливановой, «социально-психологическое экспериментирование» по Г. А. Цукерману, как комплекс видов деятельности по О. В. Лишину (с социальной актуальностью, демонстративностью, ориентацией на внешнего зрителя, насыщенностью общением, удовлетворённостью процессом) [2]. Однако большинство исследователей принимают точку зрения Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой о том, что ведущей деятельностью в подростковом возрасте является интимно-личностное общение и именно дружба со сверстниками занимает особое место в межличностных отношениях подростков [2].

Так, по мнению Н. В. Терехиной, дружба является одним из ведущих видов деятельности в подростковом возрасте, т. к. отвечает всем необходимым условиям: это деятельность, в которой у подростка развиваются собственная система взглядов, ценностей, морально-этических представлений и идеалов и стремление им следовать и их отстаивать; это деятельность, которая способствует самообразованию и самосовершенствованию; это деятельность, способствующая самоидентификации и презентации себя как полноценного представителя своего пола и своей группы, способствующая призна-

нию со стороны значимой группы людей. Дружба оказывает на развитие подростка наибольшее влияние, существенным образом определяя становление его личности, развитие интеллекта, полоровевую идентификацию, приводит к формированию позиции социально зрелого члена общества [3].

Дружба в подростковом возрасте оказывает влияние на полноценное развитие, психологическое благополучие, адаптацию и др. [3; 4; 5].

Как считают А. Йу, Дж. И. Беллмор, подростки, имеющие надёжных и верных друзей, более адаптированы, отличаются хорошим уровнем эмоциональной регуляции и академической успешностью [5]. Отсутствие опыта полноценной дружбы, напротив, приводит к росту агрессивных реакций, развитию виктимного поведения и асоциальности [6]. Исследования Д. М. Каспер, Н. А. Кард, К. Барлов показали, что наличие хороших друзей и прочные связи с ними снижают уровень травмирующих эффектов в случаях насилия, агрессии, буллинга [7].

В исследовании Е. Н. Волковой, Г. В. Сорокоумовой доказано, что дружба современных подростков выступает фактором позитивной социализации современных подростков, защищая от негативных влияний цифровой среды и снижая риски асоциального и деструктивного поведения. Настоящая, полноценная дружба подростков связана с высоким уровнем психологического благополучия, удовлетворением базовых психологических потребностей в автономности, связанности и компетентности, она обеспечивает личностное развитие и самоопределение в подростковом возрасте, низкий уровень проблем и трудностей во взаимоотношениях со сверстниками, способствует просоциальному поведению и эмоциональной саморегуляции [8].

Дружба детей и подростков влияет на психическое здоровье не только в краткосрочной перспективе, но и в более старшем возрасте. Исследование К. Сакии,

П. Суркан, Э. Фомбонн, А. Шоле, М. Мельхиор показало, что молодые люди, у которых не было друзей детства, имели более высокие шансы на психологические трудности, чем те, у кого был хотя бы один друг, т. е. социальные отношения в подростковом возрасте могут иметь последствия для психологического благополучия во взрослом возрасте [9].

Исследование С. Мастен, Э. Тельцер, А. Фулиньи, М. Либерман, Н. Айзенбергер показало, что проведение большего количества времени с друзьями в подростковом возрасте связано с меньшей активностью в областях мозга, отвечающих за негативные эмоции в более старшем возрасте [10].

Исследования отечественных и зарубежных авторов обнаружили связь дружбы с личностными особенностями подростков.

В исследовании Р. Маундер, К. П. Монкс отношения со сверстниками положительно связаны с самооценкой и с идентификацией со сверстниками и школой. По мнению исследователей, наиболее значима взаимность дружбы [11].

Н. Драйберг, Э. Понат, В. Буковски, М. Диркс изучали связи между агрессией, настойчивостью, просоциальным поведением и качествами дружбы. Исследование 22657 детей и подростков показало, что агрессия связана с более отрицательными качествами дружбы, просоциальное поведение – с более позитивными качествами дружбы [12].

Х. Ченг, А. Фернхэм исследовали отношения со сверстниками, уверенность в себе и успеваемость в школе с самооценкой счастья (OHI) и одиночества (UCLA LS) у подростков. Оказалось, что экстраверсия и нейротизм являются прямыми предикторами счастья и уверенности в себе, в то время как психотизм и экстраверсия являются прямыми предикторами одиночества. Самооценка успеваемости в школе является единственным прямым предиктором счастья. Общая уверенность и социальные взаимодействия

связаны с самооценкой одиночества подростков [13].

Согласно полученным результатам М. Ю. Эрдогду, качественные показатели подростковой дружбы положительно коррелируют с контролем импульсивности, достижениями, демократическим стилем воспитания и гендерной принадлежностью учеников. Самыми сильными предикторами качества дружбы выступили демократический стиль воспитания, контроль импульсивности, достижения и гендерная принадлежность. Важным фактором, определяющим качество дружбы, является демократический стиль воспитания и семья, которая несёт ответственность за выбор друзей своих детей [14].

По результатам эмпирического исследования Н. В. Власовой, Е. Л. Буслаевой выявлено, что подростки с высоким уровнем киберагgressии и кибервиктимности обладают низким уровнем эмоциональной устойчивости и самообладания, экстернальным локус контролем, сниженной интернальностью в межличностных отношениях.

Наиболее характерными чертами подростков с высоким уровнем киберагgressии являются: стремление к доминированию, пренебрежение моральными нормами, авантюризм, сниженный уровень общей саморегуляции, самоконтроля и сензитивности, а также высокая степень внутреннего эмоционального напряжения. Подросткам с высокой степенью кибервиктимности присущи: высокий уровень групповой зависимости и низкая интернальность в области неудач, сниженная самооценка и повышенная тревожность [15].

ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ ДРУЖБЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С развитием Интернета и социальных сетей появились новые способы межличностных отношений. Сегодня межличностные отношения подростков, по мнению В. Г. Каменской, в большей степени

локализованы в виртуальной реальности и опосредованы цифровыми технологиями и устройствами [16]. Подростковая дружба претерпела существенные изменения. «Быстро развивающаяся природа «социальных сетей» означает, что мы можем постоянно «быть на связи» с миром, а мир «на связи» с нами способами, о которых раньше и не мечтали» [17, с. 141].

Взаимодействие в сети и появление новых социальных феноменов (net-дружба, виртуальная идентичность, феномен социальных сетей в Интернете), обладают большим, разнообразным и безграничным потенциалом социальных значений, которые делают возможным использование различных практик самопредставления через символическое обозначение. Благодаря этому, у подростков одновременно существует две реальности: виртуальная и обыденная. В ценностном плане они представляют единое пространство жизни. Например, net-дружба упраздняет влияние различных физических и социальных ограничений во взаимодействии, различий в месте проживания и социальном статусе, делает общение подростка более лёгким и непринуждённым. Net-дружба – это особые отношения, основанные на взаимных интересах, потребности в моральной поддержке, а также в остром желании быть услышанным и понятым, которые существуют исключительно благодаря электронным средствам коммуникации. Относительная анонимность и дистантность общения рождают в сознании подростка ощущение безопасности и снимают физические (телесные маркёры, внешняя привлекательность) и социальные (необходимость следования установленным нормам или контексту взаимодействия) ограничения в самораскрытии. В исследовании А. В. Щекотурова основными мотивами завязывания дружбы в Интернете стали: создание своего круга доверия и определение себя частью молодёжного сообщества; закрепление знакомства или дружбы, которые возникли в реальности;

желание научиться дружить. Причём девушки больше склонны к разговорам с net-друзьями о любовных переживаниях, секретах, поддержании социальных отношений, а в центре внимания мальчиков развлечения и установление новых контактов. По мнению А. В. Щекотурова, net-дружба отличается отсутствием обязательств перед своим «другом», возможностью каждому выбирать время и тему общения, когда столкновение точек зрения может закончиться не выяснением отношений, а сохранением *status quo* [18].

Вместе с тем, как считают Г. У. Солдатова, О. И. Теславская, феномен виртуального друга занимает одно из ключевых мест в системе межличностных отношений современного подростка. Виртуальному взаимодействию подростки приписывают более высокий уровень осведомлённости и компетентности, особенно в вопросах интимного характера: виртуальные друзья выступают в роли «случайных попутчиков», с их помощью подростки удовлетворяют потребности в близком общении, вплоть до интимного [2].

Д. Тапскотт исследовала поколение «цифровых аборигенов» (первых, кто имел возможность интернет-общения), подчёркивая, что онлайн-дружба для подростков стала инструментом глобальной социализации. Она отмечает: «Они не разделяют мир на онлайн и офлайн. Для них это единое пространство, где друзья – это те, с кем они делятся мемами, играют и переписываются» [19]. Исследователь отмечает появления феномена гибкости идентичности: подростки экспериментируют с аватарами и никами, что позволяет им преодолевать социальные барьеры. Также автор выделяет риски зависимости от виртуального одобрения (так называемая «лайк-экономика») [19].

Появился термин Socio-Digital Engagement (SDP) – социально-цифровая причастность. М. Крускопф, К. Хаккарайнен, С. Ли, К. Лонка делают вывод о том, что общение в социально-цифровых сетях чаще всего основано на общих интересах

и географически шире, чем общение, основанное на дружбе [20].

По мнению Л. Бонетти, М. Кэмпбелл и Л. Гилмор, дети и подростки, сообщавшие о чувстве одиночества, значимо чаще обсуждали в интернете личные и интимные темы по сравнению с теми, кто не испытывал одиночества. Они также чаще использовали онлайн-общение для компенсации недостаточных социальных навыков с целью знакомства с новыми людьми. Полученные данные позволяют предположить, что использование интернета помогает им удовлетворять ключевые потребности в социальном взаимодействии, самораскрытии и исследовании идентичности [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, анализ исследований зарубежных и отечественных исследований по проблеме дружбы современных подростков позволил сделать следующие выводы:

1. Сегодня межличностные отношения подростков в значительной мере локализованы в виртуальной реальности и опосредованы цифровыми технологиями и устройствами. Подростковая дружба претерпевает существенные изменения.

2. Дружеские отношения современных подростков, также, как и у их предшественников, основаны на принципах помощи, доверия, эмоциональной привязанности. Выраженность именно этих компонентов свидетельствует о настоящей дружбе в подростковом возрасте, при этом эмоциональная привязанность в дружбе особенно цenna для подростков. Пrijательство, компанейство также важны подросткам, а конфликты и ссоры рассматриваются как характеристики противоположных дружбе отношений. Высокой ценностью также является наличие лучшего друга и достаточное количество друзей и знакомых.

3. Дружба в подростковом возрасте выступает фактором позитивной социализации современных подростков, защищая от негативных влияний цифровой

среды и снижая риски асоциального и деструктивного поведения. Настоящая, полноценная дружба подростков связана с высоким уровнем психологического благополучия, удовлетворением базовых психологических потребностей, она обеспечивает личностное развитие и самоопределение в подростковом возрасте, низкий уровень проблем и трудностей во взаимоотношениях со сверстниками, способствует просоциальному поведению и эмоциональной саморегуляции.

4. Виртуальный мир становится всё более важным для дружбы и социального развития, особенно подростков. Подростки считают успешность функционирования в виртуальной среде повседневностью и свидетельством собственной состоятельности. Качество дружбы оказывает наибольшее влияние на психологическое благополучие. Подростки с качественными дружескими связями имеют наивысшие показатели благополучия, в то время как дефицит дружбы приводит к низким значениям благополучия. Это подчёркивает важность дружбы для позитивной социализации подростков.

5. Специфика развития ценностно-смысловой сферы подростков, его убеждений, содержания устойчивости этих убеждений может быть различной по своей направленности: признавая ценность дружбы как таковой, подростки могут совершать различные действия асоциального и даже криминального характера под влиянием представлений о ценности дружбы. Целесообразно исследовать взаимосвязи характеристик дружбы подростков и их опыта участия в кибербуллинге. По нашему мнению, дружба может выступать как провокативным, так и протективным фактором кибербуллинга. Также важно исследовать дружбу подростков как протективный фактор вовлечённости в цифровое самоповреждающее поведение (Digital self-harm).

6. Потенциал педагогических воздействий и психологических вмешательств, основанный на понимании особенностей

дружбы подростков в цифровую эпоху, весьма значителен. Дружба может выступать фактором позитивной социализации современных подростков, защищая от негативных влияний цифровой среды и снижая риски асоциального и деструктивного поведения. Дружба оказывает протективный эффект только при эмоциональной насыщенности. Качественные дружеские связи выполняют протективную функцию, способствуя снижению агрессивного поведения, уменьшению негативных эмоциональных последствий, активному поиску социальной поддержки.

Профилактические программы должны учитывать выявленные изменения в межличностных отношениях и быть направлены на развитие глубины дружеских отношений подростков, формирование адаптивных стратегий совладания, коррекцию дезадаптивных паттернов

онлайн-поведения. Важно разрабатывать новые технологии обучения цифровой грамотности, которые будут формировать не только навыки, но и учить этике онлайн-взаимодействия, грамотному общению и коммуникации в цифровой среде. Важно обучать подростков безопасному и ответственному использованию цифровой среды. Целесообразно разработать модуль «Феномены цифровой социализации и цифровые девиации современных подростков», включив в него отдельный раздел «Дружба подростков в цифровую эпоху»; включить этот модуль в программу подготовки психологов образования и курсы повышения квалификации педагогов-психологов. Также предлагаемый модуль можно включить в курсы повышения квалификации по формированию воспитательной компетенции педагогов-предметников и классных руководителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baumeister R. F., Leary M. R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // *Psychological Bulletin*. 1995. № 117 (3). P. 497–529. DOI: 10.1037/0033-2909.117.3.497.
2. Солдатова Г. У., Теславская О. И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 3 (31). С. 12–22. DOI:10.11621/npj.2018.0302.
3. Терехина Н. В. Ведущая деятельность подросткового возраста с точки зрения основных задач развития // *Психологическая наука и образование*. 2010. № 15 (5). С. 43–51.
4. Bonetti L., Campbell M., Gilmore L. The Relationship of Loneliness and Social Anxiety with Children's and Adolescents' Online Communication // *CyberPsychology, Behavior, and Social Networking*. 2010. Vol. 13. № 3. P. 279–285. DOI:10.1089/cyber.2009.0215.
5. You J. I., Bellmore A. Relational peer victimization and psychosocial adjustment: The mediating role of best friendship qualities // *Personal Relationships*. 2020. № 19 (2). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com> (дата обращения: 10.05.2025). DOI: 10.1111/j.1475-6811.2011.01365.x.
6. Casper D. M., Card N. A. Overt and relational victimization: A meta-analytic review of their overlap and associations with social-psychological adjustmen. *Child Development*. 2017. № 88 (2). Pp. 466–483. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12621>.
7. Casper D. M., Card N. A., Barlow C. Relational aggression and victimization during adolescence: A meta-analytic review of unique associations with popularity, peer acceptance, rejection, and friendship characteristics // *Journal of Adolescence*. 2020. № 80. P. 41–52. DOI:10.1016/j.adolescence.2019.12.012.
8. Волкова Е. Н. Сорокумова Г. В. Роль и место дружбы в психологическом благополучии современных подростков // *Мир психологии*. 2025. № 4.
9. Childhood friendships and psychological difficulties in young adulthood: an 18-year follow-up study / K. .Sakyi, P. J. Surkan, E. Fombonne, A. Chollet, M. Melchior // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2015. № 24 (7).P. 815–826. DOI: 10.1007/s00
10. Time spent with friends in adolescence relates to less neural sensitivity to later peer rejection / C. L. Masten, E. H. Telzer, A. J. Fuligni, M. D. Lieberman, N. I. Eisenberger // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2012. № 7 (1). P. 106–114. DOI: 10.1093/scan/nsq098.

11. Maunder R, Monks C. P. Friendships in middle childhood: Links to peer and school identification, and general self-worth // *The British Journal of Developmental Psychology*. 2019. № 37 (2). P. 211–229. DOI: 10.1111/bjdp.12268.
12. Associations between interpersonal behavior and friendship quality in childhood and adolescence: A meta-analysis / N. S. J. Dryburgh, E. Ponath, W. M. Bukowski, M. A. Dirks // *Child Development*. 2022. № 93 (3). P. 332–347. DOI: 10.1111/cdev.13728. Epub 2021 Dec 29. PMID: 34964484.
13. Cheng H., Furnham A. Personality, peer relations, and self-confidence as predictors of happiness and loneliness // *The Journal of Adolescent Health*. 2002. № 25 (3). P. 327–339. DOI: 10.1006/jado.2002.0475. PMID: 12128043.
14. Erdogan M. Yu. Roles of Achievement, Impulse Control, Gender, and Democratic Parenting as Predictors of Friendship Quality Among Students // *Social Psychology and Society*. 2022. № 13 (1). P. 174–188. DOI: 10.17759/sps.2022130111.
15. Власова Н. В., Буслаева Е. Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва // *Психология и право*. 2023. № 13 (3). С. 56–71. DOI: 10.17759/psylaw.2023130305.
16. Каменская В. Г., Томанов Л. В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // *Экспериментальная психология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 139–159. DOI: 10.17759/exppsy.2022150109.
17. Healy M. Keeping company: Educating for online friendship. *British Educational Research Journal*. 2021. Vol. 47. № 2. P. 484–499. DOI: 10.1002/berj.3673 <https://doi.org/10.1002/berj.3673>.
18. Шекотуров А. В. Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2013. № 3. С. 441–445.
19. Tapscott D. *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World*. NY: McGraw-Hill, 2022. 385 p.
20. Kruskopf M., Hakkarainen K., Li S. Lessons learned on student engagement from the nature of pervasive socio-digital interests and related network participation of adolescents // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2020. № 37. Iss. 2. P. 521–541. DOI: 10.1111/jcal.12506.

REFERENCES

1. Baumeister, R. F., Leary, M. R. (1995). The Need to Belong: The Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation. In: *Psychological Bulletin*, 117 (3), 497–529. DOI: 10.1037/0033-2959.117.3.497.
2. Soldatova, G. Yu. & Teslavskaya, O. I. (2018). Features of Interpersonal Relationships of Young Adolescents on Social Networks. In: *National Psychological Journal*, 3 (31), 12–22. DOI: 10.11621/npj.2018.0302 (in Russ.).
3. Terekhova, N. V. (2010). Leading Activities of Adolescence from the Point of View of the Main Tasks of Development. In: *Psychological Science and Education*, 15 (5), 43–51 (in Russ.).
4. Bonetti, L., Campbell, M. & Gilmore, L. (2010). The Relationship of Loneliness and Social Anxiety with Children's and Adolescents' Online Communication. In: *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networks*, 13, 3, 279–285. DOI: 10.1089/cyber.2009.0215.
5. Yu, J. I. & Bellmore, A. (2020). Peer Victimization and Psychosocial Adjustment: The Mediating Role of Best Friendship Qualities. In: *Personal Relationships*, 19 (2). URL: <https://onlinelibrary.wiley.com> (accessed: 10.05.2025). DOI: 10.1111/j.1475-6811.2011.01365.x.
6. Kasper, D. M. & Card, N. A. (2017). Overt and Interpersonal Victimization: A Meta-Analytic Review of Their Intersections and Links with Social and Psychological Adjustment. In: *Child Development*, 88 (2), 466–483. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12621>.
7. Kasper, D. M., Card, N. A., Barlow, K. (2020). Interpersonal Aggression and Victimization in Adolescence: A Meta-Analytic Review of Unique Links with Characteristics of Popularity, Peer Acceptance, Rejection, And Friendship. In: *Journal of Adolescence*, 80 (41–52). DOI: 10.1016/j.adolescence.2019.12.012.
8. Volkova, E. N. & Sorokoumova, G. V. (2025). The Role and Place of Friendship in the Psychological Well-Being of Modern Youth. In: *World of Psychology*, 4 (in Russ.).
9. Saki, K. S., Surkan, P. J., Fombonne, E., Chollet, A., Melchior M. (2015). Childhood Friendship and Psychological Difficulties in Adolescence: An 18-Year Follow-Up Study. In: *European Child and Adolescent Psychiatry*, 24 (7), 815–826. DOI: 10.1007/s00

10. Masten, K. L., Telzer, E. H., Fuligni, A. J., Liberman, M. D. & Eisenberger N. D. (2012). Time Spent with Friends in Adolescence is Associated with Lower Neural Sensitivity to Later Peer Rejection. In: *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 7 (1), 106–114. DOI: 10.1093/scan/nsq098.
11. Maunder, R. & Monks, K. P. (2019). Friendship In Middle Childhood: Relationships to Peer and School Identification, and Global Self-esteem. In: *British Journal of Developmental Psychology*, 37 (2), 211–229. DOI: 10.1111/bjdp.12268.
12. Dryburgh N. S. J., Ponath, E., Bukowski, V. M. & Dirks, M. A. (2022). The Association Between Interpersonal Behavior and Friendship Quality in Childhood and Adolescence: A Meta-Analysis. In: *Child Development*, 93 (3), 332–347. DOI: 10.1111/cdev.13728.
13. Cheng, H. & Furnham, A. (2002). Personality, Peer Relationships, and Self-Confidence as Predictors of Happiness and Loneliness. In: *Journal of Adolescent Health*, 25 (3), 327–339. DOI: 10.1006/jado.2002.0475. PMID: 12128043.
14. Erdogdu, M. Yu. (2022). The Role of Academic Achievement, Impulse Control, Gender, and Democratic Education as Predictors of Friendship Quality among Students. In: *Social Psychology and Society*, 13 (1), 174–188. DOI: 10.17759/sps.2022130111.
15. Vlasova, N. V. & Buslaeva, E. L. (2023). Cyberbullying in Adolescence: Aggressor and Victim. In: *Psychology and Law*, 13 (3), 56–71. DOI: 10.17759/psylaw.2023130305 (in Russ.).
16. Kamenskaya, V. G. & Tomanov, L. V. (2022). Digital Technologies and Their Impact on Children's and Adolescents' Social and Psychological Characteristics. In: *Experimental Psychology*, 15, 1, 139–159. DOI: 10.17759/exppsy.2022150109 (in Russ.).
17. Healy, M. (2021). Keeping Company: Teaching Online Friendship. In: *British Journal of Educational Research*, 47, 2, 484–499. DOI: 10.1002/berj.3673 <https://doi.org/10.1002/berj.3673>.
18. Shchekoturov, A. V. (2013). Net-Friendship Ultimately Constructed the Similarity of Adolescent Identity. In: *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3, 441–445 (in Russ.).
19. Tapscott, D. (2022). *Growing Up Digital: How the Internet Generation is Changing Your World*. New York: McGraw-Hill publ., 385 p.
20. Kruskopf, M., Hakkarainen, K. & Lee, S. (2020). Lessons in Student Engagement from the Nature of Common Social-Digital Interests and Associated Online Participation in Adolescents. In: *Journal of Computer-Based Learning*, 37, 2, 521–541. DOI: 10.1111/jcal.12506.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокумова Галина Вениаминовна (г. Нижний Новгород) – доктор психологических наук, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков, педагогики и психологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова (НГЛУ);

ORCID: 0000-0002-5246-5200; e-mail: galsors@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Sorokoumova (Nizhny Novgorod) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Foreign Language Teaching Methods, Pedagogy, and Psychology, Linguistics University of Nizhny Novgorod; ORCID: 0000-0002-5246-5200; e-mail: galsors@mail.ru

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Научная статья

УДК 159.99

DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-122-135

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ, ТРУДОУСТРОЙСТВО ВЕТЕРАНОВ И ВЫБОР ПРОФЕССИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Левковская Н. А.

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: natalie-peregudova@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2025

После доработки 23.10.2025

Принята к публикации 05.11.2025

Аннотация

Цель. Провести аналитический обзор современных зарубежных исследований по теме социально-психологической реабилитации, трудоустройства ветеранов и выбора гражданской профессии.

Процедура и методы. Основным исследовательским методом стал аналитический обзор источников за прошедшие пять лет с ключевым словом «ветераны» в Национальной медицинской библиотеке США.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в зарубежной литературе опубликован значительный объём исследований, касающихся вопросов адаптации к гражданской жизни, трудоустройства и влияния занятости на психологическое благополучие ветеранов. Однако имеется дефицит практико-ориентированных исследований.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в обобщении зарубежных исследований для дальнейшего изучения и использования их в интересах отечественной науки. Практическое значение имеет учёт зарубежного опыта при разработке научных и методических решений по теме реабилитации и трудоустройства участников СВО.

Ключевые слова: адаптация к гражданской жизни, аналитический обзор, ветераны, зарубежные исследования, социально-психологическая реабилитация, трудоустройство, участники СВО

Для цитирования: Левковская Н. А. Социально-психологическая реабилитация, трудоустройство ветеранов и выбор профессии: аналитический обзор зарубежных исследований // Психологические науки. 2025. № 4. С. 122–135. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-122-135>

Original research article

SOCIAL PSYCHOLOGICAL REHABILITATION, EMPLOYMENT OF VETERANS AND CAREER CHOICE: AN ANALYTICAL REVIEW OF FOREIGN RESEARCH

N. Levkovskaya

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

e-mail: natalie-peregudova@mail.ru

Received by the editorial office 10.10.2025

Revised by the author 23.10.2025

Accepted for publication 05.11.2025

Abstract

Aim. To conduct an analytical review of modern foreign research on the topic of social psychological rehabilitation, employment of veterans, and the choice of a profession.

Methodology. The primary research method was an analytical review of sources for the past five years with the keyword “veterans” in the USA National Library of Medicine.

Results. A literature review revealed that most of the foreign research focuses on adaptation to civilian life, employment, and the impact of employment on veterans’ psychological well-being. However, there is a lack of practice-oriented research.

Research implications. The theoretical significance lies in the synthesis of international research for further study and application to Russian science. Practical importance consists in the consideration of international experience in the development of scientific and methodological solutions for the rehabilitation and employment of Special military operation participants.

Keywords: adaptation to civilian life, analytical review, veterans, foreign studies, social and psychological rehabilitation, employment, participants of the Special military operation

For citation: Levkovskaya, N. A. (2025). Social Psychological Rehabilitation, Employment of Veterans and Career Choice: An Analytical Review of Foreign Research. In: *Psychological Sciences*, 4, 122–135. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2025-4-122-135>

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня поддержка участников СВО и членов их семей является важнейшей государственной и общественной задачей, включающей трудоустройство, которое должно быть ориентировано на имеющиеся потенциалы человека, интересы семьи и социума. Принимая во внимание численность участников СВО (более 700 тыс. человек находится на линии соприкосновения в сентябре 2025 г.¹, и 137 тыс. уже вернулись домой²), решение

этих задач требует системных решений, включающих разработку и внедрение новых подходов к профессиональной ориентации, обучению и трудоустройству. Сложность определяется масштабностью задачи, требующей участия органов федеральной, региональной и муниципальной власти, науки и образования, медицинского и психологического сообщества. Предлагаемые решения должны быть научно-обоснованными, эффективными и опираться на психологические изыскания, которые позволили бы осознать и наилучшим образом использовать внутренние потенциалы каждого человека.

¹ Путин рассказал, сколько военных находится на линии боесоприкосновения. URL: <https://clck.ru/3QyBMt> (дата обращения: 18.09.2025).

² В управлении президента рассказали о бойцах СВО, вернувшихся домой. URL: <https://ria.ru/20250919/1520000000000000000.html> (дата обращения: 19.09.2025).

0626/boets-2025553657.html (дата обращения: 19.09.2025).

Однако в современной психологической науке наблюдается существенный дефицит исследований, связанных с различными аспектами жизни ветеранов боевых действий, в частности, с тематикой социально-психологической реабилитации, в особенности, проблематикой трудоустройства человека после его возвращения к гражданской жизни.

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в советский период подобные исследования носили закрытый характер, а до недавнего времени особенности поддержки ветеранов в нашей стране системно и в требуемом масштабе не изучались в силу различных причин. Вместе с тем, вопросы трудоустройства участников СВО требуют практических решений уже сегодня, поэтому в рамках научных исследований представляется целесообразным и важным рассматривать и зарубежный опыт. Особый интерес тут представляют иностранные исследования по опыту последствий участия военнослужащих в военных конфликтах последних десятилетий. В первую очередь речь идёт о странах Ближнего Востока, в которых присутствовали значительные по численности военные иностранные контингенты НАТО и частные военные компании. В статье представлен аналитический обзор исследований на примере США, Великобритании и Австралии, т. к. эти страны имеют достаточно развитую систему поддержки ветеранов.

ОБЗОРНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ С КЛЮЧЕВЫМ СЛОВОМ «ВЕТЕРАНЫ»

Согласно официальным данным Министерства по делам ветеранов США в стране на 30.09.2023 г. проживало 18,27 млн ветеранов. Актуальные на сентябрь 2025 г. данные представлены в форме прогностической модели по состоянию на 2023 г. которые хорошо согласуются с данными модели за 2020 г. VetPop2020, согласно которой в США

проживало 18,25 млн ветеранов. При этом согласно прогнозной модели 2020–2024 гг. около 8,1 млн ветеранов (44%) относятся к так называемой Эпохе войны в Персидском заливе с 1990 гг.– по н. в., 1,1 млн (6%) – Корейской войне и 6,3 млн (34%) – Войне во Вьетнаме. По состоянию на 2023 г.: ~78% ветеранов служили в военное время, а 22% – в мирное время; 28% всех ветеранов были моложе 50 лет¹. Можно констатировать, что на сегодняшний день США обладает значимыми опубликованными научными данными в сфере реабилитационной, социальной и психологической работы с ветеранами вооружённых сил, принимавших участие в конфликтах XX в. Безусловный интерес для изучения представляют публикации за прошедшие пять лет с ключевым словом «ветераны» в Национальной медицинской библиотеке США: было зарегистрировано 64 620 публикаций.

Обращение к зарубежному опыту, очевидно, позволит улучшить качество прогнозирования и всесторонне рассмотреть сложившиеся тенденции и подходы к решению отдельных вопросов. Опыт требует изучения, осознания и использования в интересах отечественной науки.

Отметим, что основное направление исследований было связано с переживаемым ветеранами боевых действий посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), последствия которого оказывают непосредственное влияние на физическое, психическое, психологическое здоровье человека, его взаимоотношения в семье и социуме, и выполнение трудовых функций. В Национальной медицинской библиотеке США за пятилетний период зарегистрировано 6 731 публикаций с ключевыми словами «ветераны» и «стресс», что говорит о распространённости проблемы и охвата исследованиями широкого круга связанных

¹ VetPop2023: A Brief Description // U.S. Department of Veterans Affairs. URL: <https://www.data.va.gov/stories/s/xayc-j8g6> (дата обращения: 19.09.2025).

ных вопросов. Особый интерес для нас представляют публикации по вопросам трудоустройства ветеранов, по выбору новой профессии, факторов профориентации, механизмов поддержки психолого-лического и социального благополучия

ветеранов. С ключевыми словами «ветераны» и «трудоустройство» зарегистрировано 1 085 публикаций за период последних пяти лет. Статистические данные в разрезе интересующих нас ключевых слов представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

**Статистика публикаций с ключевыми словами «ветеран» и «ключевое слово» /
Statistics for publications with the keywords “veteran” and “keyword”**

№	Ключевое слово	Количество публикаций
1.	Здоровье (health)	43 995
2.	Поддержка (support)	29 372
3.	Болезни (diseases)	25 165
4.	Психиатрия (Psychiatry)	10 478
5.	Труд (labour)	10 212
6.	Интеллект (mentality)	8 465
7.	Психология (psychology)	7 910
8.	Стресс (stress)	6 731
9.	Семья (family)	6 096
10.	Социальный (social)	5 975
11.	Социализация (socialization)	5 975
12.	Ценности (values)	5 471
13.	Реабилитация (rehabilitation)	5 219
14.	Дети (children)	4 587
15.	Пол (sex)	4 340
16.	ПТСР (PTSD)	3 795
17.	Тенденции (trends)	2 827
18.	Алкоголь (alcohol)	2 751
19.	Наркотики (drugs)	2 639
20.	Молодёжь (youth)	2 319
21.	Проблемы (problems)	2 175
22.	Суицид (suicide)	2 154
23.	Дом (home)	2 042
24.	Трудоустройство (employment)	1 085
25.	Студенты (students)	1 058
26.	Профессия (profession)	664
27.	Работа (job)	281
28.	Счастье (happiness)	77
29.	Герой (hero)	28
30.	Патриотизм (Patriotism)	17

Источник: Национальная медицинская библиотека США. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 15.09.2025).

ИССЛЕДОВАНИЯ АДАПТАЦИИ ВЕТЕРАНОВ К ГРАЖДАНСКОЙ ЖИЗНИ

При возврате к гражданской жизни большинство ветеранов намерено трудоустроиться, но при этом сталкивается со множеством трудностей, связанных с необходимостью адаптации к новой социальной среде, наличием проблем с эмоциональным и психологическим здоровьем, различиями между военной и гражданской культурой. Часто ветераны при том же уровне квалификации получают условия и уровень оплаты труда ниже рынка. Изучение причин является важной проблемой психологической и социальных наук. Например, предлагается выделять пять факторов, влияющих на ветеранов в период перехода к гражданской жизни. Два хорошо изученных – пережитая травма в период службы и отличительные личностные особенности, побудившие человека выбрать военную службу. Три менее изученные, но отмечаемые как актуальные – военная социализация, угроза самостигмы и стереотипов, дискриминация по статусу ветерана [1]. В литературе за исследуемый период не было обнаружено информации о влиянии военной специальности на длительность адаптационного периода. Например, имеется информация, что военные медицинские работники также сталкиваются с проблемами адаптации к гражданской жизни, вплоть до проблем «...с расхождением в ценностях, произошедшем после окончания военной службы, что привело к перелому моменту при увольнении, за которым последовал тройной удар: неопределенность в отношении увольнения, неуверенность в новой работе и потеря самоидентификации, что повлияло на наше психологическое благополучие и требовало преодоления» [2].

Результаты исследований переходного периода австралийских ветеранов в целом соответствуют результатам американских учёных. Отмечается, что около 50% ветеранов испытывают сложности при адаптации к гражданской жизни. К

ним относятся прошедшие оперативную службу, перенёсшие травмы или уволенные по состоянию здоровья. В сельской местности ветераны чаще сталкиваются с проблемами со здоровьем и ограниченным доступом к помощи. При этом трудоустройство, волонтёрская работа и уход, социальное и общественное взаимодействие отмечаются как факторы более лёгкой адаптации и улучшения психологического здоровья [3]. Однако участие ветеранов в социальных группах может стать не только психологическим ресурсом адаптации, но порождать конфликт при различиях в нормах и убеждениях. Наличие указанной проблемы отмечается при попытках ветеранов взаимодействовать с гражданскими социальными группами, имеющими иные нормы и убеждения. Доминирующее чувство служения, альтруизм и стремление отдать долг обществу могут выступать в качестве позитивного ресурса ветерана и способствовать его социализации [4]. Указанные возможности и выявленные риски требуют внимания при планировании программ социально-психологической реабилитации ветеранов.

Анализ интервью австралийских ветеранов выявил основные проблематики: аккультурационный стресс (ассимиляция, социальные проблемы, социальная изоляция) и интегрированную идентичность (принятие, интегрированные сообщества и адаптация к гражданскому миру). Сложность интеграции гражданской и ветеранской идентичностей была ключевым препятствием для успешной реинтеграции ветеранов в гражданскую жизнь. Среди выявленных факторов аккультурационного стресса было недостаточное понимание семьёй, сообществом и врачами несовместимости военной и гражданской культур [5].

По данным зарубежных исследований, имеется специфика проблем у ветеранов, проживающих в сельской местности, отражающихся на их благополучии: ограниченный доступ к медицинской помощи,

социальная изоляция и факторы стресса окружающей среды. Была обнаружена значимая положительная связь между благополучием и показателями психического и физического здоровья. Ветераны из сельской местности с инвалидностью, полученной в ходе военной службы, продемонстрировали более низкие показатели благополучия по сравнению с теми, у кого таких инвалидностей не было. Отмечается недостаток исследований в данной области и необходимость целенаправленных мер поддержки ветеранов в сельской местности [6].

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ ТРУДОУСТРОЙСТВА И ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ У РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП ВЕТЕРАНОВ

Обзор зарубежных материалов демонстрирует, что доля ветеранов с различными проявлениями посттравматического стрессового расстройства (далее – ПТСР) достаточно велика. В ряде исследований показано, что в течение жизни симптоматика ПТСР наиболее распространена у 29% ветеранов, участвовавших в операциях «Иракская свобода» и «Несокрушимая свобода». Также приводятся данные о 24,9%-ной распространённости симптомов ПТСР в течение жизни среди австралийских ветеранов вооружённых сил [7].

Авторами зарубежных исследований принято выделять в отдельные группы ветеранов с различными психическими заболеваниями. Результаты исследований показывают, что работающие ветераны с симптомами ПТСР, с психическими заболеваниями или инвалиды испытывали более низкий уровень стресса, депрессии и более высокий уровень положительных эмоций и социальных отношений, чем неработающие ветераны. В период 2018–2022 гг. исследовались три группы: ветераны с психическими заболеваниями (N=156), ветераны с симптомами ПТСР из высшего учебного заведения (N=232) и ветераны с ОВЗ, включая психические нарушения, из высшего учебного заведе-

ния (N=129). Отмечается, что занятость играет ключевую роль в обеспечении оптимального психологического и физического здоровья ветеранов [8]. В тоже время указывается, что у ветеранов с повышенной вероятностью депрессии шансы найти работу были на 35% ниже, чем у ветеранов без депрессии. Исследование взаимосвязи трудоустройства и ПТСР на репрезентативной выборке 4 609 ветеранов вооружённых сил США показывает, что ветераны с ПТСР более чем в два раза чаще были безработными и почти в 4 раза чаще были инвалидами, по сравнению с теми, у кого не было ПТСР. Ветераны-инвалиды сообщали о более низком доходе, большем количестве заболеваний и более выраженных симптомах текущего большого депрессивного расстройства, но менее выраженных симптомах расстройства, связанного с употреблением алкоголя [9].

Обзор литературы за период 1992–2020 гг. показывает, что для ветеранов с ПТСР и другими медицинскими проблемами службы трудотерапии должны быть сосредоточены на обеспечении смысла и цели в жизни после увольнения с военной службы. Вместе с тем отмечается нехватка доказательных публикаций с оценкой эффективности используемых подходов. Детальный анализ публикаций за указанный период не входит в рамки настоящей статьи.

Представляет интерес обзор публикаций о проблеме одиночества ветеранов, имеющих ПТСР, в сравнении с другими группами населения. Отмечается, что психологическая поддержка ветеранов, направленная на их социальную реинтеграцию и вовлечённость, укрепление доверия и поддержку со стороны социальных групп, может смягчить одиночество и социальную изоляцию ветеранов с ПТСР [10].

В части трудотерапии ветеранов с ПТСР, в частности, подтверждаются основанные на теории компенсаторного контроля идеи, что люди могут искать

внешнюю структуру для контроля над своей жизнью, когда они испытывают недостаток контроля в важной жизненной сфере, а трудотерапия может помочь им в достижении цели. Когда люди ощущают более чёткую структуру в своей среде, они чувствуют себя более эффективными и более целеустремлёнными на работе [11].

Проводимый анализ научных публикаций показывает, что большая часть зарубежных исследований посвящена изучению ПТСР у ветеранов, но также встречаются и исследования других психических расстройств и форм поведения.

Суицидальные проявления

Зарубежные исследователи констатируют, что уровень самоубийств среди ветеранов за последние несколько лет достиг самого высокого пика за всю историю наблюдений: ежегодно более 6 000 ветеранов умирают в результате самоубийства, что в 1,5 раза выше, чем среди не ветеранов¹.

Социальные детерминанты здоровья (SDOHs) связаны с повышенным риском суицидального поведения, что обуславливает их изучение в группе ветеранов. Выделяют следующие детерминанты: социальная изоляция, отсутствие работы или финансовой безопасности, нестабильность жилья, юридические проблемы, препятствия для ухода, насилие, переходный период ухода и отсутствие продовольственной безопасности. Тремя показателями SDOHs с наибольшими значениями эффекта были юридические проблемы, насилие и неспецифические психосоциальные потребности [12]. Ситуативный стресс также является значимым фактором риска суицидальных исходов среди недавно уволенных ветеранов, вызванного финансовым кризисом, обращением в полицию, смертью, болезнью или травмами близких [13].

Аддиктивные и девиантные формы поведения

Немалая часть исследований описывает расстройства, связанные со злоупотреблением алкоголя, что является проблемой среди ветеранов и военнослужащих, которые используют его для снятия стресса и социализации. Приблизительно 30% самоубийств и около 20% смертей среди военнослужащих были связаны с употреблением алкоголя или наркотиков. Среди населения США в целом алкоголь является четвёртой по значимости причиной предотвратимой смерти, на долю которой приходится 31% смертельных случаев, связанных с вождением и связанных с алкогольной интоксикацией. Отмечается связь между приёмом алкоголя и наркотических средств в период службы и ветеранами в период адаптации к гражданской жизни.

Изучение проблем бездомных в США (N=6295) показало, что по сравнению с ними ветераны демонстрируют более высокие показатели тяжёлых психических заболеваний, расстройств, связанных с травмами и стрессом, расстройств личности, депрессии и расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ или алкоголя. Однако они реже чем не ветераны сообщают о расстройствах, вызванных употреблением психоактивных веществ, интоксикации, зависимости или злоупотреблении, связанных с кокаином, каннабисом, опиоидами и другими веществами [14].

Также отмечается, что включение услуг профессиональной реабилитации в программу социального жилья для бездомных ветеранов хотя и облегчает их трудоустройство, но наблюдается несоответствие между возможностями трудоустройства, предпочтениями и целями человека в отношении занятости. Занятость положительно влияет на качество жизни и восстановление. Карьерный рост, ясность цели, навыки поиска работы и саморегуляции, помимо других предикторов, были в значительной сте-

¹ Moore M. J., Shawler E., Jordan C. H., Jackson C. A. Veteran and Military Mental Health Issues. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK572092> (дата обращения: 19.09.2025).

пени связаны с полноценной занятостью. Престиж работы, статус занятости и симптомы психического здоровья также имели значительную связь с полноценной занятостью, в то время как экономические ограничения и употребление алкоголя потеряли значение в окончательной модели проведённого исследования [15].

Психические расстройства вследствие ампутации конечностей

Численность ветеранов с ампутациями растёт, что объясняется участием военнослужащих в боевых действиях. Исследования показывают, что использование протезов не связано с уровнем занятости. Вместе с тем, ампутация оказывает высокое влияние на функциональное и психосоциальное благополучие. Необходимо предложить ветеранам комплексную поддержку, которая включает в себя купирование боли, исследование собственного смысла жизни и достижений, возможностей внести личный общественный вклад, получить образование или новые навыки, получить поддержку в трудоустройстве. Ветераны с инвалидностью испытывают неудовлетворённость жизнью, худшее психическое здоровье, больше симптомов депрессии и посттравматического стрессового расстройства, финансовые трудности. Отмечается, что влияние ампутаций на человека, особенно в тяжёлых случаях, до сих пор остаётся недостаточно изученной проблемой. В период 2009–2022 гг. опубликовано лишь 17 статей с данными 12 исследований [16].

Трудоустройство и профессиональные деструкции

Одной из проблем является неполная занятость, которая обусловлена предполагаемым несоответствием между навыками, образованием и/или опытом лидерства, полученными ими во время военной службы. Исследование более 4 000 человек показало, что ~62% из них имеют не полную занятость и должны иметь лучшую работу, учитывающую их опыт руководства, навыки и образование. Среди ветеранов, имевших звание рядового со-

става, «цветных», со степенью бакалавра и имеющих симптомы ПТСР отмечается более высокая распространённость неполной занятости. Ветераны боевых подразделений отмечают свою недооцениваемость. В 2024 г. опубликованы результаты исследования, подтверждающего имеющиеся проблемы трудоустройства: ~40% ветеранов в той или иной степени согласились с тем, что их недооценивают. Данная проблема раскрывается через проведение глубинных интервью с ветеранами, в ходе которых обсуждаются различные аспекты и сложности. Проблема характерна не только для стран Запада. Например, интервью с ветеранами вооружённых сил Саудовской Аравии выявили следующие сложности. Ветераны столкнулись с трудностями при поиске работы, а некоторые с трудом выполняли простые задачи: в том числе, они не могли писать должным образом или заниматься административной работой. Считали, что на новой работе им доверяли только простые задачи, которые они уже умели выполнять: «Некоторые руководители ... недооценивают нас, поручая нам мелкие поручения ... это очень расстраивает». Именно это чувство недооценивания повлияло на уверенность в себе некоторых из них. Ветераны указывали на отсутствие собственной сети контактов для поиска работы, либо неумение подчеркнуть свои компетенции и преимущества. Недостаточность стажа работы также являлась барьером. В финансовом плане большинство беспокоилось, что их пенсии будет недостаточно для содержания семьи. Этот опыт финансовой нестабильности стал для многих первым опытом утраты контроля и породил неопределенность в отношении будущего. Чтобы начать собственное дело и быть уверенными, ветеранам требовалась финансовая поддержка и безопасность. После увольнения из армии ветераны считали себя гражданскими лицами, однако они также ожидали, что к ним будут относиться как к уважаемым ветеранам,

служившим стране, и возложат на них ответственность, сопутствующую этой роли [17].

Условия труда также являются важным компонентом физического и психологического здоровья и благополучия всех работников. Военная служба требует физических и психологических усилий, и последствия этого опыта могут проявиться у ветеранов и после перехода к гражданской жизни. Так, ветераны чаще других выбирают профессии с высоким уровнем вредных производственных факторов, следовательно, последствия военной службы могут сделать их более уязвимыми к различным рискам для здоровья. При этом здоровье ветеранов в среднем хуже, при этом речь не всегда идёт о физическом здоровье. Например, многие работают сверхурочно, что может негативно сказаться на гигиене сна и психическом здоровье.

Неожиданные результаты показало исследование STEM-профессий¹. Ветераны без высшего образования чаще работают в STEM, чем не ветераны. В то же время среди работников без высшего образования доля ветеранов выше. Причиной, по всей видимости, является то, что ~25% военных специальностей классифицируются, как связанные со STEM. Отмечается, что военная служба является одним из возможных профессиональных треков в STEM [18].

Проблематика восприятия профессий через стереотип «героя»

Широко распространённый положительный стереотип «героя», применяемый ко многим группам и профессиям, например, медсёстрам, учителям и военным, несмотря на стремление выразить признание и благодарность, потенциально имеет негативные последствия. Исследования показывают, что ярлык «героя» может влиять на убеждения о внутренних мотивах членов этих групп,

что делает их более уязвимыми для эксплуатации. Героизация усиливает ожидания того, что учителя, медсёстры и военнослужащие добровольно согласились бы на собственную эксплуатацию, и последствия героизации преследуют работников даже после перехода к новой карьере. Так существуют ожидания, что ветеран более охотно согласится на собственную эксплуатацию на своей последующей гражданской работе, при этом сопротивление политике эксплуатации будет ниже. Подчёркивается, что в конечном итоге героизация способствует ухудшению обращения с теми самыми группами, которые она призвана почитать. Несмотря на преимущественно позитивное отношение общественности к ветеранам, почитаемых героями, среди них наблюдался более высокий уровень безработицы и неполной занятости, чем среди не ветеранов. Выявлено наличие противоречий между героизацией ветеранов и повышенным уровнем безработицы и неполной занятости среди них. Существующее положение вещей обусловлено тем, что героизация побуждает американскую общественность направлять героизуемых людей и группы в ограниченный набор низкооплачиваемых работ, организаций и карьер, связанных с бескорыстием [19].

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В СИСТЕМЕ ПОДДЕРЖКИ ВЕТЕРАНОВ

Несмотря на значительное число ветеранов и бывших военнослужащих в США, наличие развитой системы поддержки ветеранов со стороны Министерства по делам ветеранов оказывает помощь: первыми к ним приходят психологи. Но на сегодняшний день специальная психологическая литература по работе с данным контингентом скучна и неорганизована.

Совершенствование систем поддержки ветеранов продолжается в разных странах. Например, в Великобритании (в 2016 г. насчитывалось 2,5 млн ветеранов) осуществляется разработка индикатора

¹ STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics)-профессии – это профессии в областях науки, технологий, инженерии и математики.

сложных потребностей для ветеранов (CNIV) для качественной интегральной оценки потребностей ветеранов на основании компонентного подхода. Рассматриваются следующие компоненты: уход на дому, долг/финансы, консультирование по охране психического здоровья, необходимая одежда, продукты питания, товары для дома, жильё, медицина, поддержка мобильности, юридическая поддержка, образование, потребности детей. Считается, что возможности скрининга и интегральной оценки позволяют выявить сложные потребности ветеранов и их семей [20].

Исследователи выделяют ветеранов со сложными проблемами в отдельную группу. Так австралийский опыт указывает на наличие у семей, ветеранов и поставщиков услуг различных сложностей с доступом к системе поддержки. При этом предпочтение отдаётся семейно-ориентированной помощи, основанной на понимании образа жизни и культуры военнослужащих [21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение опыта США и ряда стран Запада за прошедший пятилетний период позволяет сделать следующие основные выводы.

1. В научной литературе опубликован значительный объём информации, связанный с поддержкой ветеранов при их адаптации к гражданской жизни, психологической помощи и трудоустройстве. При этом отмечается, что многие вопросы до сих пор остаются не изученными, а профильным специалистам не хватает литературы по практической работе с ветеранами.

2. ПТСР является распространённой, но не единственной проблемой с которой сталкиваются ветераны. Зачастую речь идёт о комплексе взаимосвязанных проблем, обусловленных сложностями социализации, проблемами с физическим и психологическим здоровьем, недостаточной поддержкой со стороны семьи и об-

щества, проблемами с трудоустройством и финансами.

3. Проблема трудоустройства ветеранов известна, но мало изучена. При этом отмечается, что трудотерапия входит в число основных подходов при оказании психологической помощи и социализации ветеранов.

4. Большинство ветеранов сталкивается с проблемами при трудоустройстве, обусловленных несоответствием ожиданий, непониманием и неверным использованием своих личностных качеств, стереотипами работодателей, отсутствием комплексной поддержки со стороны государства.

5. Ветераны обладают уникальными личностными качествами, которые могут как помочь в гражданской жизни при соответствующей общественной и государственной поддержке, так и выступить деструктивным личностным фактором.

6. Успешность ветеранов напрямую зависит от получения достойной работы, учитывающей их личностные и профессиональные навыки. Например, в STEM-профессиях ветераны без высшего образования достигают большего успеха, чем гражданские лица.

7. Отмечается необходимость и важность разработки комплексных программ поддержки ветеранов с учётом их личностных особенностей, состояния здоровья и обстоятельств, в которых они находятся после увольнения со службы.

Констатируем, что особенный интерес для дальнейшего изучения представляет опыт США в силу следующих причин:

- наличие большого числа ветеранов, принадлежащих к различным социальным и возрастным группам;

- развитая институализированная система поддержки ветеранов;

- длительный период наблюдений, значительный объём научных исследований по различным вопросам возврата ветеранов к гражданской жизни в современных условиях.

При этом обращение к опыту других стран необходимо для проверки ги-

потез о том, являются ли наблюдаемые тенденции, эффекты и проблемы специфичными только для США или носят кросс-культурный/кросс-национальный характер.

Отметим, что напрямую зарубежный опыт навряд ли может быть нами использован, однако многие поднимаемые в иностранных научных кругах вопросы носят общий характер или являются организационными. Вместе с тем, осмысление обобщённого зарубежного опыта и начатые в нашей стране работы по решению государственной задачи по трудоустройству ветеранов СВО позволяют констатировать следующее:

1. Трудоустройство ветеранов не ограничивается лишь подбором возможных вакансий на рынке труда. Большинству из них потребуется сменить профессию, для чего необходима разработка научно-

обоснованной модели профессиональной ориентации участников СВО и её внедрение на федеральном уровне.

2. Трудоустройство каждого участника СВО требует индивидуального подхода, с учётом его личностных потенциалов, состояния физического и психологического здоровья, социальной ситуации.

3. Важнейшая роль отводится психологической науке, перед которой стоят задачи разработки подходов к социально-психологической реабилитации, профориентации и трудоустройства участников СВО.

В этой связи представляется актуальным продолжить изучение опубликованных результатов зарубежных исследований для учёта их опыта при разработке научных и методических решений в области адаптации участников СВО к гражданской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Shepherd S., Sherman D. K., MacLean A. The Challenges of Military Veterans in Their Transition to the Workplace: A Call for Integrating Basic and Applied Psychological Science // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. Vol. 16(3). P. 590–613. DOI: 10.1177/1745691620953096.
2. Whybrow D., Milligan C. Military healthcare professionals' experience of transitioning into civilian employment: A heuristic inquiry // *Work*. 2023. Vol. 76 (2). P. 663–677. DOI: 10.3233/WOR-220317.
3. Carra K., Curtin M., Fortune T. Service and demographic factors, health, trauma exposure, and participation are associated with adjustment for former Australian Defense Force members // *Military Psychology*. 2023. №35 (5). P. 480–492. DOI: 10.1080/08995605.2022.2120312.
4. Transitioning to civilian life: The importance of social group engagement and identity among Australian Defence Force veterans / A. Barnett, M. Savic, D. Forbes, D. Best, E. Sandral, R. Bathish, A. Cheetham, D. I. Lubman // *The Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2022. № 56 (8). P. 1025–1033. DOI: 10.1177/00048674211046894.
5. Miller A., Saling L. L. Acculturative stress and identity challenges undermine the successful reintegration of Australian veterans // *Psychological Services*. 2025. № 22 (3). P. 596–607. DOI: 10.1037/ser0000888.
6. Initial validation of a short version of the PERMA profiler in a national sample of rural veterans / E. Umucu, T. A. Granger, D. Pan, T. McGee, E. Han, J. Yates, J. Barnas, C. Barter, B. Lee // *Frontiers in Public Health*. 2024. № 1. P. 12–15. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1500659.
7. Kerr N. C., Ashby S., Gerardi S. M. Occupational therapy for military personnel and military veterans experiencing post-traumatic stress disorder: A scoping review // *Australian Occupational Therapy Journal*. 2020. № 67 (5). P. 479–497. DOI: 10.1111/1440-1630.12684.
8. Umucu E., Lee B. Employment and emotional well-being in veterans with mental illness // *Stress Health*. 2024. № 403. P. 33–39. DOI: 10.1002/smj.3339.
9. Fischer I. C., Schnurr P. P., Pietrzak R. H. Employment status among US military veterans with a history of posttraumatic stress disorder: Results from the National Health and Resilience in Veterans Study // *Journal of Trauma and Stress*. 2023. № 36. P. 1167–1175. DOI: 10.1002/jts.22977.
10. Exploring the Role of Social Connection in Interventions With Military Veterans Diagnosed With Post-traumatic Stress Disorder: Systematic Narrative Review / R. D. Gettings, J. Kirtley, G. Wilson-

- Menzfeld, G. E. Oxburgh, D. Farrell, M. D. Kiernan // *Frontiers in Psychology*. 2022. №13. P. 873– 885. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.873885.
11. Structure in transition: The role of structure in facilitating workplace efficacy and belonging for military veterans and civilians / W. C. Gibbs, L. Ortosky, A. MacLean, A. C. Kay, D. K. Sherman // *PLoS One*. 2025. №20 (2). P. 31–75. DOI: 10.1371/journal.pone.0317575.
  12. Associations Between Natural Language Processing-Enriched Social Determinants of Health and Suicide Death Among US Veterans / A. Mitra, R. Pradhan, R. D. Melamed, K. Chen, D. C. Hoaglin, K. L. Tucker, J. I. Reisman, Z. Yang, W. Liu, J. Tsai, H. Yu // *JAMA Network Open*. 2023. № 6 (3). P. 23–30. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2023.3079.
  13. Situational stress and suicide attempt behavior in Army soldiers and veterans: Insights from the Army Study to Assess Risk and Resilience in Servicemembers-Longitudinal Study / E. R. Edwards, B. Coolidge, D. Ruiz, G. Epshteyn, A. Krauss, D. Gorman, B. Connelly, C. Redden, P. El-Meouchy, J. Geraci // *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2023. № 53 (4). P. 642–654. DOI: 10.1111/sltb.12970.
  14. Substance Use and Psychological Distress Before and After the Military to Civilian Transition / K. J. Derefinko, T. A. Hallsell, M. B. Isaacs, F. I. Salgado Garcia, L. W. Colvin, Z. Bursac, M. E. McDevitt-Murphy, J. G. Murphy, M. A. Little, G. W. Talcott, R. C. Klesges // *Military Medicine*. 2018. № 183 (56). P. 258–265. DOI: 10.1093/milmed/usx082.
  15. Meaningful Employment Among Veterans with Co-Occurring Substance Use and Mental Health Disorders / B. J. Stevenson, A. Falcón, E. Reilly, S. D. Shirk, T. Hunt, L. Mueller // *Journal of Dual Diagnostics*. 2025. № 21 (3). P. 212–223. DOI: 10.1080/15504263.2025.2517179.
  16. Murray C. D., Havlin H., Molyneaux V. Considering the psychological experience of amputation and rehabilitation for military veterans: a systematic review and metasynthesis of qualitative research // *Disability and Rehabilitation*. 2024. № 46 (6). P. 1053–1072. DOI: 10.1080/09638288.2023.2182915.
  17. The subjective underemployment experience of post-9/11 veterans after transition to civilian work / K. E. Davenport, N. R. Morgan, K. J. McCarthy, J. A. Bleser, K. R. Aronson, D. F. Perkins // *Work*. 2022. № 72 (4). P. 1349–1357. DOI: 10.3233/WOR-210029.
  18. Werum R., Steidl C., Harcey S. Military service and STEM employment: Do veterans have an advantage? // *Social Science Research*. 2020. №92 (2). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 20.10.25). DOI: 10.1016/j.ssresearch.2020.102478.
  19. Stanley M. L., Kay A. C. The consequences of heroization for exploitation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2024. № 126 (1). P. 5–25. DOI: 10.1037/pspa0000365.
  20. Fadeeva A., Tiwari A., Mann E. A protocol for developing a complex needs indicator for veterans (CNIV) in the UK // *Oxford Handbook of Public Health Practice*. 2022. Vol. 11. P. 4–10. DOI: 10.1016/j.puhip.2022.100281.
  21. Veteran families with complex needs: a qualitative study of the veterans' support system / A. M. Maguire, J. Keyser, K. Brown, D. Kivlahan, M. Romaniuk, I. R. Gardner, M. Dwyer // *BMC Health Services Research*. 2022. № 22 (1). P. 70– 74. DOI: 10.1186/s12913-021-07368-2.

REFERENCES

1. Shepherd, S., Sherman, D. K. & MacLean A. (2021). The Challenges of Military Veterans in Their Transition to the Workplace: A Call for Integrating Basic and Applied Psychological Science. In: *Perspectives on Psychological Science*, 16 (3), 590–613. DOI: 10.1177/1745691620953096.
2. Whybrow, D. & Milligan, C. (2023). Military Healthcare Professionals' Experience of Transitioning into Civilian Employment: A Heuristic Inquiry. In: *Work*, 76 (2), 663–677. DOI: 10.3233/WOR-220317.
3. Carr, K., Curtin, M. & Fortune, T. (2023). Service and Demographic Factors, Health, Trauma Exposure, and Participation are Associated with Adjustment for Former Australian Defense Force Members. In: *Military Psychology*, 35 (5), 480–492. DOI: 10.1080/08995605.2022.2120312.
4. Barnett, A., Savic, M., Forbes, D., Best, D., Sandral, E., Bathish, R., Cheetham, A. & Lubman, D. I. (2022). Transitioning to Civilian Life: The Importance of Social Group Engagement and Identity Among Australian Defence Force Veterans. In: *The Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 56 (8), 1025–1033. DOI: 10.1177/00048674211046894.
5. Miller, A. & Saling, L. L. (2025). Acculturative Stress and Identity Challenges Undermine the Successful Reintegration of Australian Veterans. In: *Psychological Services*, 22 (3), 596–607. DOI: 10.1037/ser0000888.

6. Umucu, E., Granger, T. A., Pan, D., McGee, T., Han, E., Yates, J., Barnas, J., Barter, C. & Lee B. Initial Validation of a Short Version of the PERMA Profiler in a National Sample of Rural Veterans. In: *Frontiers in Public Health*, 1, 12–15. DOI: 10.3389/fpubh.2024.1500659.
7. Kerr, N. C., Ashby, S. & Gerardi, S. M. (2020). Occupational therapy for military personnel and military veterans experiencing post-traumatic stress disorder: A scoping review. In: *Australian Occupational Therapy Journal*, 67 (5), 479–497. DOI: 10.1111/1440-1630.12684.
8. Umucu, E. & Lee, B. (2024). Employment and Emotional Well-Being in Veterans with Mental Illness. In: *Stress Health*, 403, 33–39. DOI: 10.1002/smi.3339.
9. Fischer, I. C., Schnurr, P. P. & Pietrzak, R. H. (2023). Employment Status Among US Military veterans with a History of Posttraumatic Stress Disorder: Results from the National Health and Resilience in Veterans Study. In: *Journal of Trauma and Stress*, 36, 1167–1175. DOI: 10.1002/jts.22977.
10. Gettings, R. D., Kirtley, J., Wilson-Menzfeld, G., Oxburgh, G.E., Farrell, D. & Kiernan M. D. (2022). Exploring the Role of Social Connection in Interventions with Military Veterans Diagnosed with Post-Traumatic Stress Disorder: Systematic Narrative Review. In: *Frontiers in Psychology*, 13, 873– 885. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.873885.
11. Gibbs, W. C., Ortosky, L., MacLean, A., Kay, A. C. & Sherman, D. K. (2025). Structure in Transition: The Role of Structure in Facilitating Workplace Efficacy and Belonging for Military Veterans and Civilians. In: *PLoS One*, 20 (2), 31–75. DOI: 10.1371/journal.pone.0317575.
12. Mitra, A., Pradhan, R., Melamed, R. D., Chen, K., Hoaglin, D. C., Tucker, K. L., Reisman, J. I., Yang, Z., Liu, W., Tsai, J. & Yu, H. (2023). Associations Between Natural Language Processing-Enriched Social Determinants of Health and Suicide Death Among US Veterans. In: *JAMA Network Open*, 6 (3), 23–30. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2023.3079.
13. Edwards, E. R., Coolidge, B., Ruiz, D., Epshteyn, G., Krauss, A., Gorman, D., Connelly, B., Redden, C., El-Meouchy, P. & Geraci, J. (2023). Situational Stress and Suicide Attempt Behavior in Army Soldiers and Veterans: Insights from the Army Study to Assess Risk and Resilience in Servicemembers-Longitudinal Study. In: *Suicide and Life Threatening Behavior*, 53 (4), 642–654. DOI: 10.1111/slbt.12970.
14. Dereffinko, K. J., Hallsell, T. A., Isaacs, M. B., Salgado Garcia, F. I., Colvin, L. W., Bursac, Z., McDevitt-Murphy, M. E., Murphy, J. G., Little, M. A., Talcott, G. W. & Klesges, R. C. (2018). Substance Use and Psychological Distress Before and After the Military to Civilian Transition. In: *Military Medicine*, 183 (56), 258–265. DOI: 10.1093/milmed/usx082.
15. Stevenson, B. J., Falcón, A., Reilly, E., D Shirk, S., Hunt, T. & Mueller, L. (2025). Meaningful Employment Among Veterans with Co-Occurring Substance Use and Mental Health Disorders. In: *Journal of Dual Diagnostics*, 21 (3), 212–223. DOI: 10.1080/15504263.2025.2517179.
16. Murray, C. D., Havlin, H. & Molyneaux, V. (2024). Considering the Psychological Experience of Amputation and Rehabilitation for Military Veterans: A Systematic Review and Metasynthesis of Qualitative Research. In: *Disability and Rehabilitation*, 46 (6), 1053–1072. DOI: 10.1080/09638288.2023.2182915.
17. Davenport, K. E., Morgan, N. R., McCarthy, K.J., Bleser, J.A., Aronson, K. R. & Perkins, D. F. (2022). The Subjective Underemployment Experience of Post-9/11 Veterans after Transition to Civilian Work. In: *Work*, 72 (4), 1349–1357. DOI: 10.3233/WOR-210029.
18. Werum, R., Steidl, C. & Harcey S. (2020). Military Service and STEM Employment: Do Veterans have an Advantage? In: *Social Science Research*, 92 (2). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed: 20.10.25). DOI: 10.1016/j.ssresearch.2020.102478.
19. Stanley, M. L. & Kay, A. C. (2024). The Consequences of Heroization for Exploitation. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 126 (1), 5–25. DOI: 10.1037/pspa0000365.
20. Fadeeva, A., Tiwari, A. & Mann, E. (2022). A Protocol for Developing a Complex Needs Indicator for Veterans (CNIV) in the UK. In: *Oxford Handbook of Public Health Practice*, 11, 4–10. DOI: 10.1016/j.puhip.2022.100281.
21. Maguire, A. M., Keyser, J., Brown, K., Kivlahan, D., Romaniuk, M., Gardner, I. R. & Dwyer M. (2022). Veteran Families with Complex Needs: A Qualitative Study of the Veterans' Support System. In: *BMC Health Services Research*, 22 (1), 70– 74. DOI: 10.1186/s12913-021-07368-2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левковская Наталья Александровна (г. Москва) – преподаватель кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики факультета политических и социальных наук, руководитель проектов отдела стандартизации и поддержки проектной деятельности Российской государственной социальной университета;

ORCID: 0000-0001-9024-2828; e-mail: natalie-peregudova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya A. Levkovskaya (Moscow) – Lecturer, Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics, Project Manager, Department of Standardization and Support of Project Activities, Russian State Social University;

ORCID: 0000-0001-9024-2828; e-mail: natalie-peregudova@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2025. №4

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор Викт. А. Кулакова

Переводчик Вер. А. Кулакова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин
Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
Сайты: www.psymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,5, уч.-изд. л. 10,5

Подписано в печать: 26.12.2025 г. Дата выхода в свет: 30.12.2025 г. Заказ №2025/12-31.
Отпечатано в типографии Государственного университета просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2